

КИРИЛЛ АНДРЕЕВ

ТРИ ЖИЗНИ ЖЮЛЯ ВЕРНА

Annotation

В настоящем издании представлена биография Жюль Верна — французского писателя, одного из основоположников жанра научно-фантастического романа.

Каждая страна по-своему представляла себе знаменитого писателя, отбирая из легенд то, что казалось похожим на правду. Появился французский Жюль Верн — легкомысленный балагур, немецкий — добросовестный, но плоский популяризатор, русский — прекраснодушный мечтатель, итальянский — хитрый и умный мистификатор, и, наконец, энергичный делега — американский Жюль Верн.

И, однако, помимо их всех, существует подлинный Жюль Верн, тот самый, кого Менделеев назвал «научным гением», а Лев Толстой — «удивительным мастером», тот, кого десятки ученых, изобретателей, путешественников считали своим вдохновителем, определившим их профессию и указавшим им путь жизни.

-
- [Кирилл Андреев](#)
 -
 -
 - [Кто он?](#)
 - [Пловучий остров](#)
 - [На правом берегу Луары](#)
 - [Сорок восьмой год](#)
 - [Париж](#)
 - [Ученичество](#)
 - [Одиночество](#)
 - [Его Вселенная](#)
 - [Лицом к лицу со свободой](#)
 - [Пять лет, потерянных для биографов](#)
 - [В полете](#)
 - [Биография жанра](#)
 - [Сквозь огонь и лед](#)
 - [Стихия невесомого эфира](#)
 - [Открытие мира](#)
 - [«Капитан Верн»](#)
 - [Гений моря](#)

- [Буря над Францией](#)
 - [Пепел Парижа](#)
 - [Двойники](#)
 - [Путешествие на остров Утопия](#)
 - [Всемирная слава](#)
 - [Третья жизнь](#)
 - [Место под солнцем](#)
 - [«Сен-Мишель-III»](#)
 - [Конец века](#)
 - [Вечерние сумерки](#)
 - [На пороге нового столетия](#)
 - [Наследство](#)
 - [Тайна Жюль Верна](#)
 - [Библиография](#)
 - [INFO](#)
-

Кирилл Андреев

**ТРИ ЖИЗНИ
ЖЮЛЯ ВЕРНА**

*Издательство ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия» — Москва 1956*

*

М., «Молодая гвардия», 1956

Кто он?

— Да кто же такой в конце концов Жюль Верн?! — воскликнул в отчаянии один американский репортер, прибывший в Париж, чтобы побеседовать со знаменитым писателем. — Быть может, его вовсе не существует?

Действительно, было отчего прийти в отчаяние. Все, кого он расспрашивал, сообщали ему самые противоречивые сведения.

— Жюль Верн — неутомимый путешественник, — сказал один. — Он объехал Европу, Азию, Африку, обе Америки, Австралию и сейчас плавает где-то в Океании. В своих романах он описывает только собственные приключения и наблюдения.

— Жюль Верн никогда и никуда не выезжал, — возразил другой. — Он живет где-то в провинции и строчит свои романы, не выходя из кабинета. Все, что он издает, списано с книг знаменитых географов и путешественников.

— Жюль Верн вовсе не француз, — сообщил третий. — Он еврей, уроженец города Плоцка, близ Варшавы, и его настоящее имя Юлий Ольшевич — от слова «ольха» — по-старофранцузски «вернь». Свою карьеру он начал литературным секретарем знаменитого Александра Дюма.

Это он, Жюль Верн, является подлинным автором романов «Три мушкетера» и «Граф Монте-Кристо».

— Жюль Верн — это миф, — объявил четвертый. — Это просто коллективный псевдоним, под которым пишет целое географическое общество.

— Жюль Верн действительно существовал, но он умер несколько лет назад, — заключил пятый. — Это английский капитан, старый морской волк, командир корабля «Сен-Мишель». Первые его романы были изданы предприимчивым издателем Этселем, который до сих пор, используя популярное имя, продолжает выпускать ежегодно два тома сочинений под маркой «Жюль Верн».

Этим анекдотом вполне уместно начать биографию знаменитого писателя. Анекдоты и легенды окружали его при жизни, заслоняя от читателей подлинное лицо писателя. Но он не сердился, не протестовал, только улыбался. Скромный, пожалуй, даже скрытный, он никогда не говорил о себе. Только однажды, указывая на карту Земли, украшавшую стену его кабинета, он сказал одному из своих друзей:

— Я довольствуюсь вот этим. Я иду по следам своих героев. От настоящих путешествий мне всегда приходится отказываться.

— Как, вы не совершили ни одного кругосветного плавания? — спросил изумленный гость.

— Нет, никогда!

— И никогда не видели людоедов?

— Что вы! Я боялся, что они меня съедят!

И постепенно в умах современников укоренилась легенда о писателе, который только по книгам изучает другие страны и совершает необыкновенные путешествия лишь в мечтах.

После смерти Жюля Верна торопливые биографы из этих легенд сложили историю его жизни.

В этом, конечно, нет ничего удивительного, и об этом можно было бы не говорить, если бы эти легенды не были так живучи. После половины столетия, прошедшей со дня смерти писателя, забвенью подверглись преимущественно факты, и в памяти потомков миф заменил реальность. А так как в основу творимого жизнеописания писателя-героя легли разные легенды, то со страниц, посвященных его биографии, на нас глядит много людей, почти не схожих между собой, но носящих одно и то же громкое имя: Жюль Верн.

Каждая страна по-своему представляла себе знаменитого писателя, отбирая из легенд то, что казалось похожим на правду. Это привело к

национальной дифференциации. Появился французский Жюль Верн — легкомысленный балагур, немецкий — добросовестный, но плоский популяризатор, русский — прекраснодушный мечтатель, итальянский — хитрый и умный мистификатор, и, наконец, энергичный деляга — американский Жюль Верн.

Не существует только английского Жюля Верна. Англичане его переводят, много издают, усердно читают, но... почему-то не говорят и не пишут о нем.

И, однако, помимо их всех, существует подлинный Жюль Верн, проживший уже больше столетия (его первое произведение было опубликовано в 1851 году), тот самый, кого Менделеев назвал «научным гением», а Лев Толстой — «удивительным мастером», тот, кого десятки ученых, изобретателей, путешественников считали своим вдохновителем, определившим их профессию и указавшим им путь жизни.

Вот он сидит за своим письменным столом. Он стар и очень болен: левая нога, в которой застряла пуля, не сгибается. Но он работает, и лист за листом, исписанные дрожащим, старческим почерком, ложатся в папку с названием: «Необыкновенные путешествия. Новый роман».

Он сед, одет в старомодный черный сюртук, держится прямо, как принято было держаться в дни его молодости. Его окружают очень старые вещи: рояль — ровесник французской революции, мебель в стиле Людовика XV, книги XVIII века. Но он не видит их: он слеп.

Не видит? Нет, он видит, и гораздо лучше и дальше, чем большинство его современников. Ослепительный электрический прожектор освещает глубины моря, где кипит работа. Подводные корабли пересекают океаны. Ввысь взлетают воздушные корабли без крыльев, несомые полупрозрачными винтами. Каналы пересекают материки, и пустыни становятся морями. Высоко над облаками, с почти космической скоростью, проносятся снаряды, готовые превратиться в спутников нашей планеты. Почти за пределы земного тяготения вылетают сверкающие космические ракеты. Вооруженный силой, скрытой в недрах материи, человек вступает во владение земным шаром.

Это наш сегодняшний день и наше грядущее, увиденные старым писателем в безысходной темноте его рабочего кабинета.

Таким его когда-нибудь напишет художник, и таким он изображен в этой книге. Портрет этот пристрастен, как должен быть пристрастен суд, который судит человека, указавшего дорогу к звездам, человека, ставшего нашим современником и соотечественником, вечного сверстника грядущих поколений.

Пловучий остров

Бретонский город Нант, один из крупнейших портов Франции, лежит на правом берегу полноводной Луары, в пятидесяти километрах от ее устья. В пределах города широкая река разделяется на пять рукавов, через которые перекинута бесчисленные мосты. Маленькая речушка Эрдр, текущая с севера на юг, отделяет старый город Нант от новых кварталов.

Нант — город кораблестроителей и мореходов, судовладельцев и купцов, ведущих заморскую торговлю. Аристократию города составляют надменные потомки работорговцев и плантаторов, владевших некогда почти всей Вест-Индией. Прочие жители — матросы, рыбаки, плотники, канатные и парусные мастера — тоже тесно связаны с морем. Оно не видно из города, но дыхание его чувствуется на всех улицах: и в богатых и в бедных кварталах.

В 1721 году группа из восьмидесяти четырех плантаторов и судовладельцев пожелала поселиться на песчаной отмели, нанесенной течением реки Эрдр и лежащей прямо против Биржи. Единственный обитатель пустынного островка, расположенного в центре города, мельник Гроньяр, пытался протестовать, но правитель Бретани, кавалер Фейдо де Бру, подписал указ, повелевавший разрушить мельницу и выселить ее

владельца. Очень скоро восемьдесят четыре роскошных дома-дворца выросли на безымянной отмели, получившей название остров Фейдо.

Великолепная пышность этих дворцов была плодом торговли «черной костью», как стыдливо называли свою профессию работорговцы. Плантаторы Вест-Индии так быстро истребили индейцев в бассейне Караибского моря, что некому стало возделывать плантации, дававшие сказочные доходы их владельцам. Тогда-то возникла страшная торговля живыми людьми.

Испанские, португальские, английские, французские и голландские корабли регулярно совершали рейсы между гвинейским побережьем и Америкой. За сломанные ружья, за виски, красные ткани, бусы и зеркала работорговцы покупали в Африке рабов у местных вождей. Некогда в Западной Африке были цветущие мирные области, где не знали грабежей, где население после тяжкого, но радостного труда на пашнях собиралось со всей округи на веселые праздники. Теперь европейцы стали натравливать одни племена на другие и снаряжать экспедиции для охоты на людей. Не меньше восьмидесяти тысяч рабов, по самым скромным подсчетам, попадало ежегодно на невольничьи корабли, и это, видимо представляло собой только десятую часть туземцев, уцелевших после массовых избиений.

После этой чудовищной бойни оставались лишь вытоптанные поля и дымящиеся развалины пустых селений. И дикие звери овладевали местностью.

Революция, наполеоновские войны, отмена рабовладения и запрещение работорговли разрушили благосостояние владельцев острова Фейдо. Великолепные дома с пышными кариатидами и открытыми балконами, обставленные мебелью красного дерева, украшенные индийскими коврами и китайскими безделушками, затихли и опустели. В некоторых из них появились новые хозяева — рыбопромышленники и владельцы верфей; вместе с новыми людьми изменилась обстановка, но воздух на маленьком островке по-прежнему казался воздухом далеких стран, а Вест-Индский архипелаг, как и раньше, более близким, чем департаменты Франции.

Нелегко было новому человеку проникнуть в этот замкнутый мирок, отгороженный от города и всей страны быстрыми водами Луары. Но молодой Пьер Берн, поселившийся в Нанте в 1824 году, в год запрещения работорговли, помощник адвоката мэтра Пакето, очевидно, обладал непреклонной настойчивостью.

19 февраля 1827 года состоялась его свадьба с Софи Анриеттой Аллот

де ля Фюйе — прямой наследницей некогда богатой, но обедневшей семьи нантских арматоров. Жениху было 28 лет, невесте 26 лет. Молодые поселились в огромном доме родителей Софи Анриетты: улица Оливье де Клиссон, номер 4, остров Фейдо...

В этом доме 8 февраля 1828 года, в полдень, родился великий мечтатель и путешественник в неизвестное, писатель и поэт Жюль Габриель Верн.

Сохранились портреты родителей будущего писателя, относящиеся к этому времени. Даже по фотографиям этих старых полотен, потемневших от времени, мы можем восстановить дух эпохи.

...Вот Пьер Верн, сын провинциального судьи из Прованса Габриеля Верна, адвокат, владелец маленькой конторы в доме № 2 по набережной Жан Бар, на стрелке рек Эрдр и Луары, конторы, купленной после женитьбы, очевидно, на деньги жены. Он очень прямо сидит на стуле в своем домашнем кабинете, и предметы, его окружающие, раскрывают его мир — мир мужчины, занятого делами где-то вне дома, в конторе, на бирже, в магазине. Книжный шкаф наполнен аккуратно расставленными книгами, лишь одна из них вынута и лежит на бюро, рядом с книгой мы видим чернильницу, песочницу, папки, внизу — корзину для бумаги. Сам хозяин кабинета одет во все черное, в правой руке он держит какой-то документ, рядом с ним на стуле лежит конверт. По всему видно, что это человек бумажного мира, кабинетного мышления, гордящийся даже мелкими бытовыми атрибутами своей профессии.

На стене висит картина, открывающая из тесного и душного кабинета окно в широкий мир: морской пейзаж, оживленный волнами, освещенными солнцем. Но Пьер Верн повернут к пейзажу спиной и его не видит. Золоченая рама контрастирует со всей строгой, стильной обстановкой. Скорее всего, эта картина — наследство рода Аллот, мятежный дух океанского острова Фейдо, проникший сквозь раму картины, словно через окно, в этот мир деловых бумаг и судебных протоколов.

Лицо мэтра Верна — холодное, с правильными чертами, окаймленное бакенбардами, приоткрывает нам душу черствого педанта. Но есть ли это подлинное выражение молодого адвоката или просто результат недостаточного мастерства провинциального художника? Таким ли был отец писателя? Что мы вообще знаем об этом человеке?

Профессия юриста была наследственной в семье Вернов. Со дня рождения мальчика для Пьера Верна не было ни малейшего сомнения в том, что его сын станет адвокатом. Он окончит школу в Нанте, пройдет практику в конторе отца и поедет в Париж, чтобы закончить свое

образование. Как только мальчик научился ходить, отец взял его в свою контору на Кэ Жан Бар. И всю жизнь во всех своих письмах — а эта переписка сохранилась — он давал сыну мелочные советы, пространные пояснения, и никогда у него не возникало ни малейшего сомнения ни в своей правоте, ни в своем превосходстве.

...Софи Анриетта, урожденная Аллот де ля Фюйе.

Она сидит лицом к зрителю на самом краешке мягкого кресла, обитого цветным шелком. Черное бархатное платье с белым кружевным воротничком, черная бархотка вокруг шеи, строгая прическа с ровным пробором; маленькие руки сложены на груди... Ее окружает ограниченный мир женщины XIX века: раскрытый клавесин с развернутыми нотами, тусклое зеркало на стене, коврик под ногами. Тяжелая портьера скрывает дверь и словно отделяет Софи Анриетту от внешнего мира, как бы замыкая ее в круге домашних дел. Но для того, кто знает ее биографию, в ее спокойной позе чувствуется принужденность: кажется, что она сейчас соскочит с кресла, чтобы через минуту оказаться на свежем ветру острова Фейдо. Настойчивость, упрямство, живость, остроумие — вот наследство, переданное ею своим сыновьям от бретонских и нормандских предков: моряков, кораблестроителей, негоциантов, представителей морского народа, для которого равно близки и знакомы все океаны и материки.

Остров Фейдо был тем миром, где мальчик рос до двенадцати лет. Одетый в гранит, удлиненный, этот остров походил на огромный каменный корабль, плывущий вниз по Луаре, между набережными, носящими имена адмиралов, мореплавателей, корсаров и полководцев. В «носовой» части этого пловучего острова зеленел крохотный садик, называвшийся «Маленькой Голландией», где росли все тропические растения, которые могли выдержать влажный и ветреный климат нижней Луары. На «корме» разместился небольшой рыбный рынок. С углового балкона, выходившего на главную улицу острова — рю Кервеган — можно было видеть весь «корабль»: четыре горбатых моста, соединяющих его с материком, городские кварталы на севере и зеленые луга заречья. Из слухового окна на чердаке вид был еще более широким и мир казался безграничным.

Для мальчика, уроженца большого портового города, улица рю Кервеган, идущая вдоль всего «пловучего острова», казалась капитанским мостиком, а позиция у слухового окна — «вороньим гнездом» на вершине мачты. Со сладким шуршаньем протекали вдоль каменных бортов «корабля» воды Луары, медленно проплывали рыбацкие лодки с квадратными парусами, вдали виднелись океанские корабли, уставшие от плаваний в дальних морях, свернувшие свои паруса и ошвартовавшиеся

прямо у гранитных набережных.

В большом восьмиугольном зале со сводчатыми входами мальчик видел два больших портрета, висящих по бокам камина: Франсуа Гильоше де Лапейер, нормандский навигатор, и Александр Аллот де ля Фюйе, арматор из Нанта, — его предки. И снова они напоминали ребенку о широком мире, о безбрежном океане, не разделяющем, а соединяющем далекие материки.

Софи любила гулять с сыном по набережной де ля Фосс, усаженной магнолиями, где разгружались океанские парусники, совершающие рейсы в Вест-Индию и на гвинейский берег. В те годы целый флот в две с половиной тысячи судов был приписан к Нантскому порту. На пристани груды возвышались бочки с ромом, мешки с кофе и какао, связки сахарного тростника. Бородатые матросы продавали любопытным горожанам ананасы и кокосовые орехи, торговали канарейками, попугаями, обезьянами. Маленький Жюль читал названия кораблей: «Сирена», «Милая роза», «Павлиньи перья», «Морская раковина», «Чудесные яблоки»... Снова — в который раз! — его обступал романтический мир безграничного океана.

Жюль не был единственным ребенком в семье. Брат Поль, всего лишь на шестнадцать месяцев моложе, был его лучшим другом, товарищем детских игр, поверенным несложных тайн. Затем шли сестры: Матильда, Анна и Мари, по прозвищу Ле Шу, что можно перевести и «капуста», и «пирожное с кремом», и «пышный бант».

Затем следовали кузины Тронсон — Каролина и Мари, ровесницы Жюля и Поля, постоянные участницы их детских игр. И, наконец, наиболее близкие из чуждого и насмешливого мира взрослых: дядя Прюдан Аллот — брат матери, Шатобур — муж старшей сестры Софи Анриетты и мадам Самбен.

Мадам Самбен, жена капитана дальнего плавания, пропавшего без вести, была первой учительницей маленького Жюля. Она показывала братьям Верн буквы, исправляла палочки и кружочки в их детских тетрадях и читала им вслух удивительные истории о путешественнике Синдбаде и несчастном Робинзоне Крузо. Она рассказывала им о своем исчезнувшем муже, в гибель которого она не верила, и мечтала когда-нибудь накопить достаточно денег, чтобы отправиться на его поиски.

Шатобур — любитель-художник, ученик прославленного в те годы живописца Изабе, двоюродный брат знаменитого писателя Шатобриана — любил рассказывать трогательные и романтические истории из жизни благородных краснокожих индейцев и об экспедициях, одна за другой

отправлявшихся на поиски Северо-западного прохода.

В одной из таких экспедиций участвовал и его знаменитый родственник. Правда, путешествие это носило скорее увеселительный характер. Шатобриан, мечтавший о прелестях первобытной жизни, добрался лишь до центральных частей штата Нью-Йорк, описанных позже в романе Купера «Зверобой», охотился с дикими ирокезами на бизонов и, опьяненный величием девственной природы, вернулся на родину, мечтая об огромной эпопее из жизни первобытных племен...

Дядя Прюдан был антиподом де Шатобура: коммерсант, путешественник, он объехал полсвета, «бывал даже в Бразилии», говорили дети, но его рассказы всегда носили несколько шуточный, иронический характер. Любитель фарсов, поклонник Рабле, мастер галльских шуток, ценитель хорошего стола и доброго погребца, он раскрывал мальчику еще одну Францию — и немаловажную, если вспомнить о предках Жюля с материнской стороны.

Это был домашний мир. Кроме того, время от времени возобновлялись посещения маленькой конторы на Кэ Жан Бар. Рядом с отцом, одетым в черный сюртук с широкими отворотами, торжественно вышагивал маленький веснушчатый мальчик с серьезным лицом. В крошечном кабинете, окна которого выходили на узкую набережную реки Эрдр, мальчик углублялся в холодные томы римского права и Наполеоновского кодекса или пытался постигнуть тайны судебного делопроизводства — ни дать ни взять будущий нотариус или адвокат, по мнению отца, а может быть, и по собственному представлению.

Такова была маленькая вселенная, окружавшая Жюля Верна в раннем детстве и формировавшая его характер. Но что можно сказать о самом мальчике?

Дошедшие до нас сведения об этом периоде жизни писателя скудны и в значительной степени легендарны. Мастерил ли он из щепок и лоскутков крохотные кораблики, чтобы бежать за ними вместе с Полем, пока их не увлечет течение Луары? Вероятно, но так, без сомнения, поступали все нантские мальчики, хотя только один из них стал Жюлем Верном... Ловил ли он рыбу, сидя на каменном парапете и болтая ногами? Возможно... Исчезал ли он из дому, чтобы, смешавшись с группой бородатых рыбаков, слушать с широко раскрытыми глазами старые нантские легенды: повести о бретонском мальчике Жаке Кассар, ставшем великим мореплавателем, или о Жиле де Лаваль, Синеи Бороде, который был за свои преступления сварен в масле вблизи своего замка, расположенного в окрестностях города? В этом нет ничего невозможного, но и ничего достоверного.

Отнесем эти подробности за счет литературной традиции биографического жанра и оставим их на совести восторженных авторов жизнеописаний знаменитого писателя.

Из документально подтвержденных фактов этого периода можно лишь зарегистрировать ветреную оспу, корь и «сенную болезнь». Впрочем, стоит отметить мелкую, но важную подробность, показывающую, что мальчик был мечтателем немного особого склада: он любил шутки и веселые мистификации. И не случайно поэтому его любимой книгой в эти годы был «Мюнхгаузен».

На правом берегу Луары

Каждый год, с наступлением июня, семья Вернов переселялась на дачу в Шантеней — пригород Нанта. Там были зеленые луга, пышные поля, буковая роща, старый дуб на берегу Луары и спокойная тишина французской деревни.

Все в этом мире, казалось, навеки оставалось неизменным, и лишь сама Луара, рамка этой идиллической картины, жила особой жизнью. Океанские парусники, отчалившие от набережной де ля Фосс, беззвучно, как призраки, проплывали вниз по реке, направляясь к открытому морю. По запутанному фарватеру судно вел обычно сам капитан — «единственный властелин, после бога, на своем корабле».

Сохраняя все обаяние сельской местности, Шантеней лежал в то же время достаточно близко от города, чтобы мэтр Верн мог каждый день посещать набережную Жан Бар. Огромный омнибус — сенсационное изобретение тех дней — только недавно начал регулярные рейсы между Нантом и Сен-Назером, и ежедневно мэтр Верн, в высокой черной шляпе и с неизменным черным зонтиком, сдержанно попрощавшись с семьей, взбирался на скрипучее сиденье экипажа, носившего романтическое название «Белая дама». Кондуктор в белой ливрее протягивал ему билет,

кучер в белой ливрее взмахивал кнутом, и огромное сооружение, запряженное четырьмя белыми першеронами, с торжественным брэнчаньем и звоном снова катилось по дороге со скоростью одного лье в час.

В 1838 году Жюль и Поль поступили в «Малую семинарию Сент-Донатьен». География и чтение открыли перед мальчиками карту огромного мира, которой они до сих пор знали лишь по рассказам. Путешествия и дальние страны овладели их воображением. В этом не было ничего удивительного, так как такова была судьба почти всех нантских мальчиков, за очень редким исключением.

Но дальше снова начинаются легенды. Были ли книги Жюля «исчерчены грубыми картами»? рисовал ли он в своих тетрадях «схемы летательных и подводных аппаратов»? Создал ли он уже в эти годы свой «фантастический проект парового омнибуса в форме гигантского слона»? В этом можно усомниться. Во всяком случае, в школе Жюль не отличался успехами в науках. Значительно больших результатов он добился в эти годы в беге на ходулях и по отзыву учителей был подлинным «королем школьного двора во время перемены».

В школе впервые развилась романтическая предприимчивость юного Жюля. «На школьных пикниках по зеленым речным отмелям, — если верить биографам, — он предпринимал поиски сокровищ, организовывал экспедиции в заморские страны. Деревья тогда становились мачтами, а обломки скал превращались в кареты, увлекаемые скачущими лошадьми...» В Шантеней вместе с Полем Жюль расширил круг своих экскурсий. Не довольствуясь старой, заброшенной каменоломней, где они ловили ящериц, юный Жюль, как его любимые герои открывали полюс или Северо-западный проход, открыл придорожную харчевню, посещаемую преимущественно матросами, под вывеской «Человек, приносящий три несчастья». Содержатель ее, отставной моряк Жан Мари Кабидулен, славился по всей округе тем, что своими глазами видел легендарного морского змея, или, по крайней мере, утверждал это. Болтливый старик, давно надоевший местным рыбакам, в лице двух мальчиков обрел благодарную аудиторию, которая, затаив дыхание, внимала его небылицам, расточаемым им с чисто бретонской серьезностью и обстоятельностью.

Однажды мэтр Берн в одну из своих деловых поездок в местечко Эндре, лежащее на полпути к Сен-Назеру, захватил с собой сына. На обратном пути они осмотрели машиностроительные заводы вблизи Эндре, где изготовлялись первые паровые механизмы для нового французского флота. Гигантские паровые молоты с грохотом и шипеньем превращали

железные слитки в листы и брусья. Огромные механические станки жужжали и пели в тесных мастерских, как пленные чудовища. Очарованный мальчик следил за тем, как отдельные детали непонятной, ни на что не похожей формы под руками опытных механиков превращались в сложные машины первых во французском флоте паровых фрегатов и корветов. Блестящие новенькие локомотивы — первые, которые в жизни видел Жюль, — медленно двигались по стальным путям, проложенным прямо по улицам местечка. Султаны дыма, клубы пара, ритмическое дыхание машин — весь этот фантастический мир был так не похож на старый Нант, на луга и рощи Шантеней! И люди с копотью на лицах, в засаленных комбинезонах вдруг показались мальчику гораздо более романтичными, чем рыбаки и матросы, такие привычные с детства.

Теперь была разгадана тайна «пироскафов» — первых паровых судов, которые Жюль изредка наблюдал с балкона старого дома в Шантеней. Как Они могли мчаться против течения и ветра без парусов и весел? Они как будто катились на огромных колесах по волнам Луары, неуклюжие по сравнению с легкими парусниками, но величественные. Жюль теперь мог как знаток рассказывать своим юным друзьям — в школе, на острове Фейдо и в Шантеней — о чудесах того мира будущего, завеса над которым приподнялась ему в Эндре.

Если справедливо утверждение, что биография человека определяется его поступками, выходящими за рамки обыденности, то биография Жюля Верна начинается с его первого путешествия, предпринятого им в одиннадцатилетнем возрасте.

...Ранним летним утром 1839 года, сложив в маленький парусиновый мешок немного одежды, несколько книг и две пригоршни сухарей — «настоящих морских галет», — одиннадцатилетний Жюль прокрался через спящий дом и кружным путем выбрался на большую дорогу, у харчевни дядюшки Кабидулена уже толпились бородатые рыбаки, матросы в полосатых фуфайках, морские офицеры с золотым шитьем. Несколько часов подряд юный мечтатель, теребя свою фуражку, предлагал свои услуги боцманам и офицерам, шкиперам и командирам. Мальчик был небольшого роста, но коренаст и хорошо знал морской жаргон. Поэтому капитан Кур-Грандмезон, шкипер трехмачтовой шхуны «Корали», нуждавшийся в мальчишке для посылок, молча указал трубкой на свой корабль, стоявший невдалеке от берега.

Шхуна снялась с якоря в полдень. К вечеру она должна была быть в Пэмбефе, в устье Луары, чтобы с утренним отливом выйти в открытое море. Она отплывала в Индию...

Исчезновение мальчика было не сразу замечено в большом доме в Шантеней: его привычка проводить летние дни в бесконечных исследованиях окрестностей была хорошо известна, и только тогда, когда он не явился к двенадцатичасовому завтраку, мать стала беспокоиться.

Воспоминание об утопленниках, вытасненных рыбацким неводом три года назад, с каждым часом становилось в ее памяти все более ярким. Она представляла также обрывистые, кремнистые стены старой каменоломни, перебирала в уме несчастные случаи на охоте, в то время как все домашние занимались розысками. Неожиданно кто-то из соседей указал на след беглеца: его видели в харчевне «Человек, приносящий три несчастья», а затем в обществе двух юнг «Корали» отплывающим в шлюпке на шхуну. Более подробное расследование подтвердило это сообщение и принесло известие, что корабль капитана Кур-Грандмезона снялся с якоря в полдень и в настоящее время находится на пути в Индию.

Пьер Верн узнал о случившемся только в шесть часов. В чрезвычайных обстоятельствах он показал себя человеком решительным и находчивым. За какие-нибудь полчаса был снаряжен паровой катер — новинка и гордость Нантского порта, — который, чудовищно дымя, помчался вниз по Луаре. На мостике рядом с капитаном стоял бледный, но решительный мэтр Верн.

Беглец был достигнут неподалеку от Пэмбефа. Возвращение отца и сына на сен-назерском почтовом дилижансе было торжественным и мрачным; никто из пассажиров не мог ошибиться в своих предположениях при виде непреклонного отца и кающегося сына... В большом доме в Шантеней Жюль ничего не рассказал о своем первом путешествии. Даже его лучший друг Поль не узнал подробностей. Юный грешник упорно молчал, лишь матери он дал обещание: «Я никогда больше не отправлюсь путешествовать иначе, как в мечтах...»

Два года спустя Жюль, однако, с энтузиазмом согласился на предложение Поля отправиться в далекое плавание на самодельной лодке. Еще ранней весной, на городской квартире, братья приступили к составлению маршрута. Жюль помогал Полю чертить карты и прокладывать курс. Остановки были намечены в Пэмбефе, Сен-Назере, Порнике — маленькой рыбацкой деревушке на западном побережье Франции. Дальше перед путешественниками открывался бурный простор Бискайского залива и открытое море...

Жюль относился к предполагаемой экспедиции, пожалуй, более серьезно, чем Поль. Он мог на память проложить курс на карте и знал наизусть все достопримечательности, которые предстояло осмотреть. Им

был составлен длинный список необходимого оборудования, и ни одна деталь не ускользнула от его систематического ума. Но, по мере того как проходили дни, он все реже заговаривал о волнах Бискайского залива, бризах, муссонах и пассатах, а работа над самодельной лодкой все замедлялась. Наконец он совсем перестал вспоминать о проекте, и Поль понял, что Жюль решил не ехать, что он уже совершил путешествие в своем воображении...

Зимой, однако, Жюль снова стал подниматься ночью и работать при свечах. Но Поль уже не участвовал в этих занятиях. Незаметно пути братьев начали расходиться. Сочувствовал ли Поль новому увлечению Жюля? Во всяком случае мы можем быть уверены в том, что он был первым ценителем литературных опытов старшего брата. Однако первое произведение молодой поэт посвятил своей матери. Это был меланхолический романс «Прощай, мой славный корабль».

Легко поддаваться соблазну и счесть это стихотворение значительным биографическим фактом. Можно усмотреть здесь и прощание с мечтами детства о море и далеких странах, увидеть начало литературной карьеры, первое произведение, определившее дальнейший жизненный путь будущего писателя. Но ведь настоящая книга не повесть о трудах и днях посредственного лирического поэта Жюля Верна, а биография всемирно известного автора «Необыкновенных путешествий». Можно ли в мелких черточках его биографии этого периода обнаружить следы хотя бы бессознательных стремлений, бросающих яркий свет на юные годы будущего мечтателя и путешественника в неизвестное?

Сохранилась картина, писанная де Шатобуром в 1842 году. На ней изображены Жюль и Поль Верны на фоне прекрасного английского сада, вероятно, в Шантеней. Четырнадцатилетний Жюль, голубоглазый, светловолосый, одетый по последней моде — в короткий фрак и цветной жилет, — правой рукой сжимает запястье младшего брата, положив левую руку ему на плечо. Юный Поль, одетый почти так же, держит в левой руке обруч для игры в серсо. Он выглядит более хрупким, более интеллектуальным, чем его брат Жюль. Расчищенные дорожки уходят на задний план и теряются в тусклозеленой листве сада...

Еще в 1840 году семья Вернов переселилась из большого дома на улице Клиссон, бывшего обиталищем нескольких поколений Аллотов и Лапейеров, на Большую землю — в свою собственную квартиру, в старом доме на улице Жана Жака Руссо. Широкая улица, вымощенная белыми каменными плитами, соединяла площадь Граслен с набережной де ля Фосс, обсаженной магнолиями. В нескольких шагах от дома на площади Биржи

была остановка омнибуса, идущего в Шантеней; в начале набережной помещалась пристань пироскафов, отправляющихся в Пэмбеф; каменный нос огромного «пловучего» острова» Фейдо был виден с любой стороны улицы. Но юный Жюль все реже появлялся на набережной Луары. Гораздо чаще его можно было видеть на площади Граслен созерцающим огромный фасад нантского театра или в воротах исторического Отеля де Франс. И его всегда можно было найти у подъезда гостиницы в тот час, когда прибывала почта. Тяжелая почтовая карета появлялась со стороны площади рояль, и усталые лошади мчали ее по улице Кребийон и затем вокруг сквера на площади Граслен. Жюль, затаив дыхание, разглядывал запыленных путешественников, одетых в дорожные костюмы, и молчаливого почтальона, усаживающегося за обед, чтобы через два часа снова мчаться на юг, по городам Франции.

В 1844 году, когда Жюлю исполнилось шестнадцать лет, а Полю пятнадцать, братья поступили в Нантский Королевский лицей. Систематический ум и превосходная память позволили старшему брату очень скоро занять в лицее одно из первых мест. В 1846 году он был удостоен второй премии по риторике — Для родных и друзей верный признак того, что Жюль твердо и неуклонно идет вперед по пути, намеченному его отцом. Через год или два он должен был отправиться в Париж, чтобы завершить там свое образование и занять место в маленькой конторе на Кэ Жан Бар, как компаньон и помощник мэтра Верна. Но настойчивость, методичность и усидчивость в работе, унаследованные Жюлем от отца, не составляли еще всего его характера. Вечерами природная живость и стремление к чему-то необыкновенному увлекали его в «Театр рикики» — театр марионеток, расположенный на улице Дю Пон де Советур, недалеко от дома, — или в библиотеку на площади Пиллори — площадь Позорного столба средневекового Нанта — на другом конце города, на левом берегу Эрдр. Библиотекарь, известный всему Нанту под фамильярной кличкой «папаша Боден», любил этого русого, веснушчатого мальчика с быстрыми светлыми глазами, поглотившего книги с юной жадностью.

Когда-то страстью молодого Жюля Верна были робинзонады. «Робинзоны», — писал он больше чем полвека спустя, — были книгами моего детства, и я сохранил о них неизгладимое воспоминание. Я много раз перечитывал их, и это способствовало тому, что они навсегда запечатлелись в моей памяти. Никогда впоследствии, при чтении других произведений, я не переживал больше впечатлений первых лет. Не подлежит сомнению, что любовь моя к этому роду приключений инстинктивно привела меня на

дорогу, по которой я пошел впоследствии...»

Но теперь не только робинзонады, но и любые книги, где говорилось о путешествиях или приключениях, а в особенности романы морские, стали его любимым чтением.

Весь Купер и романы его французских подражателей — «Пират Кернок», «Атар Гуль» и «Кукарача» Эжена Сю, повести Эдуара Корбьера, Огюста Жаль и Жюль Леконт — все это было проглочено и переварено с необычайной быстротой. Затем внимание юноши привлек Александр Дюма, создатель нового типа романа приключений, находившийся в то время на вершине славы. «Монте-Кристо» уже был переведен на бесчисленное количество языков; только что вышли в свет «Мушкетеры». А поэзия? Разделял ли юноша пристрастие своего отца к классикам? Увы, нет! С самого начала битвы, которую дал старой литературе молодой романтизм, Жюль стал на сторону юности. Вот первый бунт против отца, против авторитетов, быть может, более серьезный, чем бегство в Индию, предпринятое в детстве!

Вождем всей молодой литературной Франции в эти годы был Виктор Гюго, только что ставший академиком и пэром Франции, но все еще не признанный старшим поколением. Дюма тоже причислял себя к романтикам. Великолепные стихи Гюго или романы Дюма, полные блеска и движения? Между этими полюсами колебалось сердце юноши.

Поль продолжал оставаться самым близким человеком, но пути братьев постепенно расходились: адвокат и моряк, черная мантия законника и шитый золотом офицерский мундир — каждый шел своей дорогой. Часто вечерами Жюль засиживался в библиотеке, пристроившись на краю стола по своей привычке, и исписывая мелким почерком огромные листы бумаги. Из-под его пера появлялись преимущественно трагедии в стихах, но их единственным терпеливым слушателем и почитателем был Аристид Иньяр, товарищ по лицу. Каролина Тронсон — прекрасная Каролина, «роза Прованса» — была, увы, равнодушна к трагической музе Жюль и именовала его произведения «торжественной замазкой». Дядя Прюдан, любитель фарсов, галльских шуток и Рабле, высмеивал молодого поэта и предлагал ему свою помощь, чтобы отнести эти пьесы владельцу «Театра рикики». Только Мари Тронсон, маленькая верная Мари, обливаясь слезами, втихомолку переписывала их в заветную девическую тетрадь.

...Шел последний год пребывания Жюль в лицее. Каждый день, после полудня и вечерами, он работал в конторе отца, и у него уже не хватало времени ни на прогулки по набережным, ни на театр, ни даже на посещения «папаши Бодэна». Только письма Иньяра развлекали юношу.

Аристид уже год жил в Париже, где учился музыке у композитора Алеви. Он в самых заманчивых красках описывал столичную жизнь. «Приезжай скорей, — писал он. — Вот город, где действительно можно жить!»

В апреле 1847 года Поль Берн отплыл на шхуне «Лютэн» («Домовой») на Антильские острова, в свою первую навигацию. В том же месяце Жюль Верн выехал в Париж, чтобы держать первый экзамен для получения адвокатского звания. Пироскаф доставил его до Тура, где он пересел в поезд. В те годы железная дорога еще не доходила до Нанта. Юноше было девятнадцать лет; он первый раз в жизни покидал родной город.

Сорок восьмой год

Что ждало молодого Жюль Верна в Париже? Об этом он не мог не думать, раскачиваясь в полудреме на неудобной скамейке крохотного вагончика, похожего на дилижанс, поставленный на рельсы. За окнами бежали тучные поля, пышные зеленые рощи, светлые реки Турэни, Орлеанэ, Иль де Франса. Это было сердце Франции — той Франции, которую он так любил... и так мало знал.

Юность Жюль Верна совпала с удивительной эпохой — великим Сорок восьмым годом, годом первого в мире восстания пролетариата и национальных революций во многих странах Европы. Это был рубеж великого века, ставшего непосредственным предшественником нашего времени. Пока юный Жюль Верн нараспев читал Корнеля, Расина, Мольера, стихи которых наизусть заучиваются во французской школе, упивался строками своего кумира Гюго или мечтал, склонившись над географическими картами далеких стран, вокруг него зрела революция, бушевала Франция — молодая, борющаяся, яростная, но еще не понятая молодым мечтателем из Нанта. Ведь для того, чтобы понять, нужно было раньше увидеть и узнать свою страну.

Воспитанный в маленьком мире острова Фейдо и провинциального

Нанта, сын строгого легитимиста мэтра Верна и ревностной католички Софи Верн, урожденной Аллот де ля Фюйе, молодой Жюль Верн слишком мало знал о великой революции, которая потрясла мир несколько десятков лет назад, еще до рождения его родителей, и чье эхо еще звучало на всю Францию, ту Францию, которой он не знал. Да и откуда он мог узнать правду о революции 1789 года? Об этом молчали его воспитатели и учителя, об этом ничего не говорили его учебники, об этом не принято было упоминать в кругу его семьи.

Страна, лежащая вокруг него и летящая назад за окнами вагона, казалась ему вечной и неизменной, за исключением разве смены королей — ведь так утверждали его учебники. За тысячу лет в ней как будто ничего не изменилось, за исключением разве только костюмов. Правда, могучие локомотивы, увиденные им в Эндре еще в детстве, пироскафы, тревожащие его воображение, вот эта железная дорога с ударами колокола на каждой станции, с сигнализацией цветными флагами и огнями, с рожками стрелочников как будто говорили о том, что, кроме дальних материков и бушующих океанов, кроме парусных кораблей и почтовых карет и дилижансов, существует какая-то неведомая ему, еще не открытая страна. Но впечатления эти были так смутны, что юноша вряд ли смог бы их отчетливо сформулировать.

А между тем страна жила и боролась, словно существовала совсем в другом столетии, чем молодой Жюль Верн. Генрих Гейне, живший во Франции в эти годы, писал:

«Я посетил несколько мастерских в предместье Сен-Марсо и увидел, что читали рабочие, самая здоровая часть низшего класса. Я» нашел там несколько новых изданий речей старика Робеспьера, а также памфлетов Марата, изданных выпусками по два су, историю революции Кабе, ядовитые пасквилы Корменена, сочинение Буанаротти «учение и заговор Бабефа» — все произведения, пахнувшие кровью. И тут же я слышал песни, сочиненные как будто в аду, припевы которых свидетельствовали о самом диком волнении умов. Нет, о демонических звуках, которыми полны эти песни, составить себе понятие в нашей нежной сфере невозможно: надо их слышать собственными ушами; например, в тех громадных мастерских, где занимаются обработкой металлов и где полунагие суровые люди во время пения бьют в такт большими железными молотами по вздрагивающим наковальням. Такой аккомпанемент в высшей степени эффектен, точно так же как и освещение в то время, как живые искры вылетают из печей. Все — только страсть и пламя!..»

Таким был Париж, в который ехал молодой провинциал. Он не знал

этого мира, где ковалось будущее Франции и всего земного шара. Но нельзя поверить в то, что до него не доносились хотя бы отзвуки этих песен, хотя бы отблеск этого пламени, — с этим мы, зная всю жизнь и все творчество Жюль Верна, никогда не сможем согласиться, — согласиться с его буржуазными биографами, рисующими нам идиллический портрет страстного, увлекающегося, но, увы, аполитичного юноши.

История говорит нам — и мы должны выслушать ее беспристрастный голос, — что в 1793 году в Нанте чрезвычайно грозно действовал революционный террор, и эхо преданий великой революции не могло еще умолкнуть в ушах простых людей Нанта — рыбаков, матросов, плотников, парусных и канатных мастеров, которые были спутниками детства Жюль Верна. И потом его великим другом, советчиком и воспитателем была литература...

Уже первые романы Купера — «Шпион», «Лоцман», «Осада Бостона», посвященные борьбе американского народа за независимость, против колониализма, не могли не подействовать на воображение мальчика. И это влияние было тем более сильным, что в годы детства Жюль Верна Купер воспринимался почти как французский писатель: он жил почти все время в Париже, одно время был консулом в Лионе. Его романы выходили во Франции многими изданиями, а в Америке его имя было почти неизвестно. И так называемая «школа Купера» именно во Франции получила полное развитие и великолепное завершение в творчестве талантливом Габриеле Ферри, чье влияние на Жюль Верна было глубоким и длительным.

Луи де Беллемар, бывший старше Жюль Верна на девятнадцать лет, сделался писателем очень поздно и совершенно случайно. Еще юношей он попал в Мексику и прожил там десять лет. Занимаясь коммерческой деятельностью, он делал для себя заметки, не придавая им никакого значения. Но по возвращении Беллемара в Париж эти путевые записки так понравились одному крупному издателю, что Беллемар написал на их основе целую серию приключенческих романов, поставив на них свой псевдоним: «Габриель Ферри».

В центре этой серии, где отважные искатели приключений показаны на фоне дикой природы, многоцветной и пышной, как дешевая олеография, находится роман «Косталь-индеец, или Красный Змей». Ее герой, индеец Косталь, гордый своим происхождением, преданный своему народу, обладающий природным умом и необыкновенной храбростью, хотя и не лишенный суеверия, совсем не похож на идеализированных индейцев Купера. Он не противопоставлен белым героям романа, но является смелым и верным союзником республиканцев, уроженцев Мексики,

восставших против деспотической власти испанского короля. В этой борьбе народа за независимость и заключается пафос романа. «Да здравствует независимость! Смерть тирану!» — словно против своей Воли восклицает бедный студент-богослов дон Корнелио, присоединяясь к восставшим. Какое юное сердце не дрогнет при этих словах! Пусть Мексика давно стала республикой и испанцы изгнаны, но ведь есть и другие угнетенные народы и деспоты короли...

Но в книге Габриеля Ферри есть и другой, более глубокий пафос: «Быть может, всевышнему снова угодно будет показать, как поднявшаяся из праха и пыли рука наводит ужас на сильных мира сего!» Так говорит Валерио Траяно, скромный погонщик мулов, ставший, волей восставшего народа, полковником революционной армии...

Тема национальной борьбы с угнетателями, с тиранией занимала заметное место во французской литературе того времени. Особенно яркое выражение она нашла в творчестве Виктора Гюго. И она не могла не затронуть воображение молодого Жюль Верна.

Еще в 1826 году, за два года до его рождения, вышел в свет роман Гюго «Бюг Жаргаль», где автор в сочувственных красках рисовал восстание негров на острове Сан-Доминго, бывшем тогда французской колонией. В центре действия — один из вождей восстания негр Бюг Жаргаль, носитель высоких идеалов человечности, великодушия и благородства и в то же время исполненный пафоса революционного протеста против рабовладения.

Драма Гюго «Кромвель» тоже направлена против тирании, овеяна духом свободолюбия и ненависти к деспотии. Обвинительным заключением обществу звучит его рассказ «Клод Ге»... Однако восстание против общества не было темой одного лишь Гюго. К той же плеяде принадлежали романы Жорж Санд, драма Александра Дюма «Антони», «Таманго» Проспера Мериме.

Но все эти яростные атаки против существующего строя и его порядков не опирались ни на какую ясную положительную программу. Эти произведения могли зародить в душе юноши абстрактную любовь к свободе и такую же абстрактную ненависть к угнетению. А будущее? Каким оно могло рисоваться его незрелому уму, воспитанному в оранжерее? Что он мог себе представить, кроме полуутопической «Колонии на кратере», по роману Купера — содружества трудолюбивых людей, превращающих в цветущий сад пустынный остров Тихого океана?

Первым молодому провинциалу открылся Париж — еще полный сна, казалось, живущий только вчерашним днем, навеки застывший в своем

ветхом величии. Таким, по крайней мере, его увидел Жюль Верн за краткие пятнадцать дней своей столичной жизни.

Молодой уроженец Нанта должен был прослушать курс права, сдать первые экзамены, и в эту поездку он даже не успел осмотреть город. В памяти лишь остался туман, обволакивающий остроконечные кровли домов с высокими фронтонами и башнями, вросшие друг в друга крыши, ажурные решетки, увитые плющом балконы, позеленевшие статуи в нишах, таинственные изображения на гербах...

Юный мечтатель, в соответствии с домашними наставлениями, остановился у мадам Шаррюель, тетки отца — чопорной и старомодной дамы, в полуразвалившемся доме (№ 2 по улице Терезы, вблизи Тампля). «Колодец без воздуха и без вина», — писал юноша родным. Но дома бывать почти не приходилось. С самого утра юноша, наскоро позавтракав, убегал на левый берег Сены, в Латинский квартал, чтобы возвратиться лишь поздно вечером.

В эти темные вечера громада Тампля, неожиданно для запоздалого пешехода возникающая из тумана, невольно возвращала к прошлому, когда здесь король Генрих II был убит на турнире с Монтгомери. Огромная ротонда, полуразрушенная и таинственная, ныне населенная старьевщиками, была сердцем этого квартала. Казалось, что здесь все еще продолжается XV век и что сейчас на темной мостовой появится королевский палач или ковыляющая стая страшных бродяг...

Перед самым отъездом Жюль все же побывал на площади Вогезов. Начинаящий поэт хотел видеть дом № 6, где с 1830 года жил Виктор Гюго, властитель его мечты.

Уснувшие стены, высокие окна, наглухо закрытые белыми жалюзи, дремлющие крыши старых домов, окружающих площадь, — все это заставило Жюля вспомнить, что он в самом сердце старого Парижа.

В этом уснувшем мире, где лишь чудовищные дымовые грубы казались бодрствующими, оживали тени людей, некогда обитавших на площади, носившей тогда название Королевской. Дом № 6, именовавшийся раньше отелем Геменэ, принадлежал Марион де Лорм. Кардинал ришелье, Корнель, Мольер, мадам де Савиньи жили в соседних дворцах. Площадь в те годы была местом встреч эlegantного общества... Молодому Верну это прошлое казалось таким живым, таким могущественным! Вероятно, он не смог бы поверить, что королевская Франция доживает свой последний год.

Лето Жюль провел в Провансе, у представителей старшего поколения семьи Вернов. Это был заслуженный отдых после успешно выдержанного экзамена. Зима должна была пройти в усиленных занятиях, в подготовке к

последнему экзамену. В феврале 1848 года Жюль должен был получить ученую степень лиценциата прав и звание адвоката. Двадцатилетний адвокат мэтр Жюль Верн! Контора Берн и Верн на Кэ Жан Бар!

В феврале 1848 года весь Нант был потрясен известиями из Парижа: на улицах столицы баррикады, король бежал в Англию, во Франции провозглашена республика!

С лихорадочным возбуждением молодой Жюль Верн следил за событиями этого великого года по доходившим в Нант столичным газетам, по слухам, по рассказам приезжих из Парижа. Все это было смутно и неопределенно и не вмещалось сразу в его голову. Перед ним сразу открылось два новых измерения — прошлое и будущее Франции. За спиной возник призрак девяносто третьего года, великий и ужасный, по определению Виктора Гюго. Впереди смутно сверкали очертания грядущего, которое молодому мечтателю казалось лишенным пятен, как солнце, по мнению Аристотеля.

...10 ноября 1848 года, в девять часов вечера, почтовая карета компании «Мессажери Паризьен», запряженная четырьмя першеронами, тронулась со своей стоянки на площади Граслен. Последним впечатлением путешественников был гранитный фонтан на площади рояль с большой мраморной статуей, аллегорией города Нанта, и тринадцатью бронзовыми статуэтками, изображающими тринадцать рек, впадающих в Луару на территории города.

Карета должна была прибыть в Тур рано утром, чтобы поспеть к первому поезду, отправляющемуся в Париж. Среди пассажиров экипажа было двое молодых людей, уезжающих в столицу для окончания образования: Эдуар Бонами и Жюль Верн.

Молодые люди спешили. Четвертого ноября национальное собрание приняло новую конституцию Второй французской республики, и двенадцатого ноября на площади Согласия должно было состояться ее торжественное провозглашение. И правительство вновь рожденной Второй республики, во главе с президентом принцем Наполеоном Бонапартом, деятельно готовилось, чтобы торжественно отметить этот день.

Но был ли этот день праздником французского народа? Тогда как французская буржуазия ликовала — она праздновала свою победу, кровавую расправу над парижским пролетариатом, впервые в мире поднявшим красное знамя социальной революции, — простые люди Парижа — ремесленники, рабочие, безработные — смотрели на этот «праздник» как на траурное событие: он напоминал им о жертвах, о крови, пролитой на мостовых Парижа.

Молодой Жюль Верн это видел, но не мог этого понять. Для него слова «революция», «республика», «свобода» были всеобъемлющими понятиями, за которыми он не видел живых людей, их произносивших, придававших им разный смысл. Ведь по-разному они звучали для рабочего Альбера, члена Временного правительства, пришедшего на заседание во дворец в рабочей блузе, прямо из мастерской; для буржуазного республиканца Ледрю Роллена и для принца Бонапарта, ставшего президентом, чтобы задушить молодую республику окровавленными руками.

Но чем меньше знали о республике Жюль Верн и его друг Бонами, тем нетерпеливей стремились они в Париж — сердце Франции, чтобы увидеть все своими глазами.

Однако на вокзале в Туре путешественники увидели только специальный поезд, предназначенный для национальных гвардейцев.

— Где ваши сабли и мундиры, господа? — спросил блистающий парадной формой жандарм.

— В наших чемоданах, — с апломбом заявил Жюль.

— А депутаты вашей коммуны, которых вы должны сопровождать?

Увы, молодые люди попали в ловушку! Улизнув в темный угол, они наблюдали, как вагоны наполнялись вооруженными гвардейцами армии победившей буржуазии, как уполномоченный префектуры отдал сигнал к отправлению. Пассажирский поезд шел только через несколько часов, и друзья опасались, что они не успеют на церемонию, которая для них, родившихся после реставрации, была символическим завершением тысячелетней истории королевской Франции.

Они прибыли в Париж в воскресенье 12 ноября, поздно вечером. На площади Согласия догорали последние факелы, холодный ветер рвал намокшие и потемневшие флаги, падал мокрый снег. Ярче всего запомнились отряды солдат, занявшие все соседние улицы, и бледные лица парижан: для обитателей мансард ранняя зима была почти что общественным бедствием. Все это слишком походило на похороны революции, которой Жюлю Верну не пришлось увидеть.

В первые же дни пребывания в Париже юноша буквально набросился на газеты, журналы и памфлеты великого революционного года, чтобы восстановить всю его историю, весь путь революции, лишь эхо которой доносилось в родной ему Нант. И события, о которых он не знал, заново прошли перед его глазами.

22 февраля возмущенное и доведенное до отчаяния парижское население вышло на улицы, и могучая демонстрация народа прошла по улицам столицы. К вечеру на некоторых окраинах, где ютились рабочие и

ремесленники, стихийно выросли баррикады.

Но даже и тогда король Луи Филипп, лицо которого было похоже на сгнившую грушу, а карикатуристы изображали его не иначе, как в нижнем белье и с большим зонтиком, — даже тогда король не понял, что это не мятеж группы недовольных, а демонстрация французского народа, восставшего против ненавистного ему королевского правительства.

— Вы называете баррикадами опрокинутый кабриолет? — иронически спросил король своего министра полиции.

Нет, это не был мятеж, это была революция. 23 февраля в Сент-Антуанском предместье, населенном рабочим людом, прогремели первые выстрелы. В ответ на провокационный выстрел человека, оставшегося неизвестным, прозвучал залп. И этот залп королевских солдат опрокинул французскую монархию.

На парижскую мостовую пролилась первая кровь, и пять убитых пожертвовали своей жизнью за торжество республики. Но тотчас же эти трупы были взвалены на телегу, которая медленно двигалась по бульварам при свете факелов. На телеге стоял рабочий, который время от времени приподнимал труп молодой женщины, залитый кровью, и кричал:

— Мщение! Убивают народ!

— К оружию! — грозно отвечала толпа.

Над Парижем, как грозное облако, висел набат, призывающий строить баррикады. Улицы были перекопаны и усыпаны битым стеклом. Неумолчный барабанный бой призывал всех к оружию.

После бегства короля народ ворвался во дворец, рабочие сели на трон, на карнизе которого чья-то рука вывела надпись: «Парижский народ ко всей Европе: свобода, равенство и братство. 24 февраля 1848 года».

Затем трон вынесли на улицу. Торжествующая толпа пронесла его по всему городу, на каждой баррикаде организовывался летучий митинг, причем трон павшего короля превращался в трибуну народных ораторов. Потом трон был сожжен под ликующие клики толпы, пляшущей карманьолу.

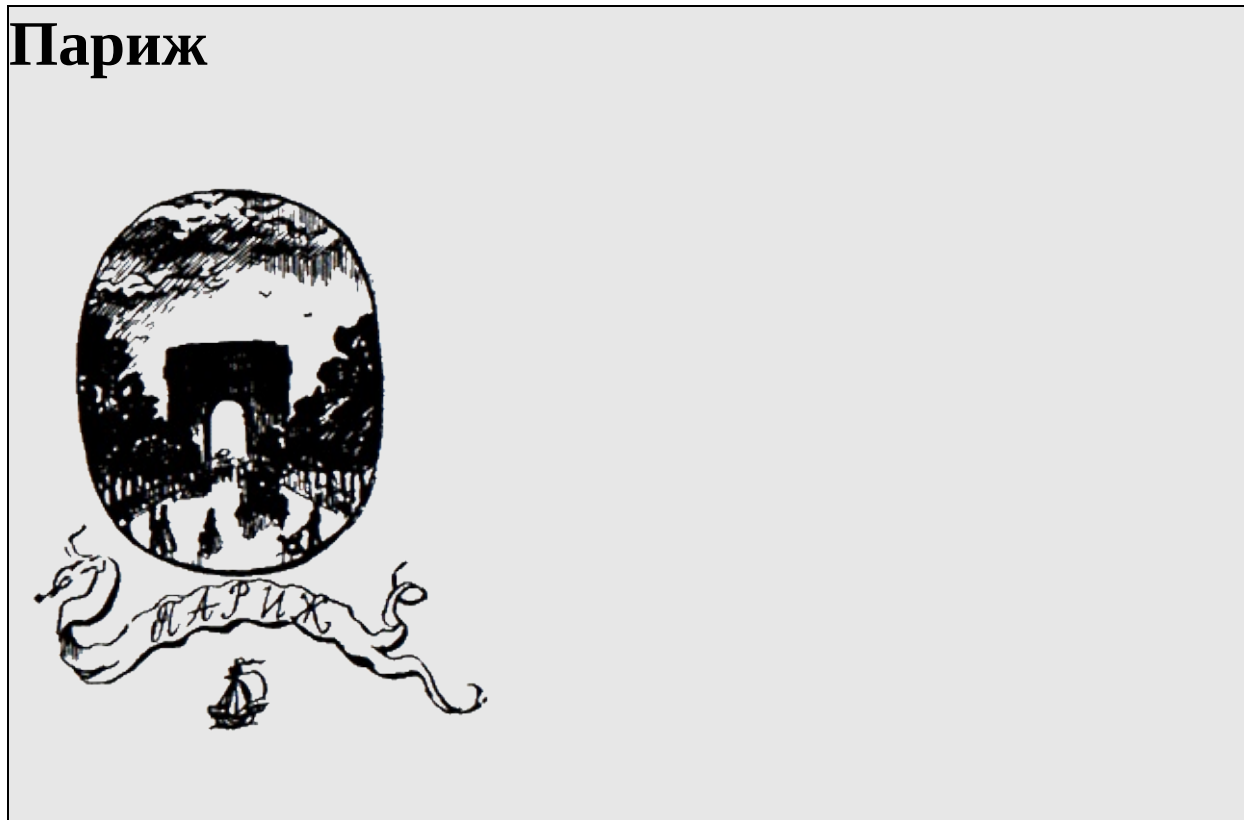
Свобода, равенство, братство! Молодому Жюлю Верну казалось, что эти слова имеют магическую силу: достаточно провозгласить их, чтобы мгновенно исчезли ненавистные королевские троны, сословия, церковь, голодные получили хлеб, безработные работу, чтобы бесследно исчезли нищета и эксплуатация человека человеком, разве не стала правительством страны вся нация после введения всеобщей подачи голосов? Разве не уничтожено рабство во французских колониях? разве не французская революция послужила примером для восстания других народов — немцев,

итальянцев, поляков?

Но как со всем этим вязалось восстание парижского пролетариата в июньские дни и кровь народа, пролитая республиканским правительством? Жюль Верн не мог этого понять.

Шел конец ноября. Для молодого Верна великий 1848 год начинался по-настоящему на десять месяцев позже, чем для любого парижанина. Это было потрясением. Словно он мгновенно попал в совершенно иную, непрерывно расширяющуюся вселенную, подчиненную иным законам, чем мир, в котором он родился и вырос: сразу стали видны все страны света и ощутил гигантский поток времени.

Париж

Узкий мир, в котором вырос и воспитался молодой Берн, это не вся Франция и даже не весь Нант. Детство и юность бретонского подростка из большого портового города, рассказанные выше, это лишь мир, увиденный глазами самого писателя (в те годы, впрочем, всего лишь сына состоятельных родителей, не больше). Пусть этот маленький мир очарователен, но он был опасен для героя тем, что искаженные пропорции, принятые писателем за действительность, надолго связали его мировоззрение. Слишком мало зная о Франции и своем народе, Жюль Верн мир капли воды, положенной под стекло микроскопа, склонен был считать единственной реальной вселенной. Ведь для того чтобы стать подлинным патриотом всей Франции и ощутить себя братом всех угнетенных народов, нужно было сначала перерасти свой крохотный мирок. Тесный? Душный? Нам он, вероятно, показался бы таким, но сам молодой Берн не мог чувствовать этой тесноты и духоты, как растение, выросшее в парнике, не замечает окружающей его тепличной атмосферы... Тем хуже для растения, если оно окажется слишком слабым к моменту высадки в грунт!

Из чего слагается биография писателя? Из тел произведений, что сделали его имя бессмертным. Ведь именно они заставляют нас рыться в

пыли архивов, перебирать связки полуистлевших писем перелистывать пачки пожелтевших газет, чтобы восстановить живой образ писателя и с его помощью раскрыть полнее и глубже ту бессмертную жизнь, что до сих пор — быть может, спустя несколько столетий — яростно бушует под непрочными переплетами его книг.

Из чего слагается биография писателя в тот период, когда он не написал еще ни одной книги?

Париж следующего года был для юноши большой и серьезной школой. Однако биографию писателя за этот период очень трудно восстановить. Биографы его, правда, тщательно собрали и сохранили все подробности его успехов в деле подготовки к экзамену (как будто это важно для жизнеописания человека, имевшего, правда, диплом юриста, но никогда не занимавшегося практикой), составили исчерпывающий список его литературных знакомств и связей, но ничего не рассказали нам о развитии мировоззрения молодого Жюль Верна. Сам писатель не оставил никаких автобиографических записей, раскрывающих историю формирования его идей. Но, к счастью, у нас в руках сто томов его произведений, в которых отразились и все великие события его века, поразившие воображение писателя, и все его мечты.

Вселенная писателя расширялась очень медленно. Прошло немало лет до тех пор, пока горизонт Жюль Верна охватил Париж, Францию, весь мир, прошлое и будущее. А в первые годы своего ученичества (ведь для того чтобы стать писателем, недостаточно одного таланта), в эти первые годы Жюль Верн был всего-навсего молодым провинциалом с жадно раскрытыми глазами, прибывшим, чтобы увидеть Париж своими глазами, узнать тот народ Парижа, чей голос, как сквозь сон, эхом доносился до сонного Нанта.

Мадам Шаррюель при первых же раскатах революционной грозы променяла Париж на солнечный Прованс, и Жюль уже не мог остановиться у тетки на улице Терезы. Еще в Нанте было решено, что он поселится у ее сестры, мадам Гарсе, вернее у ее сына, своего двоюродного брата Анри Гарсе, профессора лицея Генриха IV. Но Аристид Иньяр, который давно готовился к встрече, уже нанял своим нантским друзьям две смежные комнатки в доме № 24 по улице Ансьен Комеди. Впервые в жизни Жюль Верн имел собственный дом — и где же! — в республиканском Париже, на Левом берегу Сены, в квартале, до сих пор жившем памятью о Робеспьере и Марате.

Здесь, на Левом берегу, человека с воображением легко может охватить иллюзия, что он живет в большом приморском городе.

Подозрительные шумные кофейни, угловые здания с острыми фасадами, похожими на носы кораблей, в вечерние часы — туман и людской сброд на улицах. Иногда ветер доносит пронзительный вой настоящей сирены и влажное дыхание Сены. Для молодого провинциала это был иной, не королевский Париж, образ которого воплотился для него в площади Вогезов в прошлом году, но город, живущий идеями великого Сорок восьмого года.

Обстановка его студенческой комнатки состояла из древней кровати, стола, двух стульев и комода, а из окна открывался вид на городские крыши и великое разнообразие печных труб. И Жюль Верн очень быстро почувствовал себя настоящим парижанином. Он не хотел думать об экзамене — ведь до него оставалось, по крайней мере, три месяца. А дальше? «О делах — завтра», — отвечал Жюль Верн своей любимой поговоркой.

Его первое письмо из Парижа домой было кратко, но шутливо выразительно: «У меня длинные зубы, хлеб дорог, пришлите денег». За этой шуткой скрывалась истина. Семидесяти пяти франков, которые он получал ежемесячно от отца, хватало только на квартиру, завтрак, но не всегда на обед, который частенько состоял из бутылки молока и двух маленьких хлебцев; но Жюлю было только двадцать лет!

Пьер Берн в своих пространственных и холодных письмах, написанных каллиграфическим почерком, давал сыну всевозможные советы и подробные инструкции: чем завтракать, где обедать и как разумно развлекаться парижскому студенту. Он основывался на опыте своей молодости, на годах своего студенчества, окончившегося в 1824 году.

«Харчевни, тобой рекомендованные, давно исчезли, — отвечал Жюль. — Другие, уцелевшие, находятся на расстоянии двух лье...» Все это было бесспорной правдой. Но рядом с дневным расходом, который колебался от 2 франков 35 сантимов до 2 франков 4^о сантимов, Бонами время от времени записывал: «Спектакль 5 фр.» Ведь настоящий парижанин, как бы он ни был беден, не может обойтись без театра, даже в ущерб обеду...

Далеко не все театры Парижа работали в этом сезоне. На Тампльском бульваре огромное здание Исторического театра, на постройку которого Александр Дюма, его основатель, затратил около миллиона, стояло темное и заколоченное. Не открылось ни одной художественной выставки. Литературные салоны бездействовали. На устах всех — писателей, художников, музыкантов, актеров — была политика, будущее Франции, Луи Бонапарт.

Несколько месяцев назад Жюль Верн вместе со всем Нантом

потешался над помещенной в журнале «Шаривари» сатирической заметкой «Первая глава истории, как ее преподают теперь во Франции»:

«Кто основал Рим — Наполеон,
Кто был Лютер — Наполеон,
Кто создал мир — Наполеон»...

Тогда это казалось остроумной шуткой: осмеивая всеобщее увлечение эпохой Первой империи и личностью великого полководца, журнал одновременно задевал Луи Бонапарта, «ничтожного племянника великого дяди», по выражению Гюго, поднимал на смех претензии принца на престол и даже украденное им прославленное имя Наполеон.

Но теперь Жюль Верн ясно видел, что шутка начинает оборачиваться очень мрачной действительностью. Императорский принц стал президентом и почти неограниченным диктатором Франции, и его стремление к императорской короне перестало казаться смешным. Свободное слово уже не звучало на улицах столицы, исчезло из печати, закрыты были все политические клубы, и только в салонах еще можно было обмениваться мыслями. Но вход в эти аристократические собрания был закрыт для бедного, никому не известного, плохо одетого студента, и даже верный Иньяр не мог здесь ничем помочь.

Что влекло Жюля Верна в эти салоны, открытые лишь для избранных? Интерес к политике? Любовь к литературе? Вернее всего, и то и другое.

Юноша с трезвым острым умом и горячим темпераментом не мог в это жаркое время, когда весь Париж кипел новыми идеями, жить вдали от своего века. В своих осторожных, обдуманых письмах домой Жюль почти не касался вопросов политики, но как можно истолковать такую фразу: «К дьяволу министров, президента, палату; еще остался во Франции поэт, заставляющий дрожать наши сердца!» Ведь Гюго в эти годы был не только поэтом. С самого начала революции он стал на сторону народа, сложил с себя звание пэра, был избран в депутаты Национального собрания и во время борьбы рабочих с буржуазией занял место на левых скамьях. Он ничего не писал, кроме статей в газете своих сыновей, где призывал к амнистии и боролся против смертной казни. Он был голосом народа, звучащим далеко за пределами Франции.

Весной Париж посетили оба дяди молодого студента: Прюдан Аллот и Франсиск де ля Селль де Шатобур. Оба они имели связи в свете, и вот перед Жюлем одна за другой открылись двери модных салонов: мадам Жомини, Мариани и Баррер.

Молодой Берн не стал завсегдаем этих сборищ золотой молодежи, где бледные авгуры играли в карты и снисходительно критиковали политику президента. Для него эти салоны были эпизодом, поводом завязать знакомства. Именно в это время выхода в большой свет шестнадцать франков, ассигнованных первоначально на улучшение своего бедного гардероба, Жюль истратил на приобретение сочинений Шекспира, «хорошо переплетенных, в издании Шарпантье».

В салоне мадам Баррер Жюль познакомился с графом де Кораль, редактором газеты «Либерте» («Свобода»), Повидимому, молодой бретонец произвел на парижанина хорошее впечатление, потому что Жюль писал домой: «Этот Кораль — друг Гюго, он будет сопровождать меня к нему, если этот полубог согласится меня принять. Я увижу весь круг романтиков...»

Великий Гюго этой зимой жил в доме № 37 на улице де ля Тур д'Овернь, идущей вверх по высокому откосу, поднимающемуся над бульваром Бон Нувель. Когда в назначенный день Жюль, одетый в свои воскресные брюки, лучший сюртук Иньяра и вооруженный дядиной тростью с серебряным набалдашником, поднимался в гору, Кораль с восхищением, к которому была примешана некоторая доля иронии, рассказывал своему молодому другу о привычках и образе жизни «царя поэтов».

Гюго сам обставлял свой новый дом. Это была фантастическая смесь старого фарфора, ковров, резной слоновой кости, венецианского стекла и картин всех веков и всех народов. Но дом все же не походил на музей, где в беспорядке свалены вещи всех веков и стилей. Наоборот, каждая вещь носила на себе индивидуальность хозяина. Старинные сундуки и монастырские скамьи превращались в каминь, Церковные люстры исполняли роль люстр, а алтарные навесы заменяли балдахины кроватей. Даже резная из дерева средневековая статуя Мадонны называлась в этом доме Свободой... В столовой на самом почетном месте стояло большое резное «кресло предков». Оно было заперто цепью, чтобы никто на него не садился, и это часто приводило в трепет суеверных посетителей. В столах, шкафчиках, шифоньерках Гюго устроил много потайных ящичков, в которых часто забывал свои рукописи. Бывали случаи, что иные стихотворения, которые сам поэт считал потерянными, находились в этих тайниках через много лет. Все стены этого старинного дома, каминь, мебель были испещрены латинскими и французскими изречениями. Гюго любил рисовать, и многие предметы обстановки были сделаны по его рисункам.

Когда молодой Верн поднимался по лестнице, его сердце трепетало, он был испуган и счастлив. Дверь открылась. Он ожидал увидеть огромный салон, переполненный людьми, но перед ним была небольшая гостиная, отделанная в мавританском стиле, с широкими окнами, выходящими на Сену, у одного из окон стоял Виктор Гюго; позади него, за стеклом, далеко внизу лежал Париж, рядом с поэтом стояла мадам Гюго. Немного поодаль красовался в красном жилете поэт Теофиль Готье — знаменосец «священного батальона» французских романтиков.

Хозяин был величественно любезен: «Садитесь, поговорим о Париже». Только позже Жюль узнал, что эта фраза, которая ему особенно запомнилась, была лишь формулой, с которой Гюго обращался к посетителям, когда не знал, о чем с ними говорить. А знал ли молодой Верн, что сказать своему полубогу? Мог ли он, начинающий провинциальный поэт, нигде не печатавшийся, рассказать о своих мечтах, о литературных планах? Или прочитав свои стихи, которые даже друзья именовали «торжественной замазкой»?...

...Александр Дюма никогда не жил подолгу в Париже. После пышного путешествия в Алжир на собственном корабле он уединился в своем новом замке «Монте-Кристо», вблизи Сен-Жермена. уже свыше двадцати лет на Францию и весь читающий мир из лаборатории Дюма сыпался целый дождь романов, повестей, драм, комедий, путешествий, хроник: одних романов вышло до пятисот томов... Под руками этого литературного волшебника ливень его произведений превращался в золотой дождь, но он умел так же легко тратить деньги, как и наживать. Последней его причудой было создание Исторического театра, где должны были идти только его собственные пьесы, поставленные с чудовищной роскошью. Но революционные события заставили театр закрыться.

Теперь Дюма отдыхал, принимая в своем сказочном дворце тысячи самых странных посетителей.

Дюма был вторым человеком в Париже, которого Жюль Верн хотел видеть перед... перед чем? Возвращением в Нант к конторке нотариуса? Завоеванием литературного Парижа? Что мог знать о своем будущем молодой Жюль Верн, человек, который в зрелые годы сумел далеко заглянуть в будущее всего человечества?

В том же салоне мадам Баррер Жюль встретился с кавалером д'Арпантины, хиромантом, прославленным во всем аристократическом Париже, любимцем Дюма. «Александр Великий», как восторженные поклонники называли автора «Трех мушкетеров», увлекался хиромантией, графологией, медиумами и верчением столов. И «кавалер» охотно

согласился захватить с собой молодого студента, когда следующий раз поедет в Сен-Жермен.

Стройные готические башни, выступавшие из-за высоких вязов, окружавших замок, сразу заставили Жюля Верна настроиться романтически. Но действительность оказалась еще более фантастической, чем мог себе представить молодой парижанин. С каждым шагом взору посетителя открывались все новые постройки: птичник, конюшни, обезьянник, театр... И за каждой дверью стоял слуга-араб в чалме.

Волшебный сад окружал главное здание: шумели искусственные водопады; как слюда, блестели миниатюрные озера с карликовыми островами. И на одном из них, как дом Гулливера, возвышался восьмиугольный павильон из массивных камней — рабочая студия самого «Монте-Кристо», хозяина замка. На каждом камне этой постройки было высечено название одной из книг или пьес Дюма, а над аркой единственного входа этого здания, куда не допускался никто из посторонних, красовалась латинская надпись: «*Savea canem*» — собачья пещера!

Вечный праздник царил в этом огромном доме из «Тысячи и одной ночи». Гости приезжали и уезжали, кто оставался на день, кто на неделю или на месяц. Хозяин был одинаково любезен со всеми, хотя часто не знал своих гостей даже в лицо, а не только по имени. Винные погреба Дюма казались бездонными. Обед незаметно переходил в ужин, с наступлением темноты в саду вспыхивали бенгальские огни, и дрожащие лучи фейерверка озаряли здание театра, где каждый вечер для гостей Дюма шли его пьесы.

У этого вечного карнавала была, однако, изнанка. Волшебный замок «Монте-Кристо» был для Дюма великолепной рекламой, создавал ему огромный кредит и гипнотизировал воображение издателей. Он давно уже работал не один, а со многими «помощниками», которым он давал лишь план произведения и проходил редакторским карандашом по готовому роману. Издатели, зная его манеру работать, не принимали от него рукописей, где видели руку переписчика, — ведь тогда не существовало машинисток, — и великолепный «Монте-Кристо» содержал в своем штате специального переписчика, почерк которого не отличался от почерка самого Дюма.

Но уже с весны 1848 года, когда революция и политика направили внимание парижан на более глубокие и злободневные произведения, заметно упал спрос на романы Дюма, хотя его «лаборатория» продолжала напряженно работать. За великолепным спокойствием хозяина никто не мог

бы разглядеть, — и меньше всех наивный юноша Жюль Верн, — что всемирно известная «фирма» находится накануне банкротства, что Дюма судорожно мечется в поисках денег, изыскивает средства отсрочить свои миллионные долги.

На этот раз Жюль не испытал разочарования, как при встрече с Гюго, показавшимся ему слишком скромным и простым. Даже сама внешность Дюма как бы свидетельствовала о том, что он человек необыкновенный.

Перед молодым провинциалом стоял сказочный великан с курчавыми волосами негра — ведь его мать была мулаткой — и лицом бегемота, где человеческими были лишь маленькие глазки, светлые, хитрые и зоркие. Черты огромного лица слегка напоминали пятна на диске луны во время полнолуния. Хриплый голос звучал, казалось, откуда-то издалека, как рев обильного, но не бурного водопада. Жюль успел отметить, что речь «повелителя слов» не слишком остроумна и скорее добродушна, чем величественна. Но у этого чудовищного по обилию потока красноречия была одна особенность: о чем бы ни шла речь в разговоре, Дюма очень умело, но в то же время и очень безапелляционно всегда сводил его к самому себе.

«Молодой поэт из Нанта», как представил своего юного друга кавалер д'Арпантиньи, заинтересовал хозяина волшебного дворца. Быть может, это талантливый человек, но еще не успевший составить себе имя? Именно за такими охотился Дюма, вербуя из них многочисленный штат своей «лаборатории». Вдобавок его только что покинул Огюст Маке, самый талантливый из его сотрудников, которому молва приписывала авторство и «Монте-Кристо» и «Мушкетеров»... И со всей любезностью светского человека, каким он сам себе казался, Дюма усадил Жюля Верна по правую руку от себя, представил его всем гостям — знаменитым и неизвестным, завел с ним разговор о его литературных планах и — верх гостеприимства Дюма! — пригласил его в свою кухню.

Жюль сначала понял слово «кухня» фигурально, но это была самая обыкновенная, или, вернее, самая необыкновенная кухня, похожая на храм бога кулинарии. Перед гигантским дубовым столом, водруженным в центре огромного зала, красовался сам Александр Дюма в белом фартуке и колпаке шеф-повара.

Дюма, несмотря на гомерические излишества своих героев, был очень воздержанным человеком. Он не курил, не пил ни вина, ни кофе, и весь свой темперамент расходовал на литературную деятельность. Но он не так ценил свою писательскую репутацию, как славу великого кулинара. С видом жреца он изготавливал сложные блюда по собственным рецептам:

пламенные яичницы, изысканные майонезы и странные восточные кушанья, вызывающие, по его собственным словам, «головокружение желудка».

Приехавший только с визитом, Жюль Верн с трудом вырвался от чрезмерно гостеприимного хозяина лишь через несколько дней. За эти дни он завязал много новых интересных знакомств и подружился с сыном писателя — молодым Александром Дюма.

17 февраля 1849 года Исторический театр Дюма снова открылся спектаклем «Юность мушкетеров». Александр Дюма пригласил Жюля Верна, который за эту зиму не раз побывал в фантастическом доме в Сен-Жермене, в свою ложу. Молодой человек был в восторге: рядом с ним сидели поэт Теофиль Готье, прославленный критик Жюль Жанен, модный журналист Жирарден. Молодой Александр Дюма указывал в партере знаменитостей: политических деятелей, писателей, критиков, актеров. Жюль чувствовал себя настоящим парижанином и писателем.

Через несколько дней Жюль Верн сдал, наконец, свой последний экзамен и получил ученую степень лиценциата. Его будущее было ясным и простым: избежав подчиненной роли в конторе какого-нибудь провинциального адвоката в незнакомом городе, — именно так начинал его отец, — он мог сразу стать компаньоном мэтра Верна в родном Нанте. Это была профессия его деда, его отца. Но для этого он должен был оставить Париж. А что другое мог он выбрать или даже себе представить!

Ученичество

— Когда я впервые встретил Дюма, — сказал однажды Жюль Верн своим друзьям, — я решил: то, что он сделал для истории, я сделаю для географии».

Эту фразу, произнесенную много лет спустя, биографы часто приводят в доказательство того, что Верн уже очень давно определил не только свою профессию, но и тот жанр, в котором впоследствии прославился. Этому, однако, противоречат факты: только очень кружным путем Жюль Верн нашел самого себя и свое место в литературе. Подобная мысль могла, конечно' случайно промелькнуть в его голове, но она утонула в вихре поддельной роскоши мелких театров, щуршанье декораций, шелесте афиш — том вкрадчивом голосе неверной славы, который так часто увлекает сильных и губит слабых.

Жизнь, кипевшая вокруг молодого провинциала, казалась ему смутной и неопределенной. Борьба партий для его незрелого ума была лишь хаосом, лепетавшим в уши невнятные слова, из которых лишь слово «свобода» казалось ясным и простым: ведь сброшена была королевская власть, отделена церковь от государства, уничтожены сословия. И, главное, провозглашено право на труд. Значит, в новой республике каждый мог трудиться в любой избранной им области!..

Мысль стать писателем, точнее — драматическим писателем,

бесспорно, созрела и укрепилась у Жюль Верна в это время — в период сближения с обоими Александрами — отцом и сыном. Гюго, как писатель, был слишком высок, и его блестящая слава казалась слишком холодной, — это был памятник, освещенный бенгальским огнем. Дюма же сам был мастером-пиротехником, который, представ перед зрителями в ореоле фейерверков, потом, добродушно улыбаясь, как ловкий фокусник, объясняет механику своих чудес. Как он любил показывать свою кухню, так он не стеснялся и своей литературной кухни, не стыдился сотрудников и помощников. Он даже гордился ими: «у меня их столько, сколько было маршалов у Наполеона», — говорил он. И это армейское остроумие было подлинным выражением его взгляда на литературу — не как привилегию рождения или вдохновения свыше, но как путь постепенной выслуги наиболее способных и трудолюбивых. И Жюлю Верну, которому суждено было стать великим тружеником, не могло не быть близким это мировоззрение. Так или иначе, молодой Жюль Верн не спешил покидать Париж и посетить родственников в Провансе. Пьер Верн, узнав об успешно сданных экзаменах, после сдержанных поздравлений стал ждать приезда сына. Но он не настаивал на его немедленном возвращении: в конце концов юноше только что исполнился двадцать один год, и он был вправе проводить свои каникулы, как ему заблагорассудится, даже если эти каникулы немного затягиваются. Для состоятельного человека, — а Пьер Верн начинал им становиться, — 75 франков, высылаемых в Париж ежемесячно, — безделица; можно было даже и увеличить эту ренту, если бы не существовало опасения, что это может дурно отразиться на нравственности молодого человека.

В своей маленькой комнатке на улице Ансьен Комеди Жюль упорно работал. За окнами лежало море парижских крыш, где тысячи фантастических труб казались маяками, указующими путь среди серых застывших волн. Лето сменилось осенью, наступила зима. На столе молодого Жюль Верна уже лежали той рукописи, переписанные его мелким, бисерным почерком: две исторические трагедии «Пороховой заговор» и «Трагедия во времена регентства» и легкая пожалуй, даже легкомысленная, комедия «Сломанные соломинки».

Торжественные трагедии, написанные по всем канонам романтической школы, к удивлению Жюль Верна, не вызвали у старшего Дюма ни малейшего энтузиазма. Зато комедия, так же неожиданно, заинтересовала его. Отсутствие репертуара, ссора с целым рядом помощников и, в первую очередь, с Маке, желание привлечь к сотрудничеству молодого остроумного юношу, а может быть, и желание сыграть великолепную роль

Провидения — эффектную и заманчивую роль для такого любителя позы — заставили Александра Дюма принять неожиданное решение. Он величественно объявил молодому Жюлю Верну, что принимает его пьесу к постановке в своем Историческом театре.

Шаблонная история о запутанном пари, разрешаемом сломанной соломинкой, привычные во французском театре фигуры старого графа д'Эсбар, ревнивого мужа восемнадцатилетней красавицы Анриетты, образы самой юной графини, великолепного драгуна, кузена Анриетты, и, наконец, горничной-субретки — во всем этом не было ничего нового, ничего своего. Но стихи были живыми и звучными, шутки остроумными, язык — жаргоном парижских «бульвардье», завсегдатаев Больших бульваров. Бесспорно, Александр Дюма обладал чутьем на людей. Он верил в этого маленького юношу, верил и заставлял верить других.

Через несколько дней Дюма сообщил молодому автору, еще не пришедшему в себя от восторга, что ему пришлось переделать его комедию «от фундамента до кровли» и что соавтором Верна будет младший Александр Дюма: ведь при основании Исторического театра было решено, что его репертуар будет состоять только из пьес Дюма...

Это было первое соприкосновение Жюля Верна с изнанкой деятельности великолепного Дюма, изнанкой, о которой он до сих пор знал только понаслышке. Это было, быть может, первое столкновение Верна с литературными нравами Франции того времени, да того ли только? Первое, однако далеко не последнее. Дилемма была ясной. Протестовать, как советовал молодой Эрнест Женевау, товарищ по Нанту? Но протестовать — это значило отказаться от постановки пьесы, быть может, порвать со всем кругом Дюма, и бороться — бороться без средств, без имени, без союзников... И молодой Жюль Верн, чьи наивные иллюзии впервые получили такой страшный удар, не нашел в себе сил для протеста и борьбы...

Премьера пьесы состоялась 12 июня 1850 года. В великолепном здании на Тампльском бульваре, на которое так недавно с трепетом взирал молодой провинциал, Жюль Верн увидел своих героев ожившими, услышал свои слова, произносимые другими людьми. Это было непреодолимое волшебство, уносящее его прочь от земли!..

Жюль Верн вышел из театра знаменитостью, по крайней мере, так ему казалось. Его окружали и поздравляли ближайшие друзья — молодые писатели, музыканты, художники, такие же «знаменитости», как и сам герой дня: ведь у большинства из них не было опубликовано, исполнено или выставлено ни одного произведения... На квартире композитора

Адриана Талекси состоялся товарищеский ужин. Всего собралось одиннадцать человек. И Жюль Верн, лишь недавно так остро испытывавший одиночество в литературном Париже, полушутливо-полусерьезно провозгласил рождение нового общества: «Обеды одиннадцати холостяков» (onze — sens-femmes), по числу присутствующих, только мужчин, из которых никто не был женат.

Любопытно, что это дружеское общество молодых парижан — ибо парижанином нужно не родиться, а суметь сделаться, — стало реальностью. Каждую неделю они собирались за не слишком роскошным обедом, обсуждали литературные события, делились своими планами, читали стихи, занимались музыкой, просто шутили и смеялись. И признанным вожаком этого кружка, истинным вдохновителем всех буффонад и арлекинад был Жюль Верн.

Из кого состояла эта довольно разношерстная компания? Перечисление имен этих молодых людей довольно любопытно. Стоп, Делиу, Давид Пифоль, Анри Касперс, Филипп Жилль, Катрелль, по прозвищу «Колючка», Шарль де Бешенек, Эжень Верконсен, Эрнест Буланже, Адриан Талекси — таковы «одиннадцать» первого призыва (одиннадцатый сам Верн). Позже к ним присоединились молодые друзья Талекси — певец Надо, Виллемансан и Фурнье-Сарловез, а также двое нантских товарищей Верна по лицу — верный Иньяр и молодой Шарль Мезоннёв, которого друзья именовали «финансистом», служащий парижской биржи.

В этом окружении молодого Верна нет ни одного значительного имени, нет инженеров, ученых или путешественников, как могли бы ожидать биографы. Медленно, очень медленно расширялся кругозор молодого Жюля Верна. Переход от крохотного мирка острова Фейдо и бретонского Нанта к Парижу был для него потрясением: ветер эпохи был слишком суров, к нему нужно было еще привыкнуть. И Жюль Верн, прежде чем охватить своим взглядом Францию и другие страны, стал всего-навсего гражданином маленькой литературной республики Монмартрского холма, отгородившейся от политической жизни Франции. Обитатели ее были типичной парижской богемой — веселой, немного поверхностной, узкой в своей дилетантской разносторонности. И для всех этих молодых людей центром интересов был театр.

«Сломанные соломинки» выдержали двенадцать представлений, что друзья Верна сочли несомненным успехом, родные в Нанте гордились славой своего Жюля, но Пьер Берн был слегка шокирован легкомыслием комедии и ее типично французским юмором, который он не считал вполне

приличным. Он не хотел бы, чтобы его консервативные друзья, поклонники классицизма, познакомились с произведением его сына. Впрочем, он надеялся, что юная слава Жюль не достигнет Нанта.

Однако первый успех Жюль Верна, бывший для Парижа никем не замеченным эпизодом, для его родного города стал событием. Его эфемерной славы хватило на то, чтобы заполнить весь Нант.

Когда Жюль приехал домой «на каникулы», — хотя, казалось бы, его каникулярное время давно истекло, — толпы обывателей ходили за ним, а его товарищи по Малой семинарии и лицею гордились знакомством с «парижским писателем». И, как достойное, само собою разумеющееся завершение торжества, в старом театре на площади Граслен состоялось представление «Сломанных соломинок».

7 ноября 1850 года на премьере присутствовал «весь Нант». Старинное здание с коринфской колоннадой и статуями восьми муз на фасаде, знакомое Жюлю с детства, было переполнено. И раньше чем упал занавес и молодой автор прошел к выходу между фигурами Корнеля и Мольера, украшающими вестибюль, он стал — пусть ненадолго! — гордостью и достопримечательностью города.

До сих пор Нант славился тремя знаменитыми уроженцами: Жаком Кассар — смелым моряком, Жилем де Ааваль — легендарным убийцей, прозванным Синей Бородой, и маршалом Камброн, ставшим бессмертным из-за фразы: «Гвардия умирает, но не сдается», — фразы, никогда не сказанной, так как на поле Ватерлоо на предложение сдаться храбрый маршал предпочел ответить гораздо менее литературно и куда более энергично. Теперь к этим трем прославленным именам прибавилось четвертое: Жюль Верн.

Вся эта шумная слава была очень неверной, но вряд ли молодой писатель сознавал это. Было лишь одно обстоятельство, которого Жюль Верн не мог не заметить: до сих пор успех не принес ему ни одного франка.

Когда Жюль решил, что срок «каникул» истек, он вернулся в Париж, вместо того чтобы немедленно же принять участие в работе сильно расширившейся конторы на Кэ Жан Бар. Холодная непреклонность отца здесь столкнулась с чисто бретонским упрямством сына. Вероятно, никакого объяснения не последовало: Пьер Берн счел возможным сделать еще одну уступку сыну, Жюль Верн предпочел отделаться любимой поговоркой: «О делах — завтра».

По приезде в Париж молодой драматург водворился в своей старой комнате у хозяйки мадам Мартен. По молчаливому уговору его рента в 75 франков в месяц продолжала ему высылаться. Этого было мало, но

казалось достаточным для человека, который решил завоевать Париж...

За зиму были закончены две новые пьесы: «ученые», которую сам Берн называл «комедией наблюдений», и водевиль «Кто смеется надо мной?». Обе были показаны Дюма и заслужили его снисходительное одобрение. Но ставить их на сцене Исторического театра? Увы, это было невозможно: театр этот уже не существовал, он закрылся, унеся остатки состояния Дюма. Правда, у «великого Александра» оставались еще романы, но примирение с Маке, недавно состоявшееся, видимо, не казалось великому организатору литературы прочным: в конце концов должен же наступить день, когда Маке захочет ставить на своих произведениях свое собственное имя! Но пока этот момент не наступил, «Монте-Кристо» спешил использовать Маке для окончания «мемуаров Дюма», хотя понимал, что этого не хватит даже для уплаты процентов по долгам...

Стареющий писатель, уже не такой блестящий, громкий, жизнерадостный, но, пожалуй, еще более хвастливый, посоветовал своему молодому другу отнести свои пьесы в театр Жимназ.

Театр Жимназ не заинтересовался творчеством молодого драматурга, но Жюль Верн был упорен и не так легко терял равновесие. Вместе с Мишелем Карре он приступил к новой работе — оперетте «Жмурки». Музыку к ней писал Аристид Иньяр.

Новый отказ, столь же вежливый, почти совпал с письмом из Нанта. Пьер Верн считал, что год, прошедший с последнего экзамена, — срок достаточный для отдыха. Он писал о Нанте, о домашних новостях, но между строк Жюль прочел ультиматум, который припирали его к стене.

На что мог надеяться литературный новичок в этом новом Париже, где литература с каждым днем отходила на второй план, и где все реже упоминалось слово «республика», и все чаще президент Луи Бонапарт именовался принцем Наполеоном? Ведь до сих пор Жюль Верн был всего лишь автором одноактной комедии, поставленной уже не существующим театром, приписанной в Париже младшему Дюма и не принесшей ему ни одного су. А в Нанте его ждал просторный дом, любящая семья, старые друзья. В памяти всплывали рожи и луга Шантеней, быстрые струи Луары, омывающие остров Фейдо, магнолии набережной де ля Фосс, старые дома, корабли, детство...

«Судьба меня приковала к Парижу, — писал Жюль Верн в ответном письме. — Впоследствии я смогу стать хорошим литератором, но никогда не сделаюсь ничем, кроме плохого адвоката... Единственная карьера, которая меня увлекает и к которой стремлюсь: литература».

Новое письмо из Нанта не было неожиданным. В нем Пьер Верн выражал свою любовь и понимание и соглашался с тем, что его сын должен иметь свою собственную судьбу и... собственные доходы.

Итак, выбор был сделан. Двадцатитрехлетний писатель, не имеющий ни одного напечатанного произведения, остался наедине с огромным городом и со всем светом.

Но это совсем не было переходом в следующий литературный класс, где литература, ради которой он жил, должна была стать средством для поддержания существования. Наоборот, он на второй год оставался в том же, — назовем его приготовительным, — классе, и у него не было уверенности, что он не останется в нем и на третий и на четвертый год...

Что же мог он придумать для того, чтобы просуществовать в Париже до тех пор, пока литература не начнет приносить ему не только славу, но и деньги? И что, в сущности говоря, он умел делать? Правда, он был лицензиатом прав, но он слишком пренебрегал в свое время конторой отца, и поэтому вряд ли мог найти практическое применение своему диплому. А что могли дать ему его знание театра, а тем более литература?...

Молодой Верн начал свою первую самостоятельную службу сверхштатным писцом в конторе некоего Гимара. Он должен был являться в нее в семь утра и покидать ее лишь в девять вечера. Вдобавок контора помещалась вблизи Биржи, на правом берегу Сены, и Жюлю приходилось каждое утро и каждый вечер пересекать почти весь Париж — то в часы рассвета, то в ореоле газовых фонарей.

Вознаграждение сверхштатного писца равнялось шестистам франков в год и по закону не могло быть увеличено в ближайшие восемнадцать месяцев.

Шестьсот франков в год — пятьдесят франков в месяц! Это составляло всего лишь две трети его студенческой ренты, которой не всегда хватало даже на обед. Но и это было бы пустяками, и не для того Жюль переменял судьбу компаньона конторы Верн и Верн в Нанте на положение скромного писца в Париже, чтобы жаловаться на лишения. Самое худшее состояло в том, что на литературу, ради которой он отказался от тихого довольства провинциального адвоката, уже не хватало времени! И очень скоро Жюль отказался от своей скромной службы, променяв ее на нищету интеллигентного пролетария.

Лето 1851 года было для Жюля Верна трудным. «Жени меня, моя дорогая мама, — невесело шутил он в письме домой, — жени меня! Я приму любую жену, которую ты пожелаешь. Я приму ее с закрытыми глазами и открытым кошельком...» Но эти тревожные летние месяцы были

в то же время великолепны. Именно тогда, когда все надежды на будущее, казалось, были потеряны, пришли ясность, чистота и легкость мысли и, как это бывает в минуту напряжения всех сил, подлинное вдохновение.

Однако стихотворные строки, так легко льющиеся с его пера, не вызывали у молодого Жюль Верна ничего, кроме разочарования. Легко владея стихом, он все же не мог найти в поэзии своего собственного стиля. Его веселые комедии и либретто оперетт были всегда полны французского юмора и... шаблонны, слишком напоминая те образцы, которым следовал молодой драматург: в них не чувствовалось биения живого сердца писателя, они не выражали его сокровенных дум. Они не были одухотворены образами окружающего мира, обобщенными и сконцентрированными его творческим воображением, словно сверкающей линзой микроскопа. А мысли жгучие, как пламя, мучили молодого писателя все больше. И они раздирали его мозг своим противоречием: то он мечтал собрать воедино и выразить в стихах смутно мелькающие образы внешнего мира, то ему хотелось, хотя бы в воображении, бежать от окружающей его жизни в дальние страны, в необыкновенный мир заоблачных просторов, в душный, но прятный мир сказочной фантастики.

Но что он знал? Нант, литературную республику Монмартра, близлежащие окрестности Парижа... Жюль Верн даже никогда не видел моря, которое так любил по книгам.

В это лето каждый день Жюль Верн проводил на улице ришелье в «своем» углу большого зала Национальной библиотеки. Он искал путь к новому, высокому и чистому виду поэзии — поэзии труда, раскрытия тайн природы и научного вдохновения. Давно ли появились во Франции паровые корабли и железные дороги? Но человек продолжает штурмовать Неизвестное, раскрывая тайны мира, француз Арбан пролетел через Альпы на свободном аэростате. Одна за другой отправляются научные экспедиции — в дебри Черной Африки, в Арктику — а поиски Северо-западного прохода. В России испытывают подводный корабль «Морской чорт». Изобретатели бьются над постройкой электрической машины... Весь этот необычайный мир второй природа созданной руками человека, раскрывался перед глазами изумленного неопита с великолепным, почти пугающим блеском!..

Это не было уходом от тех проблем, которые окружали его, мучили, но казались неразрешимыми: республика или империя, свободный труд или промышленное рабство, демократия, социализм или полицейский режим?... Нет, в старых манускриптах и в новых политических памфлетах

Жюль Верн пытался найти ответ на эти вопросы, найти свой собственный путь. Это были мучительные поиски самого себя: не того мальчика, что, прижавшись к мачте «Корали», мечтал о путешествии в Индию, не того юноши, что почтительно взирал на своего полубога Гюго, не того зрелого мужа, что когда-нибудь проложит свою собственную дорогу в литературе.

В эти дни Жюль Верн встретился с Пьером Франсуа Шевалье, — он предпочитал именовать себя Питр Шевалье, — редактором парижского журнала «Мюзе де фамий» («Семейный музей»). Бретонец родом, уроженец Пэмбефа на Луаре, он окончил Нантский лицей пятнадцатую годами раньше братьев Верн, но все же чувствовал чисто бретонскую слабость к землякам. Он пригласил Жюля сотрудничать в своем журнале, но предупредил, что молодой писатель не должен рассчитывать на большее, чем шесть страничек журнала, или на возможность печататься чаще двух раз в год. Во всем остальном он полностью предоставлял свободу своему новому молодому другу.

В это лето Жюль Верн также познакомился с Жаком Араго, младшим братом знаменитого астронома. И этот человек, быть может, гораздо более удивительный, чем самые эксцентричные из будущих героев Жюля Верна, оказал на него сильнейшее влияние, не забытое до самого конца жизни.

Араго был слеп и стар, ему шел седьмой десяток, но он был поразительно жизнерадостен и предприимчив. Всемирный путешественник, совершивший свое первое кругосветное плавание за десять лет до рождения Жюля Верна, Араго с тех пор исколесил весь земной шар. Этот слепец когда-то умел видеть и запоминать, и картины дальних стран навсегда запечатлелись в его памяти с удивительной пластической ясностью.

Его четыре тома «Путешествие вокруг света, воспоминания слепого» были написаны через много лет после самого путешествия, уже тогда, когда вечная ночь затмила его глаза. Чего стоило отыскать у себя в памяти, в сердце лазурный блеск моря, жгучий цвет неба, бархатный отблеск берега, вернуть, хотя бы на мгновение, этот взгляд, проникающий вглубь моря, охватывающий такой обширный горизонт и угасший, быть может, навсегда!

Книга эта — не роман и не повесть, и не традиционное «путешествие», переполненное небылицами и утомительными подробностями. Араго не был ни ученым путешественником, ни завоевателем, ни торговцем, ни миссионером, ни даже искателем приключений. Он объехал земной шар по-своему — как зоркий наблюдатель и поэт. В книге его есть все: разговор с читателем, рассказы,

описания, драма, поэзия, истории... Но весь этот удивительный конгломерат слит воедино и одухотворен единым чувством и одной мыслью: как велика и как прекрасна наша Земля!

Пламенное воображение дополняло и исправляло эти картины, приводило их в движение, одушевляло пылкими страстями. И пышные фразы, выходившие из-под пера писателя-путешественника, где скупые слезы слепого иногда проступали сквозь грубую подмалевку, и сухая ирония порой замораживала возвышенные метафоры заставляла смеяться и плакать читателей, попавших к удивительному рассказчику в плен.

Таким пленником стал и молодой Жюль Верн, увлеченный не столько четырьмя томами «Путешествия вокруг света», сколько самим автором этой всеми забытой ныне книги...

В 1849 году, уже будучи слепым, Араго предпринял большую экспедицию в Калифорнию, где в то время свирепствовала золотая лихорадка, разношерстную компанию, им собранную, парижане прозвали «арагонавтами». Но плавание нового Арго было печальным: ограбленный своими товарищами и брошенный ими в пути, слепец вынужден был вернуться в Париж, где и осел на некоторое время. В его квартире в доме № 14 на улице Мазагран собирались странные люди: путешественники, географы, писатели, приезжие из Южной Америки и просто искатели приключений. И всех этих разных людей объединял слепой философ, как будто бы обладающий даром вечной юности.

А на другом конце Парижа, в строгой, даже чопорной квартире Анри Гарсе, профессора лицея Генриха IV, своего двоюродного брата, Жюль Верн окунался в почти ледяную атмосферу чистой математики. Именно сейчас, когда внезапно родившийся интерес к науке охватил молодого писателя, он почувствовал в суховатых фразах Гарсе огромную веру в научный прогресс, в могучий синтез современной науки. И Жюль Верн, сблизившись в это лето со своим кузенком, понял, что теоретические открытия чистой науки готовят почву для непосредственных приложений, готовящихся пышно развернуться в ближайшие годы и которые — как он верил — разрешат все социальные проблемы, казавшиеся до сих пор неразрешимыми.

Но был еще один молчаливый собеседник, недавно умерший, но, быть может, более живой, чем многие из живых, с которым Жюль Верн почти не расставался. Это был Эдгар По.

«Необыкновенные рассказы», прочитанные Жюлем в великолепном переводе Бодлера, упали на благодарную почву. Однако молодого француза влекли не мрачное отчаяние и любовь ко всему странному и ужасному

«ночного» По, но сочетание резкого реализма с фантастикой, необыкновенная точность и глубина анализа того, чего не бывает в жизни. Его любимым автором стал «дневной» По, автор «Золотого жука» и трех — первых в мире! — детективных повестей, писатель, рассказавший и о полетах на аэростате через Атлантический океан и о путешествии на Луну, человек, для которого чудеса современной ему науки были волшебнее старых сказок Шехеразады.

В течение 1851 года в журнальчике Шевалье, — сказать по правде, не слишком серьезном, хотя и украшенном парадными именами Гюго и Дюма, среди сонма других перечисленных в списке сотрудников, — в этом журнале «Семейный музей» было опубликовано два рассказа Жюль Верна: «Первые корабли мексиканского флота» и «Путешествие на аэростате» — его первые напечатанные произведения.

Первый рассказ был только новой вариацией на темы Купера или его французских последователей — Корбьера, Леконта, Огюста Жаль или раннего Эжена Сю. Правда, сейчас, оглядываясь назад, можно и здесь найти отдельные черточки, так знакомые нам по верновским «Необыкновенным путешествиям». Но все же этот рассказ дальше от подлинного Жюль Верна, чем иные пассажи из путешествий Жака Араго. Это всего лишь проба пера робкого ученика, в котором только очень зоркий глаз смог бы распознать будущего мастера. Тем не менее это было первое печатное выступление молодого автора, первое опубликованное произведение, подписанное никому из читателей до сих пор неизвестным именем: Жюль Верн.

Во втором рассказе легко увидеть истоки другой линии его творчества — влияние Эдгара По. Для парижан, почти еженедельно наблюдавших подъемы аэростатов с Ипподрома и Марсова поля, воздухоплавание далеко не было новинкой. Но история авиатора, отправляющегося в испытательный полет и обнаруживающего в корзине воздушного шара опасного безумца, прячущегося между свитками каната и мешками балласта, для литературной Франции это было ново, ибо никто — ни из классиков, ни из романтиков — не осмелился бы взяться за такой сюжет.

«К какой школе ты принадлежишь, — спрашивал сына Пьер Верн, привыкший к порядку, к точным определениям, — к классикам или романтикам?» «Что касается школ, — шутил Жюль в ответном письме, — то я полагаю принадлежать только к своей собственной...»

Шутил... Но было ли это шуткой? Вернее, не высказывал ли он в шутливой форме своих заветных мыслей? Каковы были его замыслы, его мечты?

Именно в это время Жюль Верн задумывался о новом большом произведении, «роман о науке» называл он его условно. О своих планах Жюль советовался со старшим Дюма, который назвал замысел «необъятным». Была ли это похвала, а тем более похвала искренняя, трудно сказать, но, во всяком случае, Жюль считал это весьма обнадеживающей оценкой.

«Ты меня просишь еще раз поразмыслить, дорогой отец, — писал он в Нант, — но к чему? Ты знаешь мнение Дюма? Мой выбор сделан бесповоротно. Суждение твое имеет истоки в полярной зоне нерешительности. Страна же, где ныне обитаю я, меньше всего северная и ближе всего к зоне пылкой и знойной...»

Конечно, это письмо можно истолковать как попытку дать очень общую формулировку своих замыслов, можно даже — при желании, конечно, — усмотреть здесь намек на географию — науку, с детства любимую Жюлем. Но в письмах к отцу Жюль Верн всегда так неопределенен и, будем откровенны, так неохотно раскрывает свои планы, что в этих нескольких фразах можно прочесть все то, что будет угодно исследователям.

Рассказы, в отличие от пьес, принесли Жюлю Верну некоторое количество денег. При его привычке отвечать на все мелкие невзгоды фразой «о делах — завтра» этого было достаточно, для того чтобы быть самым веселым завсегдатаем обедов «одинадцати холостяков». «Чудак», — считали его родители. «Гамен, вечный гамен», — отзывался дядя Прюдан, считавшийся в Нанте великим специалистом по всему парижскому. «Чистые нравы при распущенном языке», — для парижских друзей это казалось оригинальничаньем...

Деньги позволили Жюлю Верну расплатиться с мадам Мартен, своей квартирной хозяйкой, и снять маленькую квартирку из двух смежных комнат в пятом этаже старого дома (№ 18) на бульваре Бон Нувелль. Перемена адреса как бы подчеркивала изменение всего уклада жизни. Там, на левом берегу Сены, остались Сорбонна, Нормальная школа, лицей Генриха IV. Здесь, на Больших бульварах, где когда-то Жюль впервые увидел Виктора Гюго, ключом била литературная и театральная жизнь: театр Жимназ был напротив, через улицу, Лирический театр — так именовался теперь бывший Исторический театр Дюма — находился всего в двух кварталах, театр Порт Сен-Мартен — лишь немногим дальше. В нескольких шагах, на рю Мазагран, жил Араго, жил и царил над своей странной свитой. И, наконец, что, впрочем, было совсем необязательным, невдалеке была Биржа — один из главных нервов нового Парижа.

В Париже преимущество бедности заключается в возможности всегда видеть столицу у своих ног. Поднятые над землей на сто двадцать ступеней Берн и Иньяр смотрели на Париж, как будущие победители. Только что они закончили веселую оперетту «Жмурки» — о воскресной прогулке группы парижан в Кламарский лес: трех студентов и трех цветочниц. Теперь они целиком были погружены в свои новые замыслы: Иньяр мечтал об опере «Гамлет», Берн обдумывал замысел своего «романа о науке». Для них эти трудные годы ученичества казались легкими, потому что юность легко переносит мелкие невзгоды. Но она тем сильнее восстает против сил, посягающих на ее идеалы... Впрочем, для молодых людей, поселившихся в светлых комнатах на бульваре Бон Нувелль, небо казалось безоблачным.

...2 декабря 1851 года принц Луи Наполеон Бонапарт, президент французской республики, совершил государственный переворот. Через несколько дней Жюль Верн узнал, что Виктор Гюго с чужим паспортом бежал в Бельгию, вождь социалистов Луи Блан скрылся в Англии, позже — что знаменитые ученые историк Мишле и философ Тэн вынуждены были покинуть университетские кафедры, французская культура не была нужна новому повелителю Франции, и меньше всего ему нужна была литература. Через несколько лет даже такие далекие от политики писатели, как Флобер и Бодлер, были привлечены к суду. Что же могло ожидать людей с пылким сердцем, мечтающих о лучшей Франции и о государстве всего человечества?

Одиночество

Биографам Жюль Верна кажется странным перелом, происшедший в нем в эти годы, — точнее, после наполеоновского переворота. Двадцатитрехлетний гамен, душа сборищ «одиннадцати холостяков», вдруг превратился в замкнутого и молчаливого человека, едва ли не мизантропа, почти не бывающего в обществе и проводящего время наедине с книгами. Но беда французских, немецких, американских, итальянских и иных биографов состоит в том, что они рисуют жизнь своего героя не на фоне событий того времени, а превращают его в какого-то обитателя водолазного колокола, отрезанного от всего мира, или, как они изволят выразиться, «обитателя Страны мечты», человека, оторванного от мировых событий.

А между тем достаточно было бы обратиться от личных писем и дневников Жюль Верна к газетам и политическим памфлетам его времени, чтобы перед нами сразу раскрылась иная, высшая реальность — огромный и тревожный мир, в котором жил писатель Жюль Верн. Эта-то биография, полная движения и скрытой жизни, для нас важнее всего, так как именно она вошла как составная часть в сто томов сочинений писателя.

Подлинную биографию Жюль Верна нужно начинать с 1848 года, с его второго приезда в Париж. В этот год Париж господствовал над Францией, а

Франция возвышалась над Европой и всем миром. Голос Парижа звучал во всех углах земного шара (не имеющего углов геометрических, но изобилующего политическими закоулками). Парижское восстание нашло отклик в победоносных восстаниях Вены, Милана, Берлина; казалось, вся Европа, вплоть до русской границы, была вовлечена в движение. И для зоркого наблюдателя не могло остаться сомнений в том, что началась великая решительная борьба, которая должна была составить один длинный и богатый событиями революционный период, могущий найти завершение лишь в окончательной победе народа.

Жюль Верн стоял на самом ветру эпохи. Но был ли он таким зорким наблюдателем? Будем к нему справедливы и не станем награждать его врожденной гениальностью политического мыслителя. Для юноши двадцати лет, провинциала, впервые попавшего в Париж, вполне естественно быть полным иллюзий и рассчитывать на скорую и окончательную победу «народа» над «угнетателями». Кто в его представлении были эти угнетатели? Король, аристократия, церковь. А народ? Все остальные...

Столетие, прошедшее над Францией после революции Сорок восьмого, было заполнено жестокой борьбой антагонистических сил, которые таились как раз в этом самом «народе»: буржуазии, крестьян, ремесленников, рабочих. Но Жюль Верн в те годы не хотел этого видеть. Весна его, его молодость, удивительно совпала с пробуждением от околеления и спячки его родной страны. Пусть революция раздавлена, затоплена в крови, — он мог себе сказать: «Я дышал воздухом республики, она была возможна!»

И вот теперь, после переворота 2 декабря, когда президент Луи Бонапарт задушил республику, чтобы стать императором Наполеоном III, Жюль Верн очутился с ним с глазу на глаз, — так, по крайней мере, ему казалось. Лицо, похожее на лицо провинциального парикмахера, смотрело на молодого писателя со страниц газет и журналов, со стен и заборов; оно преследовало его даже во сне. И оно все время говорило: нужно выбирать, нужно действовать, нужно решать свою судьбу.

Эти дни были для Жюля Верна днями битвы, днями единоборства. Пусть оно совершалось в тишине маленького кабинета писателя, вернее, в его душе. Но тем сильнее оно опустошало, это поле боя, тем страшнее оно было для молодого человека, почти юноши, который внезапно почувствовал себя совершенно одиноким.

Перед ним лежало два пути: раболепное подчинение или борьба. Но подчиниться — означало отдать свое перо на службу Наполеону Малому,

стать слугой палача. А борьба? Для этого нужно было верить в борющуюся Францию, знать ее. Жюль Верн ее не видел.

Трагедией Жюля Верна было то, что в те годы он был страшно далек от своего народа. Поэтому он пошел по третьему пути, который никуда не мог его привести: он добровольно осудил себя на внутреннюю эмиграцию, сделал своей крепостью маленькую комнатку на бульваре Бон Нувель и решил заново начать жизнь. И первым его шагом был уход с того литературного пути, вступление на который стоило ему стольких сил...

«Третий лирический театр, бывший Исторический театр, бывшая Национальная опера...»

Это длинное и неуклюжее название огромного здания на Тампльском бульваре не могло нравиться Жюлю Верну, который еще помнил великолепную мишуру «Юности мушкетеров» и свой первый и последний театральный успех. Может быть, было бы лучше, если бы этот зал существовал только в памяти, как воспоминание юности? Чужие люди теперь расхаживали по залам и коридорам, где когда-то царил громогласный и невоспитанный «Монте-Кристо» и вкрадчивой походкой расхаживал светский лев — его сын. Но именно сюда пришел молодой писатель через три дня после переворота.

Жюль Севест, директор Лирического театра, хорошо знал молодого Верна. Ему нужен был помощник, Жюль Верн искал работы. Сделка была заключена очень быстро, и в середине декабря 1851 года Жюль занял место секретаря театра с окладом сто франков в месяц.

Нет, теперь театр, которым повелевал Севест, не был ни первой любовью, ни даже минутным увлечением Жюля Верна. Скорее, это был брак по расчету. Три года назад Дюма пробудил в юноше интерес к театру, подтолкнул его робкое перо. Теперь для Жюля Верна театр был не волшебным обиталищем муз, но лабиринтом темных коридоров, обширность которого как бы охраняла директора от кредиторов и рукописей. Он мог стать крепостью и для самого молодого писателя, который хотел только одного: окопаться в театре, в конторе, на бирже — где угодно! — лишь бы не продавать свое перо императору, лишь бы остаться в Париже, чтобы перейти в атаку во всеоружии, когда придет его час.

Однако театр не стал его крепостью. Скорее наоборот: нелюбимая работа стала пленом молодого писателя. Встречи с авторами, помогающими чести увидеть свои пьесы на сцене, репетиции, споры с актерами, недовольными своими ролями, исправление чужих произведений — это занимало весь день и вряд ли было лучше работы в конторе Гимара. А литература? А «роман о науке»? О, для этого ведь оставалась ночь...

Только молодость в соединении с чисто бретонским упрямством могла выдержать такой режим. Париж почти перестал существовать для Жюль Верна. Только изредка он позволял себе прогулку по Монмартру, да и то рано утром, еще до начала репетиций в театре. А по ночам он работал, несмотря на припадки невралгии, тоску, жестокую бессонницу, которая опустошала его мозг иногда по несколько недель.

В 1852 году он все же решился напечатать в журнале Шевалье небольшую вещь, очень нехарактерную, написанную совместно с редактором: «Замки в Калифорнии или камень, который катится, не обрастая мохом» — шутливую пьесу в прозе, построенную на поговорках. Тема ее — приключения калифорнийских золотоискателей, — очевидно, была навеяна рассказами Араго. Жюль Верн напечатал ее, так как не собирался предлагать ее какому-либо театру, и меньше всего Лирическому театру, и вообще не придавал ей никакого значения: в эту зиму молодой писатель впервые работал над повестью.

Год назад на квартире Араго он встретил перуанского художника Мерино. Его рассказы о Южной Америке — не о романтических сельвасах Амазонки или тропических зарослях Ориноко, но об Америке бедных пастухов-метисов — были не похожи на романы Купера и его школы. И вот Жюль Верн попытался оживить эти бледные тени и переселить их на бумагу.

Повесть не удалась. В ней Жюль Верн потерял те собственные — пусть немногие! — черты, что уже проступали в «Путешествии на баллоне», не найдя ничего взамен: слишком чужд был этот мир молодому парижанину, никогда не видавшему даже моря, а не только южноамериканской пампы, слишком связана была его фантазия чужими рассказами. Но' все же это была еще одна проба пера, пусть неудачная, и все же законная. Ведь не так легко найти свою собственную манеру, даже явственно ощущаемую самим писателем.

От работы Жюль Верна снова отвлек театр. Начинались репетиции пьесы «Жмурки», написанной им совместно с Иньяром и Мишелем Карре еще два года назад. Два года! Теперь эта оперетта была для молодого писателя чем-то далеким, и он радовался, скорее, за своего друга Иньяра, чем за самого себя. Он уже не искал дешевого успеха, эфемерной славы. Он чувствовал в себе пробуждение какой-то новой силы, еще не возмужавшей, быть может, но уже переделывающей всю его жизнь, ради этой главной своей работы он готов был оставаться учеником еще десять лет.

Премьера оперетты состоялась 20 апреля 1853 года. Постановка имела успех: пресса отзывалась о ней очень лестно, зрители хлопали, пьеса

продержалась на сцене шесть недель. Это был успех бесспорный, гораздо больший, чем у «Сломанных соломинок»... и двадцатипятилетнего автора это не интересовало.

Весна 1853 года была в Париже шумной, и пестрой. Двор, новые богачи и новые аристократы, теснившиеся вокруг Наполеона, готовились к императорской свадьбе. «Повелитель французов», убедившись предварительно, что его сватовство будет встречено во всех европейских столицах неблагосклонно, торжественно объявил, что он решил осчастливить не принцессу крови, но простую смертную, прекрасную испанку графиню Монтихо. Праздник должен был быть пышным, с легким привкусом восточного великолепия, но, скорее, в стиле Галлана, французского переводчика «Тысячи и одной ночи», чем подлинного Востока.

Весь Париж должен был быть иллюминирован разноцветными фонарями, вся столица обязана была танцевать...

И, однако, у этого пышного праздника была своя изнанка, которой не мог не видеть молодой писатель.

На парадах и дворцовых приемах красовался в шитом золотом мундире маршал Леруа Сент-Арно, но парижане хорошо помнили, что этот храбрый и жестокий генерал, прославившийся тем, что он во время покорения Алжира заживо похоронил несколько сот арабов, их жен и детей, замуравав пещеру где скрылись повстанцы, получил свой маршальский жезл не за военные подвиги, но за 2 декабря 1851 года. В памяти невольно всплывали эти незабываемые дни: гром пушек, визг картечи, баррикады на парижских окраинах, дымящаяся кровь на мостовой...

Память возвращалась назад еще дальше: к позорным дням Второй республики, возглавляемой принцем-президентом. Славные знамена французской армии, замаранные позорным походом против Римской республики, возглавляемой великими борцами за свободу итальянского народа Гарибальди и Мадзини... За походом против римской республики, задущенной 10 июня 1849 года руками французских солдат, последовал «итальянский поход внутрь страны» — удушение в стране всего живого, отмена всеобщего, избирательного права, «закон о бескровном убийстве»: о ссылке политических противников в колонии — Кайенну, Новую Каледонию, где сосланные умирали почти поголовно. «Приходится выбирать между католицизмом и социализмом», — сказал Монталамбер, защищая закон о передаче народного просвещения в руки церкви.

Принц-президент почти не скрывал своего стремления к короне. Во время смотра в Сатори кавалеристы, приветствуя главу республики,

кричали: «Да здравствует император!» Пехота же маршировала молча. «Почему солдаты молчат?» — спросил будущий император. «Солдаты в строю не имеют права разговаривать!» — ответил генерал. На другой день он был смещен со своей должности...

И снова — в который раз! — всплывали в памяти дни переворота, снова беззвучно гремели в голове пушки и визжала картечь. Вспоминались улицы Парижа, отданные на разграбление пьяным солдатам, получившим по пять франков от будущего императора. Защитников республиканской конституции, скрывавшихся в лесах, искали с собаками, как дичь. В городах свирепствовали так называемые «смешанные комиссии», в которые входили генерал, префект департамента и судья. Эти комиссии имели право, без всякого суда и следствия, сослать в колонии, на верную смерть, любого француза, подозреваемого лишь в том, что он сочувствует республике. Все считалось подозрительным, даже траур: ведь трауром истинные патриоты отмечали смерть республики... Молодой Жюль Верн не мог не видеть этой страшной действительности, которая окружала его, подступала к его письменному столу и хотела завладеть его пером.

В этой страшной обстановке формировались первые, еще смутные замыслы молодого Жюль Верна. Как трудно было ему найти свой собственный творческий путь, как не похож был этот окружающий его мир на ту светлую вселенную, смутное очертание которой он увидел сквозь волшебное стекло великого Сорок восьмого года!..

...Увы, в эту весну Жюль Верну не удалось вырваться в Нант, как он рассчитывал. Театр теперь отнимал у него не только дни и вечера, но и утро — время прогулок, и даже изрядный кусок ночи — части суток, драгоценной не столько ради сна, сколько для работы. Ведь Севест не мог отстать от других театров, и не столько даже из-за бонапартистских убеждений, которых он придерживался, сколько просто из-за коммерческого расчета. Кроме того, в «Семейном музее», в июньском и июльском номерах, печатался «Мартин Пас», южноамериканская повесть Жюль Верна в двух частях, которую автор в припадке смелости наименовал «романом».

Только в августе Жюль смог буквально вырвать у Севеста три дня. Он провел их в Ла Герш, дачном пригороде Нанта. Нервы были в таком состоянии, что малейший шум приводил молодого писателя в неистовство. Он возненавидел птиц, и даже скромные трели малиновки вызывали у него желание открыть окно и крикнуть: «Да замолчишь ли ты, гадина?!»

И все же он был дома, его окружали родные, и впервые после пяти лет разлуки здесь он встретился со своим братом, товарищем детства и юности.

Поль только что вернулся из двадцатимесячного рейса по Антильскому архипелагу. Он рассказывал брату о тропических островах, где рождаются циклоны, о желтой лихорадке, о черном императоре Гаити — карикатуре на Наполеона III... За большой стол, накрытый прямо под вязами Ла Герш, уселось восемнадцать человек, из которых пятнадцать были двоюродными и троюродными братьями и сестрами; Верны, Аллоты, Тронсоны, Шатобуры. Председательствовал великолепный и веселый дядя Прюдан, который, несмотря на годы, не перестал понимать толк в вине. Но настоящими королями праздника были, конечно, молодой секретарь парижского театра и еще более молодой капитан дальнего плавания.

Память о пышных полях и светлых лугах на берегах Луары не оставляла Жюля в Париже. Быть может, отец прав, и спокойная жизнь в провинции лучше, чем эфемерное существование в столице? Ведь и в Нанте можно продолжать писать, работать для себя, не завися от парижских журналов и театров, быть может, даже забыть об императоре Наполеоне?

Но водоворот столицы очень скоро отвлек Жюля от этих мыслей. Севест был доволен успехом «Жмурок» и предлагал Жюлю Верну, Мишелю Карре и Аристиду Иньяру писать для следующего сезона новую оперетту. Как ни тяготился Берн театром, он тем не менее засел за работу: все же это было лучше, чем бесконечные репетиции и надоевшие разговоры с молодыми авторами. В то же время он ухитрился заниматься наукой. «Пришлите мне «Элементы механики», последнюю книгу Анри Гарсе, которую я забыл в Нанте», — писал он домой.

Даже железное здоровье Жюля, унаследованное им от предков-бретонцев, начинало сдавать: снова возвратилась невралгия, бессонница, ужасающие головокружения. Времени для прогулок уже не было, редкие встречи «одинадцати холостяков» лишь раздражали, и только музыка давала отдых. «Я купил пианино, — писал он родным в сентябре. — Это находка, которую я сделал. Правда, оно старше революции, так как изготовлено в 1788 году...»

Зима прошла в ожесточенной работе. Беспечное веселье, то великолепное кипенье трезвого рассудка, которое было раньше неотъемлемым свойством молодого Жюля Верна, казалось, ушло безвозвратно. Новые ноты, мрачные, пожалуй, даже трагические, иногда прорывались в его писательском голосе. Так платил он за добровольное изгнание из официальной наполеоновской Франции, за бегство в никуда. Но в то же время его новое произведение было все же литературной победой, хотя бы и не полной, новая атака неприступной крепости еще не

завоеванного жанра с незащищенной стороны.

Купер, Араго, Эдгар По — таковы были влияния, на скрещении которых формировался стиль раннего Жюль Верна. В эту зиму четвертый писатель наложил свою сильную руку на его творчество.

Романтика далеких стран и тропических морей, сдобренная изрядной долей иронии и скептицизма, фантастика «прирученная», как позже назвал ее Уэллс, почти подавленная протокольной точностью описаний и подробностей, противопоставление самой будничной действительности необыкновенному — таков был тот едкий и неоднородный сплав, который писатель должен был превратить в благородный, нержавеющей металл. Должен был, но пока еще не умел: в этой смеси как будто чего-то не хватало. Но чего?

Новый рассказ Верна, появившийся в апрельской книжке журнала Шевалье за 1854 год, мог многим показаться неожиданным. Безумный женевский часовщик мейстер Захариус, ищущий в крошечных механизмах часов ключ к разгадке тайны жизни, все это чересчур походило на Гофмана и казалось слишком далеким от того пути, на который писатель уже ступил, хотя и не совсем уверенно. Но этот рассказ, неудачный, как и «Мартин Пас», приоткрывает очень многое в творческой лаборатории раннего Жюль Верна.

Гофман, как ни кажется это странным на первый взгляд, вошел малой, но очень существенной частью в арсенал художественных средств Жюль Верна. Он дал ему в руки тот «беконовский кристалл», который позволяет видеть весь мир сразу, то малым и блестящим, как драгоценность, то преображенным, необыкновенным во всем том, что стало для нас привычным, открывающим нам романтику обыкновенного. Но для Жюль Верна это волшебное стекло шлифовали не духи, а лучшие оптические фирмы его времени, так как он верил, как никто, во всемогущество и правоту науки.

Наступило лето. Оно снова принесло Жюль Верну все то же ужасное ощущение: чувство полного одиночества. Его нервная система была истощена непосильной работой. Даже здесь, в гигантском мировом городе с двухмиллионным населением, ему казалось, что он совершенно один. Долгие ночи напролет он сидел у окна, наблюдая ночную жизнь столицы. Газовое пламя, в котором словно плавал Париж, постепенно гасло, чтобы уступить место рассвету, приходящему откуда-то из-за площади Бастилии и медленно шествующему по бульвару Бон Нувель. Только тележки молочниц и шарканье метельщиков заставляли Жюль Верна пробуждаться от этой мучительной летаргии и снова браться за перо.

Быть может, несколько недель в Ла Герш или Шантеней излечили бы больного писателя, но самые далекие путешествия, на которые он мог найти время, заключались в катанье по Сене в маленькой речной лодке с верным Иньяром — от площади Конкорд до Аустерлицкого моста. И снова он, еще более нервный, возвращался к утомительным будням театральных кулис и надоевшим стихам своей новой оперетты «Спутники Маржолены».

В это жаркое лето в Париже было душно, но душно было во всем мире: император Наполеон, пришедший к власти с лозунгом «Империя — это мир», зажег пламя войны, сорок лет не — посещавшей поля Европы. Англо-французско-турецкий флот блокировал Севастополь, войска союзников высадились в Крыму. Гром битвы за Севастополь, стоны раненых при Альме по ночам звучали в больной голове писателя. Мог ли он сочинять опереточные песенки, писать рассказы о далеких странах, когда Париж, вся Франция были немы? По мере того как разгоралось лето, в душе Жюля становилось все сумрачнее. «Наш театр, — писал он домой, — не закроется на лето. Я не — сплю больше. Шесть часов бьет раньше, чем я закрываю глаза... Мои нервы сокращаются, у меня язык стал тёркой, а болезнь — хронической. Мой рот больше не раскрывается. Какая пытка! Я выпускаю пену, как удав во время пищеварения или как драматический критик за работой...»

Все же в июле ему удалось вырваться. «Несмотря на мое полное истощение, я решил использовать свои последние пять франков, чтобы сделать восемьдесят лье. В субботу вечером я сажусь в праздничный поезд, отправляющийся в Дюнкерк, красивый морской порт, совершенно голландский. Наконец-то я увижу Северное море!..»

Песчаные дюны, лодки «исландских рыбаков», уходящие с отливом в холодное море, туда, к большой ньюфаундлендской мели, к берегам Исландии, небо, такое же серое, как и море, — это был пейзаж, совсем не похожий ни на пышные ноля на берегах Луары, ни на словно тушью выведенные в старом альбоме роци парижских окрестностей. На молодого писателя — ведь ему было только двадцать шесть лет! — этот бедный край навевал какое-то грустное очарование. Быть может, внешние впечатления совпали с настроением или это было ощущение новизны, но этот скудный, почти лишенный красок северный пейзаж поразил Жюля Верна гораздо больше, чем не знающая меры природа тропиков, виденная им... лишь в воображении.

«Зимовка во льдах. История двух обрученных из Дюнкерка» — так назывался новый рассказ Жюля Верна, начатый им по возвращении в задыхающийся от зноя Париж, уже с первых строк молодой автор вдруг

почувствовал, что повесть о капитане брига «Жен Арди» ему удастся, что в ней он сумел сочетать и занимательный сюжет и романтику географических исследований. Жюль надеялся, что новое произведение принесет ему успех: ведь поиски пропавшего без вести Джона Франклина не были закончены, и его трагическая судьба еще не была полностью подтверждена. Но так удачно начатой повести не суждено было так легко и так скоро завершиться.

Еще летом во французских портах появилась ужасная гостья, бледная спутница войны. Это была азиатская холера, которой стоило только ступить на почву Франции, чтобы смерть стала ее спутницей. Ее отделяло от Парижа всего несколько шагов: в сентябре она появилась в столице.

Одной из первых жертв эпидемии стал директор Лирического театра. «Севест в несколько часов унесен холерой, — писал родным Жюль Верн. — Это был человек бодрый, но всегда преследуемый предчувствиями. Я его очень любил: он был моим близким другом. Я скорблю до глубины сердца...»

Несмотря на то, что это трагическое происшествие было для молодого писателя потерей близкого друга, одновременно оно стало ступенью на пути к освобождению: смерть Севеста снимала с Жюля Верна служебную лямку, от которой он не имел ни сил, ни мужества отделаться. Она освобождала его также от обязанности заканчивать новую оперетту. Только обещание, данное мадам Севест, удерживало его от бегства.

Теперь все заботы о театре лежали на нем, он стал фактическим директором театра — именно тогда, когда он физически не мог исполнять этих обязанностей, когда он потерял вкус к театру. Ирония судьбы... Но разве исполнение наших затаенных желаний всегда приносит нам счастье?

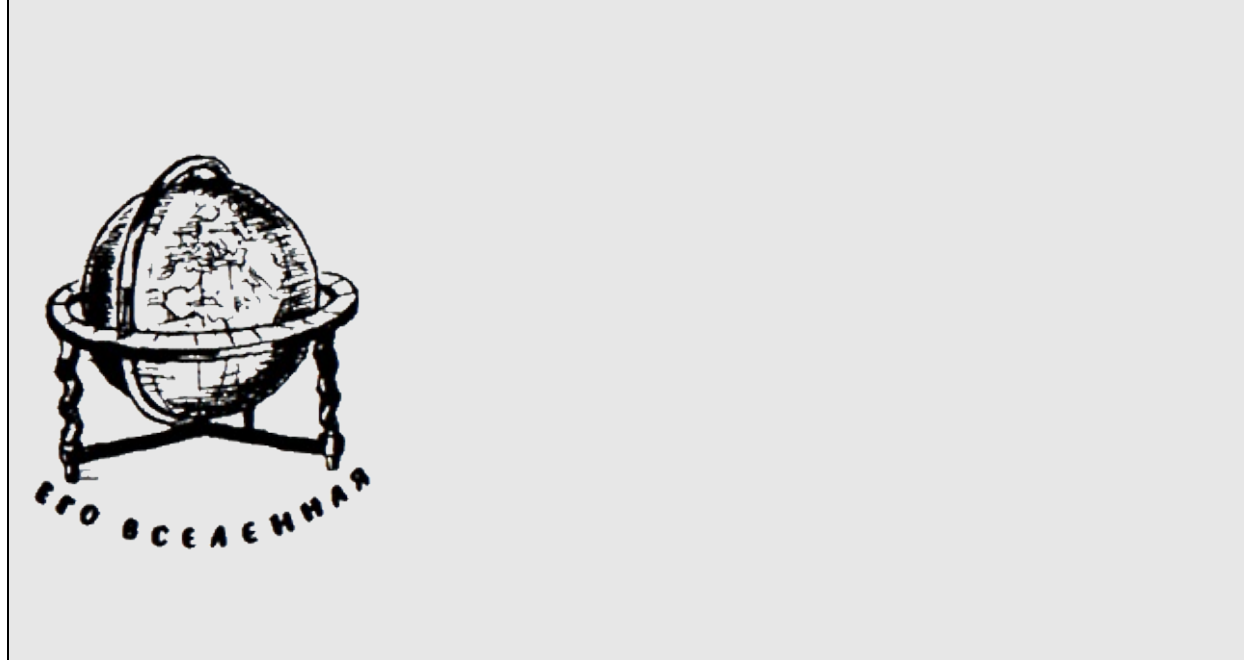
Теперь он хотел только одного: вырваться из Парижа, уединиться в Шантеней, дышать свежим воздухом полей, видеть перед собой спокойное и бесконечное течение Луары. Но ему пришлось ждать до октября, когда явился Пеллерен, новый директор Лирического театра, а с ним Филипп Жилль, старый приятель Жюля Верна, который должен был наследовать ему в должности секретаря.

Но за освобождение пришлось платить не малой ценой: для литературного Парижа Жюль Верн сразу перестал быть человеком, мнение которого о драматургии не безразлично, чье слово имеет вес в одном из крупнейших театров французской столицы. Ныне это был малоизвестный драматург, скорее всего неудачник, начинающий романист, зарекомендовавший себя двумя-тремя рассказами, но провалившийся на попытке написать повесть.

Его молодость ушла, унеся с собой веру в немедленный и неизбежный успех, в какую-то необыкновенную удачу, в славу, не завоеванную, но приходящую утром, вместе с первым почтальоном и приносящую свои дары прямо к изголовью счастливец, у него теперь не было даже тех ста франков в месяц, которые лежали в основе его бюджета, — ведь рассказы его появлялись так редко, а пьесы не приносили почти ничего. Но он зато владел теперь бесценным сокровищем, даром, который губит слабых и обогащает сильных.

Это была свобода!

Его Вселенная

Каждый из нас живет в своей собственной вселенной, масштабы которой он часто склонен считать измерениями великого и безграничного мира звезд, планет и людей.

Для некоторых она ограничена стенами коммунальной квартиры, события в которой они готовы рассматривать, как мировые. Иные мыслят в масштабах своей деревни, родного города и, в крайнем случае, своей страны. Конечно, сейчас мы склонны считать такую узость горизонта исключением, но в XIX веке редко кто мыслил масштабами материков. Вселенная Жюль Верна была огромна: она охватывала весь земной шар — все страны, все части света, включала в себя прошлое и будущее, в нее были включены не только Земля, но и другие планеты солнечной системы, и она достигала таинственной и недоступной до этого времени сферы звезд...

Эта вселенная была не стационарной, — она росла и расширялась с каждым днем. Ныне это был Париж, Франция... Созревание таланта Жюль Верна шло очень медленно, но тем уверенней он включал в пределы своего кругозора другие страны, материки, планеты и далекие звезды...

Далеко не сразу нашел Жюль Верн свой собственный путь, который позволил ему с наибольшей полнотой и силой выразить свое мировоззрение и воплотить в ярких художественных образах многолетние

мечты о лучезарном будущем освобожденного человечества, которые вдохнул в него 1848 год.

Жизнь официальной Франции того времени походила на пародию. Палата депутатов заседала в Париже, но она не имела права ни издавать законопроекты, ни вносить поправки в правительственные предложения. Заседания ее были публичны, но печатать прения было запрещено. Каждый мыслящий человек находился под надзором полиции, университет существовал, но внимание было обращено главным образом на древние языки; кафедры философии и истории были упразднены. И всем профессорам было приказано брить усы, чтобы «уничтожить в костюме и нравах последние следы анархии»...

Но была другая Франция — великая страна, населенная великим народом. Этот скованный гигант продолжал трудиться и бороться. Железные пути все дальше протягивались во все концы страны, все гуще становился дым паровозов, пароходов, заводов и фабрик. И все сильнее прилиwała кровь народа к центру страны — к Парижу. Это была не только столица императора и его своры: жандармов, спекулянтов, шпионов. Это был центр промышленности и торговли, столица науки и мысли, подлинное сердце Франции.

То было время быстрого развития промышленности, расцвета техники. Еще недавно, в 1838 году, первый пароход пересек Атлантику, и то проделав часть пути под парусами, а в шестидесятые годы железные паровые суда установили регулярные рейсы, соединяющие Францию со всем светом, и гигантский «Грейт-Истерн», в девятнадцать тысяч тонн водоизмещения, проложил первый телеграфный кабель между Европой и Америкой.

Когда Жюль Верн в 1848 году приехал в Париж, ему пришлось проделать значительную часть пути на почтовых лошадях. А через пятнадцать лет в Лондоне появился первый метрополитен, и сквозь горный проход Мон-Сенис была начата прокладка тоннеля, соединяющего Францию с Италией.

Открытие в 1831 году фарадеем электрической индукции стало для электротехники началом новой эры. Все глубже опускались, еще неуклюжие, подводные лодки и все выше поднимались аэростаты, движением которых в воздухе пытались управлять их изобретатели.

И, наконец, сами машины — грандиозные паровые молоты, гигантские гидравлические прессы, мощные токарные станки — стали производиться при помощи машин. Наступила последняя фаза промышленного переворота.

Все это создало питательную почву для бурного развития науки, которая во второй половине XIX века переживала удивительно счастливый период своего развития. Это был период великих побед не только частных теорий, но и могучего синтеза, начавшегося объединения воедино разрозненных прежде наук. Майер, Джоуль, Гельмгольц завершили доказательство всемирного закона сохранения энергии, впервые высказанного еще Ломоносовым. Бергто окончательного изгнал из химии понятие жизненной силы. Менделеев, создав свою Периодическую систему, обосновал единство всех химических элементов. Пастер опроверг теорию самозарождения. Дарвин воздвиг гигантское здание теории эволюции и посягнул на божественное происхождение человека.

Наука в эти годы даже вооружила человечество возможностью видеть будущее. Леверье, «на кончике пера», — сидя за столом и вычисляя, — открыл новую планету Нептун, не видимую простым глазом. Менделеев с поразительной точностью описал свойства еще не найденных элементов. Гамильтон чисто математическим путем обнаружил существование конической рефракции. Максвелл на языке дифференциальных уравнений предсказал существование и свойства электромагнитных волн, открытых лишь после его смерти... И Жюль Верну казалось, что весь облик грядущих дней можно увидеть сквозь волшебную призму науки!

Но как найти путь к этому грядущему? Как преодолеть почти бесконечное противоречие между мечтами о свободе и Второй империей?

На это не давали ответа ни либералы, ни республиканцы. Однако, кроме империи Наполеона III и республики Ламартина и Ледрю Роллена — буржуазных республиканцев 1848 года, существовала еще мечта о справедливой социальной республике (социалистической, как называли бы ее мы на современном языке), существовали различные социалистические учения, которые, словно цветные факелы, освещали мрачную ночь Франции.

В годы Второй империи Жюль Верн тесно подружился с писателем Феликсом Турнашоном, более известным под псевдонимом Надара. Романист, рисовальщик, карикатурист, фотограф-художник, Надар незадолго до этого был секретарем Шарля Лессепса, знаменитого строителя Суэцкого канала. Лессепс был страстным последователем Сен-Симона, и его взгляды разделял и Надар. Сен-симонистом был и другой друг писателя, композитор Алеви. Они-то и ввели молодого неопита в светлый мир утопического социализма.

Неизгладимое впечатление на Жюля Верна произвели идеи Сен-Симона. Вероятно, от него писатель заимствовал великую веру в науку,

способную, как ему казалось, изменить весь политический строй человечества.

Фурье открыл писателю радость творческого труда, освобожденного от принуждения и эксплуатации и воедино слитого с творческой мыслью, Роберт Оуэн, отправившийся за океан, чтобы основать там социалистическую колонию, стал для Жюль Верна прототипом его будущих героев.

Но политические идеи Жюль Верна не были зрелыми и четкими. Кроме того, он был писателем, а не политическим мыслителем, и художественный образ действовал на него сильнее, чем отвлеченная идея. Поэтому по сравнению с серьезными трудами Сен-Симона, Фурье, Оуэна гораздо более глубокое впечатление произвела на него книга Кабе «Путешествие в Икарию». В ней писатель увидел светлое видение будущего мира, свободного не только от политического, но и от экономического угнетения.

В сложном и противоречивом мире того времени, мире, который казался хаосом его незрелому уму, Жюль Верн, отыскивая путь к будущему, обрел себе светоч в лице науки: в ней он нашел ту романтику, которой ему не хватало в окружающей его жизни, в ней он нашел содержание своей жизни.

В бесконечно сложной и трудной обстановке происходило формирование Жюль Верна как писателя. Новое содержание, продиктованное передовыми взглядами писателя, его верой в неограниченное могущество науки, требовало новой формы, искало себе выражения в новых героях. Но, для того чтобы найти свой собственный путь, своих, небывалых до того героев, писателю нужно было отказаться от той дани эпигонству, которую он отдал в своих стихах, комедиях, текстах и сценариях оперетт. А для этого нужно было обратиться от литературы к жизни, к окружающей Жюль Верна действительности.

Но что он знал о Франции, а тем более о всем огромном и шумном мире? В те годы, когда замысел его «Необыкновенных путешествий» еще только начинал формироваться, реальная вселенная молодого писателя была до смешного мала: самой большой горой для него был Монмартрский холм, самой дикой чащей — Булонский лес и единственным океаном — и таким он представлял себе все моря — холодное зеркало Ла-Манша, лишь недавно увиденное с поросших вереском прибрежных холмов Дюнкерка...

А жизнь тем временем шла своим чередом, и мир не ждал, когда его завоюет молодой провинциал, как полагалось по традиции романов XIX века.

В те годы на месте изъеденных временем и потемневших домов и стен старого королевского города в муках и труде рождался новый Париж. Над городом висела белая каменная пыль, падающая на листву каштанов, как седина. Рушились старинные дома, разбирались средневековые стены и решетки, сносились целые кварталы, чтобы дать место блистательным и строгим проспектам обновленного города.

Стоя на перекрестке, Жюль Верн часто следил за рождением новых бульваров, пересекающих груды битого камня, еще недавно бывшего бушующим хаосом средневековых кварталов, следил за появлением, как по волшебству, новых великолепных вокзалов, зданий, церквей. И звезды улиц, расходящихся во все стороны от звонких площадей, все чаще напоминали ему кем-то брошенное крылатое прозвище вновь рождающегося Парижа — город-светоч.

Перестройка французской столицы не была делом сенского префекта барона Османна, как то казалось императору Наполеону. План нового Парижа был рожден в дни великой революции, когда созданная при Конвенте Комиссия художников разработала небывалый по масштабам проект перепланировки города. В этом плане были воплощены мечты многих поколений зодчих и градостроителей, мечтателей и поэтов — всех тех, кто, любя прошлое великого города, хотел для него еще более блистательного и счастливого будущего. Этот план был воплощением великого труда скованной Францией, искавшей обновления.

Первый консул, потом император, Наполеон Бонапарт передал проект в архив — до лучших времен, реставрация предала его забвению. Но ему суждена была долгая жизнь: в годы Второй империи и Третьей республики он стал тем источником, откуда градостроители черпали идеи и предложения, связанные с перестройкой Парижа.

Барон Османн совсем не собирался строить «счастливый город», как мечтали когда-то деятели Национального Конвента. Переименовав проект по своему, он решил строить город богачей. Он не смог, да и не хотел отказаться от блестящего и холодного великолепия Века разума, отразившегося в проекте Комиссии художников, но новые широкие улицы и прекрасные бульвары в то же время прямолинейно и жестоко пересекали рабочие кварталы, разрушали лачуги ремесленников и рабочих, безжалостно выселяемых на окраины, уничтожали даже память о славных парижских баррикадах и революционных квартальных комитетах — секциях девяносто третьего года. Император государства спекулянтов, расхитителей и банкиров вместе со своим слугой даже великий труд Франции, создавшей великий город, превращал в постройку тюрьмы:

народ, борющийся за свое будущее, сам ковал для себя блестящие оковы.

Для молодого Жюль Верна — он уже не был юн, но все еще молод — разрушение ветхого города, который он еще помнил королевским Парижем, и рождение нового города-светоча было как бы отражением той бури, что свирепствовала в его собственной душе. На старых развалинах, превращающихся в облака праха, вырастали новые светлые и величественные здания, которым суждено было увидеть и неистовые битвы XX столетия и зори того будущего века, чьи смутные отблески трепетали в те годы лишь в сердцах немногих избранных.

Не сразу перед умственным взором молодого писателя возникли два Парижа, две Франции, два мира. Рядом с Парижем и Францией самозванного императора, словно сквозь мутное стекло, он видел город ученых, студентов, учителей, ремесленников (мог ли он в те годы видеть и знать рабочих, которые составляли ничтожное меньшинство населения французской столицы?). Сквозь грязную пелену императорской Франции словно просвечивала другая страна — его подлинная родина, в которой он хотел видеть страну будущего. Ей не было границ, как не имели границ наука, литература, искусство. Об этом грядущем Интернационале (это слово уже появилось в те годы, хотя его значение было еще зыбко и неопределенно), об этом будущем международном сотрудничестве или государстве всех народов уже звучали речи на всемирных конгрессах мира: в Париже в 1848 году, в Брюсселе в том же 1848 году, снова в Париже в 1849, во Франкфурте-на-Майне в 1850 году. Переворот Наполеона не остановил международного движения за мир. И снова собирались конгрессы: в 1851 году в Лондоне, в 1853 году в Эдинбурге. И громче всех на этих конгрессах звучал в защиту простых людей мира громовой голос великого Виктора Гюго...

Местом, где встретились две Франции — Наполеона Малого и французского народа, — была Парижская Всемирная выставка 1855 года, великий праздник человеческого труда.

...Это было какое-то государство машин, страна, населенная тысячами механизмов. Гремели паровые» молоты, жужжали веретена текстильных машин, работали токарные станки, вертелись исполинские мельницы, тяжело дышали медлительные и шумные насосы, пыхтели трудолюбивые локомобили. Паровые автомобили, паровозы-великаны, готовые ринуться в путь по всем дорогам и путям земного шара, говорили, казалось, о полной победе над природой. Гигантские паровые машины бились, как металлические сердца, дающие жизнь современной промышленности, душой которой был пар.

Много лет назад, еще при посещении Эндре, маленького мальчика поразила бездушная мощь паровых механизмов. Теперь Жюль Верн видел воочию, что с помощью этих слуг человек может стать великаном, шагать через моря, пробивать дороги сквозь горы и прокладывать пути через пустыню. Но и его величество пар показался ему детской романтикой перед другим миром — заманчивым и таинственным. Это были несовершенные проекты газовых двигателей, мечты о применении недавно открытого керосина, грубые чертежи фантастических летательных машин тяжелее воздуха и удивительные электрические приборы и механизмы. Жюлю Верну казалось, что в этих неясных, смутных набросках он мог прочесть будущее человечества: здесь спала та волшебная куколка, что обещала всем, кто обладал активным зрением, вылететь когда-нибудь ослепительной бабочкой, способной подняться до самых звезд.

Так, на скрещении всех ветров века, родился великий замысел «необыкновенных путешествий»: взять в свое владение всю гигантскую область науки, одухотворить ее новыми героями и их руками завоевать блистающий мир грядущего.

На этом новом пути у молодого писателя не могло быть вожатых. Кумиры юности? Но разве могли они понять его мечту? Да их и не было рядом с ним. Гюго жил за морем, откуда во Францию доносилось лишь эхо его громовых речей и памфлетов, лишь отблеск его пламенных поэм. Дюма, преследуемый кредиторами, разорившийся, опустившийся, бежал из Парижа. Нет, впереди у молодого борца были лишь тяжкое одиночество, бесконечный труд, годы ожидания, за которыми едва сквозили смутно очерченные крылья, румяное лицо и светлые глаза его победы!

Муза Жюля Верна, подобная Самофракийской победе, только в далеком будущем должна была, как легкое дуновение, пронестись над Францией, свежим ветром прошуметь над Европой и бурей промчатся над дальними морями, островами и материками. Но в эти годы смелая и слабая, как Новый год, она с простертыми вперед руками еще ждала ветра, который должен был пронести ее на своих крыльях. Он уже поднимался, этот ветер революций, национальных восстаний, освободительных войн... Зрела великая тайпинская революция в Китае; Индия, набухшая гневом, лишь ждала сигнала для восстания против иноземных угнетателей, разграбленная работоторговцами Черная Африка уже ждала своего отмщения... Но горизонт молодого Жюля Верна все еще не был достаточно широк, чтобы охватить всю эту огромную вселенную и воплотить ее жизнь в своих книгах. Час его славы еще не наступил.

Лицом к лицу со свободой

Первым даром свободы, который Жюль Верн получил, сбросив с себя оковы тяготившей его службы, было исцеление от всех болезней. Было ли оно действительным или мнимым, но оно, во всяком случае, вернуло молодому писателю то, в чем он больше всего нуждался: работоспособность.

Четыре месяца он почти не выходил из дому. Проходил день, на бульваре вспыхивали гремящие газовые фонари и снова гасли, уступая место бледному рассвету, а он все сидел, словно прикованный к своему письменному столу. Единственными посетителями маленькой комнатки на верхнем этаже были Карре и Иньяр, да и тех он допускал только потому, что они были его сотрудниками, а не гостями. Он одновременно заканчивал повесть «Зимовка во льдах» и работал вместе с друзьями над новой опереттой «Компаньоны Маржолены». Но, как и всегда, его воображение обгоняло перо, и он уже лелеял новые темы.

Удалась ли новая повесть? Жюль Верн очень хотел знать не приятную полуправду, столь принятую в кружке «одинадцати холостяков», но «правду, всю правду, ничего, кроме правды». Нет слов, похвалы друзей были приятны, и он любезно их выслушивал. Но, с другой стороны, между «Путешествием на баллоне» и «Зимовкой во льдах» лежало три года. А был ли это такой уж большой шаг вперед? Ему мало было написать

повесть, которую редакторы журналов охотно взяли бы печатать... А разве его друзья мечтали о чем-нибудь ином? Но Жюлю Верну мало было написать рассказ, повесть или даже роман, — он мечтал о большем, о своем собственном стиле, о новом жанре... И он лучше, чем кто-нибудь другой, знал, сколько труда еще ожидало его, сколько каменистых дорог нужно было пройти! Его победа еще не расправила своих светлых крыльев и не покинула свой кокон, где она, как куколка бабочки, ждала своего часа!

История брига «Жен Арди» была напечатана в «Семейном музее» в мартовском и апрельском выпусках за 1855 год. На эти же месяцы пришлось интенсивные репетиции новой оперетты трех друзей. Генеральная репетиция «Компаньонов Маржолены» состоялась в мае, а премьера в июне. Пьеса имела успех и выдержала двадцать представлений. Она принесла трем холостякам немного дешевой славы — они уже успели оценить ее по достоинству — и очень мало денег: достаточно для дружеской пирушки «одинадцати холостяков», но слишком мало для того, чтобы расплатиться с настойчивыми домовладельцами.

Так, по крайней мере, было с Карре и Иньяром, — ведь театр был для них единственным источником дохода. В кармане же Жюля Верна, кроме серебряных монет позвякивало и золото: новый редактор «Семейного музея», Шарль Валлю, занявший место скоропостижно скончавшегося Шевалье, расплатился с постоянным автором журнала по-царски. И Жюль Верн мог не только разделаться с долгами, которых всегда так много у истого парижанина, но и писать новый рассказ для журнала, не думая о деньгах, рассказ... Ну, а «роман о науке»? Неужели отмахнуться от этого навязчивого вопроса все той же поговоркой «о делах — завтра»?

Севастополь пал в сентябре 1855 года. Для наполеоновского Парижа это было сигналом для целой серии празднеств, карнавалов и иллюминаций. Снова открылись литературные салоны, где толпились молодые литераторы, ищущие карьеры и славы. Для многих друзей Жюля Верна наступившая зима превратилась в сплошной вихрь удовольствий — пусть эфемерных, но столь желанных в юности. Для самого же писателя она стала временем бесконечного одиночества и мучительной работы: он не хотел видеть императорской Франции, он жаждал видеть Интернационал — государство всего человечества.

Как мог беспечный и остроумный парижский бульвардье, всеобщий любимец, завсегдатай и председатель пирушек «одинадцати холостяков», как мог он заставить поверить своих друзей, что его отечеством стала наука, а семьей — все человечество? Как мог тот же Шарль Валлю, хорошо знавший его скромные средства, понять постоянные отказы написать что-

нибудь для «Семейного музея»? Им было трудно в это поверить, потому что Жюль Верн все же был настоящим бульвардье, истым сыном своего века!

Молодой Жюль Верн пытался подвести итог своему почти восьмилетнему пребыванию в Париже. Написано восемь пьес — комедий, трагедий, либретто оперетт. Половина из них несамостоятельна: одна написана совместно с Дюма-сыном, одна — вместе с Питром Шевалье, две — при участии Мишеля Карре. Жюль Верн легко владел стихом, но это был стих эпигона — гладкий, холодный, лишенный индивидуальности. За эти же годы опубликовано четыре рассказа и повесть. В них он отдал дань своим увлечениям: Фенимору Куперу, Эдгару По, Эрнсту Теодору Гофману и Жаку Араго. Можно было, конечно, счесть эти произведения заявочными столбами у самого входа в никем не исследованную страну. Но мало было достичь границ этой страны: нужно было туда проникнуть, исследовать и колонизовать. А для этого нужно было знать так много, видеть так далеко и, главное, писать так, как никто не писал в те годы, — разве можем мы осудить колебания совсем еще молодого писателя, которые охватили его в самом начале этого каменистого, неторного пути?

Идея романа нового типа, «романа о науке», как сам Жюль Верн называл его в письмах к отцу, вынашивалась очень долго. Молодой писатель не раз рассказывал о своих мечтах Александру Дюма-отцу, который нашел замысел Жюля Верна «необъятным». Действительно, мечта была грандиозной: подобно тому, как сам Дюма взял материалом для своих романов почти всю историю Франции, так Жюль Верн намеревался взять в свое владение громадный материал науки — в ее — прошлом, настоящем и в предстоящих ей открытиях. Он хотел соединить воедино науку и искусство, технику и литературу, найти реальность в фантастике, одухотворить новый жанр небывалыми героями. Нет ничего удивительного в том, что такой обширный замысел вынашивался столько лет.

Но лишь только молодой писатель, лицом к лицу с обретенной им свободой, попытался воплотить на бумаге свой замысел, как тотчас же пережил полный крах: у него не хватило ни знаний, ни таланта, ни наблюдений. Ведь недостаточно было мечтать о новом герое, человеке будущего, — нужно было увидеть его наяву в окружающей жизни, ведь недостаточно было лишь захотеть, — нужно было еще уметь!

Да, теперь Жюль Верн, пройдя мучительный путь, наконец, понял, что, для того чтобы воплотить в жизнь свою мечту, мало одного желания. Тот, кто взялся бы за этот труд, должен был обладать глазом и умом ученого, воображением изобретателя, фантазией поэта и темпераментом

пророка. Мог ли он, Жюль Верн, двадцати семи лет, обладающий почти схоластическим юридическим образованием, не имеющий и ста су месячного дохода, а следовательно и досуга, стать этим человеком?

Учиться, работать... Да, он знал, что умеет сосредоточиться, обладает нужным упорством, даже упрямством. На это уйдет пять, пусть десять лет... а может быть, и вся жизнь. Но «роман о науке» мог родиться только таким путем: из труда и вдохновения, пота и слез... Но это была цель, ради которой стоило жить!

Как Антей, оторвавшийся от земли, он жаждал теперь соприкоснуться не с императорской, но со своей, демократической Францией, чтобы вновь обрести силу и волю к жизни.

Но как найти мужество, для того чтобы заново начать жизнь? Как отыскать средства, которые позволили бы не только ждать своего часа, но и учиться, чтобы поторопить этот час, не только писать рассказы, которые охотно печатают издатели и редакторы маленьких парижских журнальчиков, но создавать роман, который будет закончен, быть может, только через десять лет, — пусть тогда этот роман переведут на пять, десять, даже двадцать языков, но жизнь самого автора этого гипотетического романа к тому времени уже перевалит за полдень и начнет клониться к упадку... И все это, вдобавок, случится лишь в том случае, если самые безумные мечты воплотятся в действительность!..

Припадки малодушия не раз посещали Жюля Верна в эти дни. Жалуясь в письмах домой на свое одиночество, он неоднократно возвращался к своему старому, полушутливому проекту женитьбы на какой-либо скромной нантской девушке. Но этот год был годом чужих свадеб: одна за другой его избранницы, подруги юности и сестры школьных друзей, отдавали свою руку землякам. И в то же время, как бы ему в отместку, парижские друзья также стали обзаводиться семьями. Казалось, какая-то брачная эпидемия охватила одновременно столицу и провинцию.

Весной 1856 года его университетский товарищ и друг Виктор Леларж, шурин профессора Гарсе, пригласил Жюля Верна принять участие еще в одной свадьбе. Для этого нужно было совершить небольшое путешествие в Амьен — тихий провинциальный городок в Пикардии, в нескольких часах езды от Парижа. Восьмого мая писатель, — впрочем, можно ли было так именовать человека, который уже год как ничего не писал, — выехал с Северного вокзала. На нем был его лучший костюм, на лице самая любезная улыбка, но невралгия разрывала его мозг и тоска терзала его сердце.

Нет, это не было похоже на поездки в родной Нант. На мгновение на вокзале он почувствовал себя чужестранцем, прибывшим откуда-то издалека. Даже провинциальный Нант был шумным по сравнению со старым сонным Амьеном, широко раскинувшимся в прекрасной долине Соммы. Широкие бульвары, проложенные на месте скрытых средневековых укреплений, были покрыты зеленым весенним пухом. Его встретила милая провинциальная семья, гораздо менее чопорная, чем его собственная: любезная хозяйка дома, отставной кирасирский полковник де Виан, — он иногда в шутку любил подписываться Девиан, по орфографии времен Конвента, — Эме де Виан, невеста, и какая-то молодая, пожалуй, даже очень молодая женщина, которую представили парижскому гостю, как Онорину Анну Эбе Морель.

— Мадам Морель? Мадемуазель Морель?

— Мадам Морель, — ответил Леларж. — Сестра моей будущей жены.

Гордостью семьи был старший сын, финансист, брокер парижской биржи, но он отсутствовал: ничего не поделаешь, дела!.. Кроме того, были две очень маленькие девочки — Валентина и Сюзанна. Внешнее сходство позволяло безошибочно определить, что это дочери Онорины Морель.

Четыре дня, которые Жюль Верн хотел провести в Амьене, совершенно незаметно превратились в две недели. Провинциальная свадьба, с соблюдением всех старомодных церемоний, показалась парижскому гостю очаровательной. Запомнился инцидент, вызванный его собственной неловкостью, впрочем, другими почти незамеченный.

— Разве мсье Морель не будет присутствовать при церемонии? — спросил Жюль, когда усаживались в экипажи, чтобы ехать в церковь.

Лицо Леларжа выразило сильное замешательство. Потом он улыбнулся.

— Надеюсь, что нет, — пробормотал он вполголоса. — Бедняга умер несколько лет назад...

Мы не знаем, как протекал этот молниеносный роман. Но когда Жюль Верн вернулся в Париж, он твердо решил жениться на Онорине Морель. Правда, одного его решения и даже согласия Онорины было недостаточно. Прежде всего нужно было заняться математикой, — и не той математикой, что он искал в книгах Анри Гарсе, но простой практической арифметикой.

Кем был он? Человек без своего дома, без профессии, без постоянного заработка, без будущего (ведь нужно было смотреть трезвыми глазами, вернее, глазами тех, кого он хочет просить разделить с ним это будущее, единственное его достояние). Жениться — это значило обзавестись семьей, а семье нужно где-то жить, и как-то обеспечивать существование.

Следовательно, прежде чем совершить этот важный шаг в жизни, нужно приобрести постоянный доход... Что он мог предпринять? Вернуться в театр? Поставлять в дешевые журналы очерки и рассказы? Но и этот эфемерный заработок не мог быть достаточным даже для одного. А адвокатура? Для этого нужно было вернуться в Нант, начать всю жизнь сначала и забыть свои мечты. Это означало полную капитуляцию.

Его мысль повернула в другую сторону. Всемирная выставка раскрыла перед ним иную сторону жизни — более живую, более действенную, более реальную. Техника, промышленность, коммерция, как ему казалось, не вступали в конфликт с ненавистным императорским строем, но и не приспособлялись к нему. Они существовали сами по себе. Что, если бы он мог соприкоснуться с ними вплотную, изучать хозяйственную жизнь Франции и в то же время сделать это источником существования? А время для литературы, для своей работы всегда можно найти, разве не писал он, находясь в плену у Севеста?

Брат Онорины был тем звеном, которое могло соединить его с биржей — средоточием коммерческой жизни Парижа и всей Франции.

Письма к матери и к отцу были написаны очень дипломатично. Почтительный сын сообщал, что ему «около тридцати», что ему не хватает «своего дома и близкого человека», что он «несчастлив в своем неверном существовании в Париже». Биржа — вот что может его обеспечить и далее дать комфорт. Правда, место на бирже стоит два миллиона франков, но можно вступить пайщиком в одну из уже существующих биржевых контор, а для этого достаточно «каких-нибудь» пятидесяти тысяч. Единственное, в чем он нуждается, — это заем в размере этой суммы, и здесь его единственная надежда — отец.

Родители обладают удивительной способностью читать между строк. Они сразу поняли, что мечта сына о женитьбе — реальный план, продуманный во всех подробностях. Старого адвоката это не пугало: в конце концов это должно было случиться рано или поздно, его огорчало лишь то, что Жюль хочет стать финансистом. Это было непостоянство — самый большой порок по его мнению. Сначала сын мечтал о море, потом избрал юриспруденцию, затем решил стать писателем, изменил литературе для театра, а теперь мечтает о бирже... Что же касается пятидесяти тысяч франков, то он, конечно, предпочел бы расходовать их по сто франков в месяц: тогда хватило бы на всю жизнь Жюля. Но он не скуп — он только расчетлив: ведь он заботится о счастье и о будущем своих детей.

Никто не знал размеров состояния Пьера Верна: мэтр Верн был скрытен и не любил говорить о своих делах. Но он — лучший адвокат

города, недавно избранный главой адвокатской корпорации Нанта, — готов был на любые жертвы для своих детей, и он ответил согласием на просьбу сына.

Семьи Берн и де Виан обменялись церемонными письмами. Сам виновник этой переписки засыпал письмами обе стороны. Он был весел, шутлив, как, впрочем, и всегда (в письмах), но очень трезво смотрел на вещи, «у Онорины нет бриллиантов, но у нее есть красота и необходимые платья... и шали... одна длинная и одна квадратная...», «Онорина и я уведомляем, что свадьба будет произведена с наивозможно меньшим шумом. Ее движимость очень проста: диван, четыре кресла, четыре стула, полный гарнитур для камина — красное дерево, красный бархат и бронза. Но диван не бронзовый и маятник часов не из красного бархата...»

Тем временем, чтобы подготовиться к будущей работе, Жюль Верн — вечный ученик! — должен был пройти курс обучения, для чего он избрал контору Жиблона, видного промышленного дельца. А в начале декабря 1856 года Жюль Верн вошел как полноправный компаньон в дом № 72 по Прованской улице, где помещалась биржевая контора, принадлежащая Фернану Эггли, финансисту и брокеру парижской биржи.

10 января 1857 года в мэрии третьего округа был зарегистрирован брак Онорины Анны Эбе Морель, урожденной де Фрейн де Виан, 27 лет, и Жюля Габриеля Верна, 29 лет. В тот же день в церкви Сен-Эжень на бульваре Пуассоньер состоялась торжественная церемония венчания. Впрочем, торжественной ее можно было назвать лишь в официальном отчете: она была обставлена с предельной простотой, и присутствовало на ней всего двенадцать человек: родители и сестры Жюля, амьенская родня Онорины, а из посторонних — Анри Гарсе и Аристид Иньяр. Амьенским друзьям было сообщено, что свадьба состоится в Нанте, а нантским — что она будет отпразднована в Амьене. Парижские же друзья Жюля не были извещены и могли предполагать любой пункт: Нант, Амьен, прованскую деревню, Лондон даже, но, конечно, никому в голову не приходил Париж.

Все это выглядело, как вынужденное соблюдение приличий, едва-едва терпимое. Не было даже намека на традиционное свадебное путешествие: молодые должны были провести медовый месяц в Париже. Но Париж был для них пустыней: родственники разъехались на север и на юг, а друзей-холостяков Жюль не желал видеть. Он хотел как можно скорее начать — в который раз! — совершенно новую жизнь.

Вот фотография Жюля Верна и Онорины Верн после свадьбы. Онорина Анна Эбе кротко опирается на руку мужа. Эбе — французская форма имени Геба: так звали верную супругу Зевса, и оно как нельзя

больше подходит к этой молодой женщине в кринолине последней моды того времени. А ее муж — широкоплечий, с пышной бородой и орлиным взглядом, — он действительно выглядит олимпийцем. Правда, фотография ему льстит: на ней не виден небольшой рост героя, но, с другой стороны, в ней слишком мало измерений, на ней нельзя рассмотреть его будущего.

Пять лет, потерянных для биографов

Пять лет жизни Жюль Верна после женитьбы — самые трудные для биографа.

Неверно было бы утверждать, что они бедны внешними происшествиями. Нет, событий здесь достаточно, может быть, даже больше, чем в предыдущий период, но они как-то отступают на второй план перед более крупными внутренними конфликтами, перед могучим поздним соревнованием этого своеобразного ума.

Как часто биограф, замечающий только мелочи, выискивающий только факты биографии человека и не видящий великого труда писателя, собравший, казалось бы, все крохи, оставшиеся от жизненного пира какого-нибудь знаменитого человека, останавливается в недоумении перед рождением шедевра, перед подвигом ума, похожим на ослепительную вспышку никем не ожидаемого взрыва! До этого где-то под землей тлел бикфордов шнур, таился взведенный на боевую готовность взрыватель, но кто теперь по их обугленным остаткам, разлетевшимся, как брызги, восстановит всю историю этого события?

Разве мало мальчиков, родившихся на острове Фейдо, бродило в детстве по Кэ де ля Фосс, мечтало о море и дальних странствованиях, а затем уезжало в Париж изучать юриспруденцию! Но Жюлем Верном, мечтателем и путешественником в неизвестное, стал только один.

Биография писателя, художника, музыканта, ученого состоит из его произведений, его трудов. Но в эти решающие пять лет Жюль Верн не написал почти ничего и, во всяком случае, ничего, стоящего внимания. Тем не менее уже в эту эпоху его биография формируется не мелочами его парижского уединения, но событиями всего мира, так как он из легкомысленного столичного бульвардье уже превращается в человека, видящего сразу весь мир, во всех его звеньях.

Перед нами портрет Жюля Верна в тридцать лет. Он бесспорно красив — той красотой XIX века, что неотделима от длинных сюртуков, цветных жилетов, клетчатых панталон и касторовых шляп. Светлая пышная борода скрывает подбородок, но линия носа и особенно лба очерчена резко и мужественно, руки его, наоборот, женственны: с длинными тонкими пальцами. Он сидит в свободной позе, легко подперев голову рукой, взор его устремлен вдаль. Но и поза эта принадлежит его веку: так снимался Виктор Гюго, таким остался в нашей памяти Миклухо-Маклай. Напрасно мы будем искать в этом портрете, как, впрочем, и в биографии Жюля Верна, то неповторимое, что сделало его бессмертным.

Новая жизнь, собственно говоря, была продолжением прежней, так как Жюль Верн, женившись, не переменял привычек и даже квартиры. Две комнаты на самом верхнем этаже дома № 18 по бульвару Бон Нувелль, которые вот уже шесть лет он занимал вместе с Иньяром, стали семейной квартирой супругов Верн. Иньяр был выселен, но переехал всего лишь на другой этаж. Вслед за устройством жилища был раз навсегда заведен порядок, который Жюль Верн соблюдал с педантичностью, вероятно, восхитившей бы его отца.

Молодой «финансист» вставал в пять часов утра — и зимой и летом, завтракал небольшим количеством фруктов и чашкой шоколада и садился за письменный стол. В эти утренние часы он был только писателем, автором ненаписанного «романа о науке», и никакая посторонняя мысль не смела отвлекать его от любимого труда.

Онорина появлялась около восьми часов. Жюль слышал, как она хлопотала в крохотной кухне, и, наконец, в девять часов, как результат ее трудов, в маленькой столовой — она же рабочий кабинет — появлялся завтрак. И Жюль Верн садился за стол с приятным ощущением четырех рабочих часов за спиной.

Завтрак и тщательный туалет занимали почти час. Это было время отдыха, час веселой болтовни, обсуждение событий дня, о которых сообщали газеты, и рабочих планов. За несколько минут до десяти молодой писатель, успевший превратиться в финансиста, брал шляпу, чтобы с

последним ударом часов появиться на бирже.

Долгий день на бирже был полон отголосков событий, происходящих во всем мире. Не шум Парижа, а гул земного шара наполнял первое время сны Жюль Верна... или лишал его сна. В 1857 году во Франции и во всей Европе разразился экономический кризис, отразившийся на настроениях рабочих и ремесленников и совпавший с первыми успехами республиканской оппозиции. В том же году в Индии вспыхнуло восстание против английского владычества. На Дальнем Востоке началась опиумная война против Китая, которую Англия вела при поддержке Франции. Все эти события отражались на курсе ценных бумаг и оценивались в цифрах, как сила морских бурь определяется в баллах. Жюль Верн должен был следить за колебаниями ценных бумаг, всегда быть в курсе состояния любого иностранного казначейства, знать прибыли промышленности, железных дорог, торгового флота... Был ли Жюль Верн хорошим финансистом? Мы этого не знаем, но, во всяком случае, научиться на бирже он мог многому: он почти воочию видел бушующую жизнь не только Франции, но и всего мира.

Но и здесь, в суматохе и шуме биржи, существовал уголок, где можно было узнать последние литературные новости или просто перекинуться шуткой с приятелем. В краткие минуты отдыха несколько «эмигрантов из литературы и театра», как они себя называли, нашедших себе пристанище на бирже, собирались справа от колоннады. Часто сюда заглядывал Шарль Валлю, глава не слишком процветающего журнала «Семейный музей», где печатались первые рассказы Жюль Верна, и Филипп Жилль, секретарь Лирического театра. И, конечно, вождем этих сборищ был Жюль Верн.

Короткие вечера, которые Жюль всегда проводил дома, также были посвящены работе или чтению. Только воскресенья были неприкосновенными, и Жюль и Онорина проводили их в Зоологическом саду, в Аквариуме или, запасшись бутербродами и жареными каштанами, отправлялись на загородный пикник.

Новый 1858 год принес новые события: покушение Орсини на жизнь Наполеона III. Итальянский патриот, мстя за подавление революции в Италии, бросил бомбу под колеса кареты императора, когда тот подъезжал к театру. Наполеоновский министр внутренних дел генерал Эспинас в ответ на это разослал в каждый департамент «план»: сколько каждый префект должен арестовать человек по этому делу.

В том же году, в угоду крупным банкирам и промышленникам, а также в интересах военщины, жаждущей славы и доблести, император организовал жестокую экспедицию в Индо-Китай. Аннам и Кохинхина —

две провинции страны, которую мы сейчас именуем Вьетнам, — были завоеваны без всякого внешнего повода и причины: просто по праву завоевания. И, наконец, в Китае продолжала свирепствовать «опиумная война».

Опиум, страшный яд, медленно убивающий человека, лишая его памяти, способностей и энергии, был запрещен в Китае. Однако англичане, разведившие опиумный мак в Индии, навязали Китаю войну, добиваясь разрешения торговли этим смертельным наркотиком. В самом конце к этой войне присоединился Наполеон, мечтавший о легкой экспедиции в «варварские страны». В 1858 году англо-французский корпус вступил в Кантон.

Битва в Индии не затихала, — наоборот, она принимала ожесточенный характер. «За каждую разрушенную христианскую церковь — сравнять с землей сто индусских храмов, — писал лондонский «Таймс», — за каждого убитого европейца — предать мучительной казни тысячи повстанцев, не щадя стариков, женщин и детей...»

В апреле война вспыхнула в самой Европе: выдавая себя за друга угнетенных национальностей, Наполеон напал на Австрию с целью завладеть Италией.

Все лето биржу трясло, как в лихорадке, и Жюль Верну пришлось даже на время изменить свой распорядок дня, так как он иногда целыми ночами просиживал в конторе Эггли. Наконец наступил кризис болезни Европы, завершившийся миром, заключенным в Виллафранке. Одиннадцатого июня Жюль Верн неожиданно увидел себя совершенно свободным, по крайней мере, на месяц: зеленые жалюзи в доме № 72 по Прованской улице были закрыты наглухо, и дверь заперта на замок — на бирже царил мертвый штиль.

Детская мечта о путешествиях, казалось, уснувшая навсегда, последние годы почти не тревожила Жюля Верна, погруженного в тайны электричества, исследующего в воображении другие планеты солнечной системы, странствующего по всему миру, не выходя из своего кабинета. Но неожиданно судьба, так часто посылающая нам слишком запоздалое исполнение наших желаний, вновь разбудила в нем этот юношеский жар, тлеющий под остывшими углями.

Альфред Иньяр, агент пароходной компании в Сен-Назере, предложил своему брату Аристиду, а также Жюлю Верну, его неразлучному другу, бесплатное путешествие в Шотландию. Пароход компании должен был посетить Ливерпуль, Гебридские острова, надолго задержаться в Эдинбурге и на обратном пути взять груз в Лондоне. Плавание по трем морям и через

три пролива, вокруг всего Великобританского острова! Пожалуй, это стоило путешествия в Мексику, полета на аэростате или экспедиции в Арктику, совершенных в воображении и ставших темами его первых рассказов.

— А Онорина? — спросил Иньяр.

— О, она поймет!..

Верная жена, запев парижскую квартиру, отправилась в Амьен навестить своих дочерей, живших на попечении стариков де Виан, ее родителей, а друзья, словно летящие с попутным ветром, выехали на юг. Двадцать пятого июля Жюль Верн проездом побывал в Нанте. «Жюль был здесь, обезумевший от радости», — записала в дневнике его мать. И, — наконец-то! — он увидел открытое море, океан, и увидел не как мечту, встающую на горизонте, но с палубы настоящего корабля.

Бурное Бискайское море было по-летнему великолепным. Жюль больше половины времени проводил не на палубе, с пассажирами, а внизу, с командой. Он задавал офицерам и матросам один вопрос за другим. В какое время года бывают на Ла-Манше бури? Плавал ли кто-нибудь из экипажа в открытом океане? А в Арктике? Нападают ли киты на большие суда? Узнав, что одному седобородому матросу «посчастливилось» потерпеть кораблекрушение; Жюль весь день ходил за ним с карандашом и записной книжкой. Где это произошло? От какой причины погиб корабль? Каким образом людям удалось достигнуть земли? О чем думаешь, когда считаешь себя погибшим?

Шотландия, страна Оссиана и Вальтера Скотта... Казалось бы, Жюль Верн должен был чувствовать себя как поэт, попавший на родину своей мечты.

Однако Иньяр был очень удивлен, когда увидел, что его друг интересуется не средневековыми замками и старинными легендами, а угольными и железорудными копями Ланарка и ткацкими фабриками Глазго. На обратном пути они несколько дней пробыли в Лондоне. Записная книжка Жюля была переполнена заметками и очерками. Больше всего его поразили верфи Темзы и строящийся там корабль «Грейт Истерн» — величайшее судно мира. «Когда-нибудь я совершу путешествие на нем», — написал он жене.

Никогда еще Жюлю Верну не работалось так хорошо, как в ту осень. После небольшого перерыва он снова начал писать. Правда, это были безделушки, которым он сам не придавал большого значения. Шутя, он сам подчеркивал два пути, по которым одновременно шло его творчество. В своем «кабинете» он поставил секретер с двумя ящиками: один «для

ученых трудов», другой — «для комедий». За зиму в одном ящике появилось две статьи: очерк о творчестве Эдгара По и заметки об аэростатах. В другой ящик Жюль Верн положил оперетту «Гостиница в Арденнах», написанную совместно с неизменным Иньяром, и фарс «Мсье Шимпанзе».

После пяти лет перерыва Жюль Верн снова возвращался к литературе — так, по крайней мере, думали его друзья, — и это было почти событием в том маленьком литературно-театральном мире, центр которого составляли «одиннадцать холостяков». Исчезновение и неожиданное возвращение сделали Жюля Верна модным, превратили его едва ли не в литературного мэтра. Карвальо, директор Лирического театра, требовал новой оперетты Верна и Иньяра. «Буфф» и «Водевиль» засылали к колоннаде биржи своих представителей. И в 1860 году Жюль Верн должен был, кроме основных своих занятий — биржи, науки и литературы, — успевать еще на репетиции своих пьес, которые ставились почти одновременно: «Гостиница» в Лирическом театре и «Шимпанзе» в «Буффе», где оркестром дирижировал молодой и популярный музыкант Жак Оффенбах. Для старых друзей, веривших в Верна-драматурга, это лето было его торжеством.

Осенью, буквально в несколько дней, Жюль Верн вместе с Шарлем Валлю написал комедию «Одиннадцать дней осады». Это была последняя юношеская пьеса Жюля Верна, и поэтому можно подвести итоги и сказать откровенно: она была столь же бледной, лишенной характеров и исполненной общих мест, как и все его драматические произведения... и так же нравилась «одиннадцати холостякам», и так же к ней был равнодушен ее автор.

Он имел право быть равнодушным: именно к этому времени окончательно сформировались идея и план его «романа о науке». Пятилетний курс его последнего ученичества был завершен.

Он перечитывал Эдгара По, идеи которого так часто совпадали с его собственными, особенно его «Утку о баллоне», которая пятнадцать лет назад взволновала всю Европу, попавшую в плен к безукоризненному рассказчику и всерьез поверившую, что трансатлантический перелет на воздушном шаре действительно совершен. «Я не рассчитываю отчалить на моем баллоне в ближайшие месяцы, — писал Жюль Верн отцу в феврале 1861 года. — Этот аэростат еще должен быть снабжен безупречными механизмами...»

Он был в расцвете сил, но не торопился выступать со своим первым настоящим романом. Мир вокруг него также был в расцвете, и казалось,

что прогресс и дальше будет вести человечество к счастью и свободе (именно такова была фразеология XIX века, и тогда эти слова казались почти огненными). Италия была объединена и освобождена от иноземного ига, в России было отменено крепостное право, в Соединенных Штатах началась война за освобождение черных невольников. Во Франции Наполеон объявил о новой эре «либеральной империи». Чтобы ослабить нарастающее недовольство, он пошел на некоторые уступки либеральной оппозиции. Он заигрывал с рабочими, пропагандировал «союз» между рабочим классом и правительством, обещая изыскать средства для разрешения социальных вопросов, и даже послал делегацию французских рабочих на международную выставку в Лондоне. Все это наполняло сердца всех прекраснодушных либералов энтузиазмом. Лемуар сконструировал первый двигатель, действующий сжатым воздухом: появилась первая, практически применимая динамомашинка «Альянс», что было преддверием грядущего века электричества, и, наконец, Фердинанд Лессепс приступил к сооружению Суэцкого канала — величайшего инженерного сооружения XIX века.

Премьера комедии «Одиннадцать дней осады» состоялась в театре «Водевиль» 1 июня 1861 года. Тотчас же после нее Жюль Верн выехал в Прованс, где собралась вся большая семья Вернов, чтобы провести там лето, но его отдых был нарушен письмом Иньяра.

Новое предложение его старшего брата Альфреда было еще более соблазнительным. Правда, на этот раз агент не мог устроить Аристида и его друга на пассажирское судно, но маленький угольщик, на котором была одна незанятая каюта, отправлялся в плавание на целых три месяца. Он должен был посетить множество мелких портов Норвегии, Швеции и Дании.

Скандинавские страны всегда привлекали Жюля Верна. Он любил читать о плаваниях норманнов, побывавших в Северной Америке за пять столетий до Колумба, интересовался географией севера, мечтал о плавании к Северному полюсу. И, несмотря на то, что Онорина ждала ребенка, он принял заманчивое предложение.

15 июня маленькое суденышко, казалось, до самых мачт нагруженное углем, отплыло из Сен-Назера. Как зачарованные, друзья любовались берегами Скандинавии, изрезанными глубокими фиордами, восхищались холодными островами, омываемыми печальным морем. Невольно в воображении вставала Исландия, остров огня и льда, родина первых открывателей Америки... Подножья гор, выбегающих к самому берегу, были подернуты мягкой дымкой зелени, потемнее там, где сосны и ели, и

серовато-зеленой там, где березы. Дома каждой деревни были выкрашены в какую-нибудь одну краску: зеленую, розовую, желтую, яркокрасную. Крыши из березовой дранки, проложенной дерном, цвели, как крошечные луга... Это был Телемарк — захолустье Норвегии, но для Жюль Верна этот край был как бы всем миром, увиденным через «беконовский кристалл» — волшебное стекло средневековых алхимиков, — сквозь который можно видеть одновременно все края света. Здесь были горы и глетчеры, как в Швейцарии, грандиозные водопады, как в Америке; крестьяне были одеты в национальные костюмы былых веков, совсем как в Голландии... И, главное, как бы ни мелькали эти пестрые картины, всегда неизменным оставалось море, которое гудело, и ревело, и лизало борта корабля...

Но закончить это путешествие Жюлю Верну не удалось. В Копенгагене друзья расстались: Иньяр, работавший в это время над оперой «Гамлет», отправился осматривать Эльсинор, легендарный замок датских королей, а Жюль на пассажирском пакетботе возвратился во Францию.

3 августа 1861 года у Онорины родился сын, получивший имя Мишель Жюль. Ему суждено было остаться единственным ребенком Жюль Верна.

Отец! Глава семьи! Неужели он не думал о своих новых обязанностях, о новой квартире, о дополнительном заработке? Нет, пристанище на бульваре Бон Нувелль, где он обитал больше десяти лет, вполне его устраивало. А деньги? Он не искал их, он даже отказывался от театральных заказов: ни одной новой пьесы не появлялось больше в ящике его стола, предназначенном для «безделок». Зато лист за листом ложились в другой ящик. Это был «роман о науке», созревавший так долго. Аэростат уже был оборудован совершенными механизмами и готовился к отлету.

Конечно, нет ничего удивительного в том, что именно в эту зиму в маленькой квартирке время от времени появлялись новые люди. Чаще всего они пролетали сквозь крохотную столовую, как метеоры, но иногда они оседали в ней более прочно, словно путешественники, осматривающие какой-либо пункт, отмеченный в путеводителе Кука тремя крестиками. Особенно запомнились Онорине двое. Альфред де Бреа, бретонец, земляк Жюль Верна, утопая в облаках дыма, любил пространно разглагольствовать об Индии, где он прожил несколько лет. Другой имел несколько имен и, казалось, несколько лиц. Когда он появлялся в доме на бульваре Бон Нувелль, то казалось, что в маленьких комнатках бушует ветер. Его жизнь была еще более необычайной, чем его неправдоподобные рассказы. О нем стоило написать книгу или сделать его героем романа. Его настоящим именем было Феликс Турнашон, но весь Париж знал его под именем Надара.

Его большая голова с целой копной рыжих волос напоминала львиную... или голову Александра Дюма. Широкое лицо со щетинистыми усами и пучками рыжих волос, с круглыми с фосфорическим блеском глазами довершало его сходство с хищником кошачьей породы — ягуаром или леопардом. Высокий, умный лоб весь был изборожден морщинами, что говорило о постоянной напряженной работе мысли. Бывший секретарь Лессепа, талантливый художник-карикатурист, прославленный фотограф, превративший новорожденную фотографию в подлинное искусство, он готов был бросить любое дело, чтобы очертя голову ринуться на поиски необычайного, фантазия у него работала непрерывно, увлекая его в самые отчаянные предприятия. Он смотрел на все особенными глазами, видел все в особенном, фантастическом свете. Жажда деятельности была в нем неутомимой, так как он не мог, да и не хотел укладываться в рамки обыденной жизни.

В этот год Надар увлекался аэронавтикой, мечтал о воздушном шаре, состоящем из двух баллонов, помещенных один в другой, шаре-гиганте, объемом в двести тысяч кубических футов. В этот год Жюль Верн заканчивал свой роман, задуманный уже давно «роман о науке», героем которого был шар-гигант, состоящий из двух баллонов, находящихся один в другом, и с удивительным приспособлением, составляющим секрет автора... Знакомился ли Надар с рукописью Жюль Верна? Мы не знаем этого. Но бесспорно, что между кабинетиком писателя в доме на бульваре Бон Нувелль и квартирой авиатора на улице Дофина существовала тесная связь.

Бреа или Надар — кто, точно не установлено, об этом до сих пор спорят биографы, — познакомил Жюль Верна с Жюлем Этсель.

В полете

Был ясный октябрьский полдень 1862 года, когда Жюль Верн, прижимая к себе рукопись, позвонил у подъезда старинного дома № 18 по улице Жакоб. Рослый слуга отворил дверь.

— Мсье Этсель ждет вас, — лаконично сообщил он.

Лестница, ведущая на второй этаж, казалась бесконечной. Беззвучно раскрылась и захлопнулась массивная дверь. Ощущение покоя охватило посетителя: тусклый свет едва струился сквозь плотно закрытые жалюзи, тишина казалась почти ощутимой. В полумраке он едва разглядел тяжелые кресла из резного Дуба, темные ковры по стенам, мощные балки, заменяющие потолок...

— Простите, что я не встаю.

Жюль обернулся. На низкой кровати, под огромным балдахином лежал немолодой уже человек с длинными волосами, откинутыми назад, и необыкновенно блестящими глазами.

— Пьер Жюль Этсель, — сказал человек, протягивая руку. — Народ требует, чтобы я бодрствовал по ночам, выпуская газету, так что мне приходится красть эти несколько утренних часов, чтобы прочитать новые рукописи.

Он взял сверток, который Жюль Верн протянул ему дрожащей рукой. Затем наступило молчание.

Такова была встреча, которую иные биографы склонны называть «исторической», встреча двух людей, имена которых остались в литературе навеки связанными.

Этсель не был обыкновенным издателем. «Издатель-художник», — говорили про него. Он был старше Жюль Верна на четырнадцать лет и еще до 1848 года успел побывать журналистом, писателем и издателем иллюстрированных книг. Смелый человек, с горячим темпераментом, он очень рано примкнул к республиканцам и после февральской революции, неожиданно для себя самого, оказался политическим деятелем. Во временном правительстве он занимал посты начальника канцелярии министра иностранных дел, позже — канцелярии морского министра, и, наконец, генерального секретаря кабинета. Избрание принца Луи Наполеона президентом лишило его должности, государственный переворот Наполеона лишил родины: ему пришлось бежать за границу.

Апрельская амнистия 1859 года застала Этселя в Брюсселе. «Я вернусь только вместе со свободой», — ответил на наполеоновскую амнистию Виктор Гюго. К писателю-трибуну присоединились Эдгар Кине, Луи Блан, Барбес. Но Этсель вернулся.

Теперь он был увлечен грандиозными издательскими проектами. Он затевал большой журнал для семейного чтения и две серии книг под общим названием «Библиотека просвещения и отдыха». Но пока все это существовало лишь в его воображении. Единственным автором, на которого он мог вполне положиться, был П. Л. Сталь.

Имя Сталь было хорошо известно Жюлю Верну. Прекрасный рассказчик, Сталь, к сожалению, был лишен воображения. Поэтому лучше всего ему давались пересказы и переделки чужих вещей. Его переделка детской книги «Серебряные коньки» была гораздо больше известна, чем сам оригинальный роман Мэри Додж. И такими же знаменитыми книгами для детей под его пером стали «Четыре дочери доктора Марш» Луизы Олькотт и «Семейство Честер» Чарльза Юза. «Приключения мальчика-с-пальчик», «История осла», «Маруся», «Новый швейцарский Робинзон» — все эти книги были хорошо известны Жюлю Верну. Поэтому с некоторым изумлением он узнал от Надара и Бреа, что П. Л. Сталь лишь псевдоним и что настоящее имя писателя Пьер Жюль Этсель.

«Публика хочет, чтобы ее занимали, а не обучали», — это изречение Этселя все, что сохранилось для потомства от достопамятной беседы. Бесспорно, этого слишком недостаточно, для того чтобы восстановить

разговор целиком. Тем не менее такие попытки делались, а выводы, извлеченные из этой гипотетической беседы, легли в основу одной из легенд «жюльверновского цикла».

Достоверно известно, что Жюль Верн покинул дом на рю Жакоб с той же рукописью, которую принес. Не менее точно установлено, что ровно через две недели писатель снова появился в старом особняке издателя тоже с рукописью подмышкой. Остается только уточнить: были ли эти манускрипты идентичны или нет.

«Жюль Верн принес в свое первое посещение лишь популярную брошюру о воздушных шарах, — гласит легенда. — Но гениальный Этсель возвратил ее писателю, сопроводив это действие вышеприведенной исторической фразой. И что же! ровно через две недели Жюль Верн, переработав свою рукопись в роман, снова появился в кабинете (вернее, спальне) издателя.

Таким образом не столько Жюль Верн создал новый жанр, сколько Этсель создал Жюля Верна».

Стоит ли опровергать эту легенду? Поистине недостаточно быть Шерлоком Холмсом, для того чтобы из столь малых данных сделать столь далеко идущие выводы: здесь скорее нужно воображение Тартарена или Мюнхгаузена. А двенадцать лет, затраченных Жюлем Верном на подготовку к этой работе? А его мечты о «научном романе»? А его переписка, наконец, переписка, в которой мы сквозь кипящую пену шуток и остроумия можем смутно рассмотреть отдельные крупинки-намеки на его литературные планы?

Так или иначе, но рукопись под названием «Путешествие в баллоне» была в руках Этселя. Тонкий ценитель сразу понял достоинства романа и сделал из этого самый смелый, самый удивительный вывод: он предложил Жюлю Верну длительный контракт.

Два тома в год: два однотомных романа или один двухтомный — таковы были обязательства писателя. Издатель брал на себя обязанность издавать книги и целиком получать всю чистую прибыль. За указанную выше работу издатель обязывался уплачивать автору двадцать тысяч франков в год. Срок действия договора двадцать лет.

Риск издателя был велик: никто не знал Жюля Верна как романиста, а для нового журнала нужен был писатель «первого ранга», как определил сам Этсель. И тем не менее он решился.

Писатель же был ошеломлен. Двадцать тысяч франков! Двадцать лет спокойной жизни! Дом для семьи и отдельный кабинет для себя! Летний отдых в Шантеней! И все это лишь за то право писать, за которое он так

много лет платил бессонными ночами, жизнью впроголодь, удобствами семьи...

Вероятно, он имел странный вид, когда появился в тот день на бирже. Но еще более странной была та маленькая речь, с которой он обратился к своим друзьям. Стоит привести ее дословно — точнее, как она сохранилась в памяти его друга Дюкенеля:

«Дети мои, я вас покидаю, у меня есть идея. У всякого человека, по мнению Жирардена, идеи рождаются каждый день, но моя идея — одна на всю жизнь, идея, которая сама по себе является счастьем. Я написал роман нового жанра, удовлетворяющий меня. Если он будет иметь успех, он станет жилой в золотой копи. Тогда я буду не переставая писать, писать без усталости, между тем как вы будете оплачивать наличными бумаги накануне их понижения и продавать их накануне, повышения. Я бросаю биржу. Добрый день, дети мои!»

Шутливый тон, биржевой жаргон — все это очень характерно для молодого Жюль Верна. Молодого... Увы, ему уже почти исполнилось тридцать пять лет, но у него все было в будущем... в близком будущем, впрочем.

Этсель не был только издателем-художником. Он был также превосходным дельцом. Прошло всего лишь немногим больше месяца, после того как он получил рукопись, а первый роман Жюль Верна был уже напечатан и переплетен. Талантливый художник Риу сделал к книге 80 иллюстраций. И 1 января 1863 года, как новогодний подарок, роман «Пять недель на воздушном шаре» появился на прилавках книжных магазинов Парижа и провинции.

Первое впечатление читающей Франции было изумление, о котором мы можем составить только очень смутное представление, успех? Да, это был настоящий успех и даже нечто большее, не похожее на удачу обычного литературного произведения.

Дело в том, что в этой книге Жюль Верн напал на тему, волнующую весь читающий мир, вернее, на две темы: в своем романе писатель смело объединил и облек в художественную форму две научные проблемы: управляемое воздухоплавание и исследование Центральной Африки.

Серьезным тоном Жюль Верн рассказал читателям о том, что втайне ото всех Лондонским географическим обществом была организована воздушная экспедиция на управляемом аэростате «Виктория», под руководством доктора Фергюсона, которая проникла в неисследованные районы Африки, открыла таинственные истоки Нила и, пересекши весь материк, достигла Атлантического океана.

В те годы таинственная пелена, многие тысячелетия покрывавшая Черную Африку, казалось, начала рассеиваться. Одна за другой отправлялись научные экспедиции, стремящиеся, преодолев пустыни, тропические леса с хищными зверями, проникнуть в сердце Черного материка, где находились никому неведомые истоки Нила.

Многоводный Нил был колыбелью одной из величайших цивилизаций древности. Но его истоки терялись далеко на юге, куда не могли проникнуть египтяне. И вопрос о том, откуда Нил берет свои воды, оставался в течение нескольких тысячелетий предметом бесплодных размышлений и туманных догадок.

Древнегреческий историк Геродот, который в V веке до нашей эры поднимался вверх по Нилу до его первых порогов, считал, что Нил начинается далеко на западе, где-то в области озера Чад. Александрийский ученый Эратосфен, через два века после Геродота, рассказывал о двух озерах близ экватора, питающих великую реку. Спустя еще два столетия Птолемей приводил рассказ о том, что воды Нила вытекают из озера, лежащего на западе, что они двадцать пять дней текут под землей и выходят на поверхность только в Египте. Арабы, завладевшие в средние века всей Северной Африкой, утверждали, что Нил падает с неба, «истоки его — в раю»...

Во второй половине XIX века европейцы начали «открытие Африки»: развивалась европейская промышленность, и нужны были новые рынки и новые источники сырья. Если на первую половину столетия падают всего 21 путешествие европейцев по Африке, то во вторую половину состоялось 202 экспедиции. В неисследованную и никем еще не завоеванную часть света устремились колонизаторы, торговцы, миссионеры, авантюристы, но среди путешественников были и настоящие ученые, бескорыстно преданные интересам науки.

В 1849 —!§ 54 годах к истокам Нила пытался проникнуть доктор Генрих Барт, первый настоящий ученый, посетивший дебри Африки. Он шел с севера. С юга, навстречу ему, в 1852 году вышел доктор Давид Ливингстон. С востока, имея опорной базой Занзибар, в 1857 году отправилась экспедиция Лондонского географического общества, во главе которой стояли Ричард Бартон и Джон Спик. На скрещении путей этих трех экспедиций лежала неведомая страна, где не бывал ни один европеец, сердце Африки с таинственными истоками Нила. Но ни одной экспедиции не удалось достигнуть желанной цели — трудности были слишком велики: спутники Барта умерли в пути, а сам он едва не был убит враждебными туземцами; силы Ливингстона истощили тропическая лихорадка и цынга,

Бартон и Спик страдали от голода, жажды и едва не ослепли от болезни глаз.

Доктор Фергюсон, герой Жюль Верна, вместе с двумя спутниками совершил за несколько недель то, на что его реальным предшественникам требовалось много лет мучительного труда. Его экспедиция отправилась из Занзибара 18 апреля 1862 года, 23 апреля была у истоков Нила, а 24 мая, пересекши всю Африку, достигла французских владений на реке Сенегал.

Это, конечно, была фантастика, но не уводящая читателя в отдаленное будущее или другие планеты, а фантастика научная, реалистическая мечта того самого дня, когда вышла в свет книга «Пять недель на воздушном шаре».

В описании Африки Жюль Верн следовал запискам путешественников по Африке, в описании воздушного шара «Виктория» и его эволюции — истории воздухоплавания, которую хорошо знал.

Удивительное путешествие оказалось возможным благодаря управляемому воздушному шару — фантастическому изобретению доктора Фергюсона. Мечта писателя воплотилась в жизнь через два десятилетия, когда появились первые управляемые воздушные корабли — дирижабли, могущие летать против ветра.

В годы, когда писался роман Жюль Верна, внимание Франции было приковано к воздухоплаванию. Изобретатель Гюйтон Морво предложил особые весла и руль для управления воздушными шарами; Петен для той же цели — четыре шара, соединенные воедино и снабженные горизонтальными парусами; Анри Жиффар еще в 1852 году показывал парижанам свой «летающий пароход» — продолговатый аэростат с длинной гондолой, снабженный паровой машиной. Но увы! Ни один аэронавт не мог справиться с ветром. Поэтому, вместо того чтобы бороться с ним, появилась мысль использовать ветер: поднимаясь и опускаясь, отыскивать в разных слоях атмосферы воздушные потоки нужного направления.

Но как заставить шар подниматься и опускаться, не расходуя газ и не тратя балласт? Менье стремился достигнуть этого, накачивая в оболочку шара сжатый воздух; Ван-Гекке проектировал вертикальные крылья и винты. Но все было безуспешным, решить эту задачу (лишь в литературном произведении, конечно), удалось только Жюлю Верну.

Идея его температурного управления воздушным шаром, подробно описанная в романе, чрезвычайно проста и технически совершенно правильна, за исключением лишь одной «мелочи»: разложение воды в нужном количестве потребовало бы таких огромных батарей, которые шар

не смог бы поднять в воздух.

Об этом, конечно, хорошо знал сам Жюль Верн. Но это смелое допущение ему было нужно для того, чтобы его мечта стала реальностью хотя бы на страницах романа. А то, что мечта эта имела огромную силу, говорит биография К. Э. Циолковского, который, как он сам признавался, заимствовал у Жюль Верна идею температурного управления и применил ее для своего цельнометаллического дирижабля, но конечно, на базе совсем другой техники — техники XX века.

Как использовал писатель историю воздухоплавания, говорит хотя бы такой пример. Аэронавты Бланшар и Джефрис, первыми перелетевшие в 1785 году из Дувра в Кале, плохо рассчитали подъемную силу своего шара. Поэтому, уже находясь над морем, они побросали вниз не только балласт, но и инструменты, провизию и даже одежду.

— Бланшар, — сказал Джефрис, когда и этого оказалось недостаточно, — вам следовало одному совершить этот полет. Вы согласились взять меня, и я пожертвую собой: я брошусь в воду, и облегченный шар опять поднимется!

— Нет, нет, это ужасно!

— Прощайте, друг мой! — сказал доктор Джефрис.

Бланшар удержал его.

— Нам осталось еще одно средство, — сказал он. — Мы можем перерезать веревки, на которых укреплен корзина, и ухватиться за сетку. Может быть, тогда шар поднимется...

Эту сцену мы почти дословно встречаем в романе.

За исключением фантастической горелки Жюль Верн в остальном почти не уклонялся от реальной действительности того времени. «Виктория» объемом в 3 300 кубических метров даже меньше, чем «Гигант» объемом в 6 000 кубических метров, который строил в то время Надар.

Основываясь преимущественно на рассказах европейских путешественников, Жюль Верн сильно преувеличил дикость и воинственность многих африканских племен. Местное население недружелюбно встречало только таких чужеземцев, в которых видело своих врагов. И не случайно был убит «бешеный белый путешественник» Мунго Парк: он был так свиреп, что жители берегов Нигера пятьдесят лет после его смерти с ужасом вспоминали о его злодеяниях. С другой стороны, негры боготворили доктора Ливингстона, который всю свою жизнь положил на борьбу с работорговлей. Жюль Верн позже, ближе познакомившись с биографией Ливингстона, в романе «Пятнадцатилетний

капитан» выступил со страстной защитой туземного населения и с обвинением европейских держав в организации африканской работорговли.

Географическая фантастика Жюль Верна обогнала реальную жизнь лишь на один год. В 1863 году Спик и Грант, вышедшие из Занзибара в конце 1860 года, достигли того места, где Нил вытекает из озера Виктория, образуя ряд водопадов, — совсем так, как это описано в романе. Однако позже выяснилось, что это не настоящие истоки Нила; подлинной родоначальницей великой реки оказалась речка Катера, открытая и исследованная Генри Стенли в 1875 году.

Окончательно проблему водораздела главных африканских рек — Нила, Конго и Нигера — решил русский путешественник В. В. Юнкер, пробывший в Восточном Судане, над которым пролетели герои Жюль Верна, в общей сложности десять лет — с 1875 года, когда он отправился в свою первую экспедицию, и кончая 1887 годом, когда он прибыл в Петербург, где его давно считали погибшим.

Жюль Верн сумел буквально загипнотизировать своих читателей, заставив их поверить в свою мечту. И не случайно многие верили в реальность этого фантастического путешествия и в существование доктора Фергюсона. Под волшебным пером романиста карта Африки оживала в глазах у читателей, а подробности ее исследования, казавшиеся в подлинных записках африканских путешественников такими скучными, оказались увлекательнейшими главами романа. Нужно было поистине удивительное сочетание фантазии и трудолюбия, чтобы переварить огромный материал, собранный писателем, превратить все эти отдельные детали в однородный сплав.

Но если успеху романа в момент его появления способствовала злободневность, то в чем тайна его успеха в наши дни, почти через столетие, когда Африка изрезана железными и автомобильными дорогами и воздушные линии связывают между собой Занзибар и Сенегал — начальный и конечный пункты путешествия «Виктории»?

Успех этот не только успех одной книги, но победа созданного ее автором нового литературного жанра. Впервые в литературе Жюль Верн сумел технические и научные проблемы сделать не только фоном или деталью, но основным материалом и темой произведения. Это торжество новых героев, впервые введенных в литературу Жюлем Верном.

Когда Жюль Верн излагал в первой главе биографию доктора Фергюсона, своего героя, то он — сознательно или бессознательно — сравнивал ее с историей своей жизни, «рано пристрастился он к чтению книг о смелых похождениях и изысканиях. Со страстью изучал он

открытия, ознаменовавшие первую половину XIX века. Он мечтал о славе Мунго Парка, Брюса, Каллье, Левальсена и, наверное, не мог немного не помечтать о славе Робинзона Крузо, рисовавшейся ему не менее заманчивой. Сколько чудесных часов провел мальчик с Робинзоном на его острове Хуан фернандес!..» Все это можно было сказать не только о герое романа, но и об авторе. Но «Самюэлю было двадцать два года, и он уже успел совершить кругосветное плавание. После смерти отца он поступил на службу в бенгальский инженерный корпус и отличился в нескольких сражениях». В эти годы Жюль Верн был лишь автором «Сломанных соломинок», — слабой комедии в стихах. Службе Верна в театре соответствует участие Фергюсона в арктической экспедиции Мак К्लюра, работе в конторе у Фернана Эггли — экспедиция в Тибет, вместе с братьями Шлагинвейт.

Все эти экспедиции были для Фергюсона лишь годами ученичества. Ему было тридцать пять лет, когда он, ставши «настоящим типом путешественника», предпринял полет на «Виктории».

Но что означают слова «тип настоящего путешественника»? Всем романом Жюль Верн отвечает на этот вопрос. Доктор Фергюсон не купец, не миссионер, не завоеватель и не колонизатор. Он путешественник-ученый. Он один из тех бескорыстных героев, что проложили человечеству дороги в суровые неисследованные страны. «Мы не за тем сюда отправились», — просто отвечает он на предложения своих спутников нагрузить воздушный корабль слоновой костью и золотом.

И читатели полюбили доктора Фергюсона за великое изобретение, открывающее перед человечеством новую эру, за смелую мечту, за бескорыстную преданность науке, которая, по мнению Жюля Верна, разрешит в будущем все социальные противоречия и даст людям свободу и изобилие. И образ Фергюсона потому и покорял сердца читателей, что он был первой — пусть робкой — попыткой воплотить черты человека завтрашнего дня...

Ну, а «Гигант», воздушный шар Надара, двойник или близнец «Виктории», — какова была его судьба?

Сходство между аэростатами было так велико, что в умах парижан разница давно стерлась. И когда 4 октября 1863 года «король аэростатов» поднялся в воздух, многие зрители дружно кричали: «Да здравствует доктор Фергюсон!» В числе многочисленных пассажиров, разместившихся в двухэтажной корзине «Гиганта», зеваки заметили негра. Почему негр? Для многих журналистов это было непонятно, но зеваки, присутствующие на старте, приветствовали чернокожего пассажира, как представителя

Черного материка, столь же дружным «ура».

Первый полет был неудачным: аэростат совершил вынужденную посадку в Мо. Только в третий полет «Гигант» совершил огромный прыжок в Ганновер. Существует легенда, ни на чем не основанная, что во время третьего полета в числе пассажиров воздушного корабля Надара был и Жюль Верн.

В те дни, когда воздушный шар «Виктория» и роман о нем завоевывали мир, Жюлю Верну, как и его герою, только что исполнилось тридцать пять лет — как раз середина жизни, по мнению Данте: именно в этом возрасте, в день своего рождения, великий флорентинец отправился в свое путешествие по девяти кругам Ада. Но для французского писателя этот день был только утром новой жизни.

В полете! Это необыкновенное ощущение стремительного движения не оставляли Жюля Верна весь год. В середине зимы его юная слава перешагнула границы Франции: с далекого севера пришла весть, что Жюль Верн стал и русским писателем. Очень бережно писатель поставил на полку маленький томик, напечатанный буквами непривычного рисунка. Титул книги гласил:

«Воздушное путешествие через Африку. Составлено по запискам доктора Фергюсона Жюлем Верн. Перевод с французского. Издание А. Головачева. Москва, 1864 год. Цена один рубль».

Французский карикатурист был вправе изобразить Жюля Верна в полете: стоящим на катящемся по воздуху крылатом колесе, рядом с фортуной, богиней счастья, осыпающей своего любимца дарами из рога изобилия!

Биография жанра

Биография человека отступает на второй план, и ее заменяет биография писателя, когда из-под его пера появляются произведения, его пережившие, — те, ради которых, собственно говоря, и пишется история его жизни. Таким переломным моментом в биографии Жюль Верна является выход в свет первой книги из серии «Необыкновенные путешествия». Для читателей книги о Жюле Верне наступает момент, когда можно не принимать на веру обобщений и выводов автора, опирающихся на малоизвестные факты, но должно самому стать прокурором и судьей. Теперь Жюль Верн уже не человек в маске, про которого можно сочинить любую романтическую историю, но автор многих книг, — а их можно читать и перечитывать, сличать и анализировать. Теперь наступил момент нарисовать тот фон, на который для его современников проектировались его романы, нанести сетку широт и долгот на то небо, где вспыхнула его звезда.

Научная фантастика! Каким привычным стал ныне для нас этот термин и сколь разное содержание вкладывают в него спорщики, ибо ни для кого не секрет, что всякий разговор об этом жанре немедленно же превращается в яростный спор. Для одних научная фантастика — это

сказка, она существовала всегда (здесь следует лишь оговорка, что это «всегда» нужно понимать фигурально, сиречь с того времени, как обезьяна уже очеловечилась) и будет существовать до тех пор, пока человек будет мечтать. Для других она лишь болезненное порождение каменной, железной, бензинной, механической страны, где единственная плодородная почва — асфальт, где высятся густые дебри фабричных труб, между которыми рыскают звери лишь одной породы — автомобили, окутанные весенним благоуханием бензина. И естественно, что в нашем веке должны были вырасти свои железные, автомобильные лешие, свои механические, химические сказки. Но и в том и в другом случае образы этой литературы лишь свободный вымысел художника или даже предпочтительнее Художника с прописной буквы, который, как Иегова в библии, творит для себя свой особенный мир, со своими, особенными законами, творит по своему образу и подобию. А так как настоящего художника никогда не уложить в уже созданный семидневный, отвердевший мир, соглашаются защитники обеих точек зрения, то нам остается лишь восхищаться им и... все. Точка.

Существует и еще точка зрения, пожалуй, наиболее распространенная, что научная фантастика — лишь одна из разновидностей литературы научно-популярной. После этого утверждения (или молчаливого положения) слово «литература» выносится за скобки и яростные споры завязываются около какой-либо частной научной или технической проблемы, фигурирующей в обсуждаемом произведении. В этих случаях само произведение остается в стороне, а его замысел, герои, сюжет, стиль оказываются оттесненными в область «приемов популяризации» или способов «оживления материала».

Что же это за удивительный жанр, который никак не определен, не имеет видимых границ и единственным представителем коего является Жюль Верн? (Это единственная фигура, на которой сходятся все исследователи, любой же другой писатель может быть отведен по тем или иным мотивам.) Попробуем обратиться к истокам этого жанра и отыскать таинственную причину столь прискорбного расхождения современных литературоведов.

Утопическая литература — вот что сразу приходит на ум. Ведь авторы утопических произведений трактовали о будущем, и, естественно, именно здесь нужно искать первоисточники современной научной фантастики.

Но во всех классических утопиях — для придирчивых читателей с эрудицией приведу список десяти наиболее значительных; Платон — «республика», Томас Мор — «утопия», Ленгленд — «Виденье Петра

Пахаря», Кампанелла — «Город Солнца», Гаррингтон — «Оцеана», Мелье — «Завещание», Морелли — «Базилиада, или плавающие острова», Кабе — «Путешествие в Икарию», Беллами — «Взгляд назад» («Через сто лет»), Моррис — «Вести Ниоткуда»; во всех этих произведениях нет даже намека на развитие каких-либо научных или технических идей. И если мы немного поразмыслим, то это станет нам ясным и покажется логически необходимым: ведь все эти писатели утверждали возможность осуществления идеального строя именно в свое время, при существующих технических средствах и производственных отношениях.

Потянем за эту путеводную нить. Идея нового, положенная в основу произведения, — вот, пожалуй, наиболее общее определение сущности научной фантастики, так сказать, ее сердце. И нового не любого, не только необыкновенного, но вырастающего из существующего органически, путем развития уже существующих прогрессивных тенденций в любой области — науке, технике, быте — и, в конечном счете, в области социальных отношений.

Но идея прогресса была очень смутной в эпоху античности и совершенно чужда средневековью. Вот почему вся фантастика (без приставки «научная») эпох до Возрождения носит не прогрессивный, научный, но сказочный характер.

О древневосточной и античной фантастике можно было бы написать неплохую книгу, но, к сожалению, даже отдельной главы на эту тему не выдержит книга о Жюле Верне — в ней не найдется для нее места. Поэтому просто упомянем о египетской, вавилонской и сирийской мифологии, сошлемся на греческие мифы, хотя бы на всемирно известный рассказ об Икаре, и перечислим бегло наиболее интересные произведения греческой литературы: платоновская сказка об Атлантиде («Тимей», «Критий»), до сих пор не дающая спать многим писателям на Западе, «Киропедия» Ксенофонта, переполненная чудесами, «Меропия» Феопомпа, «Страна гипербореев» Гекатея Абдерского, Евгемер с его романом «Священное писание», «Остров великанов» Ямбулоса, «Истинное повествование» Лукиана Самосского (о нем будет случай позже рассказать подробнее), повесть Мениппа о корабле, унесенном ветром... — все это волшебные сказки детства человечества. А описанные в них страны чудес — создания природы и богов, но никак не плоды человеческого гения и труда.

Темные средние века, с их господством веры над разумом, еще меньше могли стать колыбелью научной фантастики. Для этой эпохи пределом человеческого воображения является путешествие паломника на небо...

пешком. А рыцарские романы, с их волшебниками и великанами, относятся уже к другому генетическому ряду, имеющему свои истоки в греческом разбойничьем романе и по нисходящей линии идущему к современному приключенческому роману (экзотическому, морскому) и к детективному рассказу.

И вот, наконец, Возрождение с его научной литературой, полной веры в могущество человеческого разума (Коперник, Кардан, Стевин, Тихо де Браге, Галилей, Джордано Бруно, Кеплер), с его литературой путешествий, где фантастический вымысел еще неотделим от точных географических и этнографических сведений (Колумб, Америго Веспуччи, Торн, Никольс, Ченслор). На скрещении всех трех линий — утопии, научные трактаты, путешествия — родится произведение, на котором стоит остановиться подробно.

«Nova Atlantis, opus imperfectum», в просторечии «Новая Атлантида», вышла из-под пера Френсиса Бекона — философа, естествоиспытателя, политического деятеля — в 1624 году, но была опубликована лишь в 1635 году, после смерти автора.

Внешне это нечто среднее между утопией и романом-путешествием. Группа потерпевших кораблекрушение высаживается на неизвестном острове, где после несложных приключений попадает в «Храм Соломоны» — столицу Новой Атлантиды, святилище науки, удивительное место, где чудеса природы и богов далеко оставлены позади волшебными подвигами человеческого ума.

Книгу Бекона нельзя отнести к классическим утопиям: по своим социальным идеям она значительно беднее сочинения Томаса Мора, написанного столетием раньше. Литературно она совершенно беспомощна (как не вспомнить здесь о фанатиках беконовской ереси, приписывающих Бекону авторство всех шекспировских пьес!). Действие, собственно говоря, прерывается с того момента, как путешественники попадают в храм, дальше — длинный рассказ жреца о научных достижениях жителей Новой Атлантиды.

Царь Соломона, основатель этого храма науки, — по понятиям того времени это нечто среднее между монастырем и университетской корпорацией, мы анахронистически назвали бы его научно-исследовательским институтом, — поставил перед его жрецами (читай: научными сотрудниками) задачу: овладеть скрытыми силами природы и использовать их на службу человеку. И вот в этих-то подлинно научно-фантастических прогнозах Бекон настолько опередил свое время, что... Но трудно удержаться от искушения привести из этого полузабытого

произведения несколько цитат:

«...Использовали скалы, находящиеся среди моря, а также солнечные места на самом морском берегу, для таких работ, для которых требуется морской ветер».

«Мы использовали также быстрые водовороты и пороги, чтобы вызвать разные движения, требующие большой затраты сил...»

«Есть приборы, создающие теплоту одним своим движением...»

«...военные орудия и машины всякого рода. Порох по новым рецептам и греческий огонь, горящий в воде и неугасимый...»

«Мы имеем корабли и лодки, которые могут плавать под водой и лучше обыкновенных переносить ураганы...»

«Мы знаем свойства и пропорции, необходимые для полета по воздуху, наподобие крылатых животных...»

«...печи, легко регулируемые и даже дающие теплоту солнца и небесных тел...»

«...добились различного усиления лучей, так что нам удастся отбрасывать свет на огромные расстояния...»

«Нашли приспособление, приближающее вплотную к нашим глазам отдаленнейшие предметы...»

«...стекло из металлов...»

«Приборы, имитирующие все членораздельные звуки речи, слова и пенье как людей, так зверей и птиц...»

«...приборы для усиления и замедления звука...»

«Нашли способ переносить звуки на большое расстояние в трубах и других полых предметах, а также в извилистых тонких трубочках...»

«...пояса для плавания...»

«...хронометры, основанные на движении воздуха и воды...»

«Удалось воспроизвести всяческие иллюзии и обманы зрения, появление всякого рода теней и летающих изображений...»

«...искусственные драгоценные камни...»

«При помощи освещенных прозрачных тел мы получаем изображения отдельных простых цветов...»

«В садах делаем опыты засева и прививки деревьев лесных и фруктовых. Мы делаем деревья больше, плоды их крупнее и приятнее, отличные от обычного вида...»

«Животных можем выводить больше обычных размеров или делать карликами, скрещивая их...»

«...комнаты здоровья, где воздух по желанию делается более влажным или более сухим...»

На мгновение необыкновенный мир возникает перед нашими глазами. Огромные самолеты летят над землей, подводные корабли прокладывают путь под волнами. В этом деятельном мире мощные гидростанции и солнечные двигатели снабжают энергией мастерские и лаборатории с жаркими печами и мудрыми механизмами. На полях и в садах зреет урожай необычайных злаков и плодов, созданных человеком; в лугах пасется чудесный скот новых пород. Прожекторы освещают темное небо, и громкоговорители перекликаются сквозь туман и ночь... На ум нам приходят такие слова, как: пластмассы, телескопы, кондиционирование воздуха... И вдруг последняя фраза возвращает нас к реальности: «Нам удалось построить перпетуум-мобиле», — и мы вспоминаем, что это написано в начале XVII века, что это наш блистательный день, увиденный сквозь тьму и бурю трех с половиной столетий!

«Новая Атлантида» — исток, дающий начало многим литературным ручьям. Но если мы проследим их течение, то увидим, что они не сливаются вместе, не превращаются в могучие реки, но чаще всего иссякают на полпути или теряются где-то в ненаселенных пустынях. И малая жизнеспособность многочисленных произведений, рожденных к жизни сочинением Бекона, заставляет нас снова и снова возвращаться к первоисточнику, чтобы на его скелете, как в анатомическом театре, изучить причины болезней хилого потомства этого гения нового века, родившегося во всеоружии, как Афина Паллада.

Вглядимся внимательнее. Вся эта искусственная вселенная не живой мир, полный борьбы и движения, увиденный, как при вспышке молнии, в момент мгновенного прозрения, или, более прозаически, не кинофильм, остановленный в разгаре действия. Скорее, это похоже на узор, вытканый на ковре рукой терпеливого мастера — пышный и холодный, как бенгальский огонь. Это, если можно так выразиться, «потребительская» научная фантастика, не достижимая — пусть далекая — действительность, завоеванная трудом и борьбой, но умозрительный идеал, родившийся в мозгу — пусть гениального — одиночки. Это даль, куда не указаны пути, куда не ведут дороги, край без победы и поражения, не остановка во время трудного путешествия из прошлого в будущее, но страна, где нет времени, тень от призрака, весомая не больше, чем запах или сновидение.

Как рисунок на ковре населен фигурами, а не людьми, так и в Новой Атлантиде только бледные фигуранты проходят перед нашими глазами. В схеме Бекона, где над миром господствует Высший разум, человек — лишь досадное исключение, нарушающее холодную прелесть геометрически точных схем. Плоти и крови нет места на чудесном острове, населенном

мудрыми жрецами храма Соломоны — читай, разума.

Итак, резюмируем. Научная фантастика возникла на грани XVI–XVII веков вместе с появлением новой (буржуазной) философии, науки, литературы, как мечта о будущем нового прогрессивного класса.

«Новая Атлантида» на два века вперед определила дальнейшее развитие научно-фантастической литературы: она статична и бесчеловечна; необыкновенный мир, открываемый ею, не создается и не завоевывается, а открывается случайностью или чудом, и человек-исследователь, человек-работник, человек-творец никогда не появляется на ее страницах.

Легко прослеживаются в этой литературе две основные струи: первая — космические романы — о путешествиях на другие планеты и иные миры, и вторая — рассказы о будущем.

И это легко объяснимо. Ведь в первом случае можно уйти от людей и показать чудеса иного мира, созданные иными, высшими умами. Говоря же о будущем, так легко уйти от трудной борьбы за это будущее, происходящей сегодня, и показать грядущий день светлым и спокойным отдыхом уставшего от труда человечества.

«Открытие нового мира», «Человек на Луне», «Путешествие в мир Декарта», «Путешествие Питера Вилкинса на Луну», «Путешествие милорда Сетона на семь планет» — таковы характерные названия произведений первого цикла (Д. Вилкинс, ф. Годвин, Г. Даниель, р. Полток, М.-А. де ромье). Из них наиболее известный и наиболее талантливый роман «Иной свет, или государства и империи Луны», вышедший в свет в 1659 году и доживший до наших дней.

Автор его Савиньен Сирано де Бержерак — веселый и остроумный рассказчик, немного утопист, смелый сатирик — не слишком почтительно относился к науке своего века и был бы, вероятно, немало изумлен, узнав, что потомство зачислило его в ряды пропагандистов техники и научных пророков. Отбросим традиционное уважение к нему («еще Сирано Бержерак предсказал...») и перечитаем его «Комическую историю», как она названа в другом издании. Пожалуй, мы посмеемся над ней так же весело, как смеялись ее современники.

Лунные жители, великаны в двенадцать локтей ростом, до сих пор еще не научились ходить и ползают на четвереньках, у них существует два языка: для знати — музыкальный (поэтому даже научные диспуты и тяжбы напоминают наши концерты), простонародье же изъясняется трясением членов. Ходячая монета у них — стихи. Питаются они странно: раздевшись, вдыхают всем телом испарения яств, так что, пожалуй, ничуть не удивительно, что расплачиваются они за это сонетами и мадригалами.

Любимое их развлечение — охота, причем в порох они подмешивают состав, который убивает, очищает от перьев, жарит и приправляет дичь. Города у них встречаются двух типов: постоянные и передвижные. Живут они долго, так как в каждой семье есть свой физиолог, прописывающий лечебные цветы и стихи. Когда же они в конце концов все же умирают, то покойников поедают друзья, что является главной частью торжественного погребального обряда...

Сказать по правде, во всем этом очень мало научной фантастики в нашем понимании. Ну что же, тем больше славы Жюль Верну, сумевшему одним скачком подняться на высоту, еще до сих пор кажущуюся головокружительной!

Ну, а рассказы о будущем? Что мог почерпнуть из них Жюль Верн?

«2440 год» Луи Себастьяна Мерсье, вышедший в 1771 году и за двадцать лет выдержавший пять изданий, — одна из самых знаменитых книг этого жанра. О чем же пророчествует Мерсье? Каким увидел мир будущего его герой, проспавший почти семь столетий?

Улицы в Париже значительно расширены.

Бастилия исчезла.

Сорбонна уже не служит ареной схоластических споров.

Хирургия стала самостоятельной наукой.

Метафизику заменила физика.

Италией, объединенной в одно государство, правит самостоятельный император.

Папа уже не владеет Римом и областью, но остался лишь только первосвященником.

В России отменено крепостное право.

Япония открыла доступ иностранцам.

Польша представляет самостоятельное государство, где царствует король.

Францией управляет государь, не ограниченный в добрых делах и ограниченный в дурных.

Несмотря на удивительную точность этих предсказаний, их нельзя признать чересчур смелыми. Многие из них Мерсье мог видеть осуществившимися еще при жизни (он умер в 1814 году). И потом одна важная подробность: Мерсье предрекает изменения политические, социальные, бытовые, наконец, но где успехи науки, гигантское развитие техники, которого можно было бы ожидать через семь веков?

Любопытнее всего то, что линия, открытая Френсисом Беконом, никогда не прерывалась. Этому жанру отдал дань и прославленный автор «Робинзона», жанр этот не иссяк и в XIX веке. За год до рождения Жюль Верна в Нью-Йорке был опубликован роман Дж. Эттерли «Путешествие на Луну»; в русском альманахе «утренняя заря» за 1840 год были напечатаны отрывки замечательной повести В. Ф. Одоевского «4338 год», а в 1847 году в Новом Орлеане вышла книга Дж. Л. Риддела о чудесном путешествии Орина Линд сея вокруг Луны (это не исчерпывающая библиография, но отдельные примеры, взятые возможно более широко). Но нам нет надобности путем догадок и остроумных сопоставлений пытаться устанавливать: были ли все эти произведения известны Жюлю Верну, французский писатель — явление особого рода (но тому следует отдельная глава).

Слава феодального аристократа, основа его знатности заключалась в том, чтобы быть последним звеном в возможно более длинной цепи предков. Гений сам входит в историю предком. И чем больше у него потомков, чем большему числу людей он указал путь, тем более он велик и славен: в этом его знатность.

Кем же был Жюль Верн? Каково его место в длинном литературном ряде «научной фантастики», рассмотренном так подробно, — быть может, даже излишне подробно (но, к сожалению, это приходится делать, чтобы рассеять некоторые укоренившиеся предрассудки)? Кто он?

Жюль Верн не был продолжателем этой линии, которая не иссякла и в наши дни. Он сам был первооткрывателем и зачинателем совсем иного, нового жанра реалистической фантастики.

Но и этого мало, чтобы охарактеризовать творчество Жюль Верна в целом: ведь научно-фантастические произведения составляют лишь незначительную часть его литературного наследия — меньше одной пятой всех его романов. Серия «Необыкновенные путешествия» включает в себя также романы географические, исторические, социальные, просто приключенческие. Поэтому глава «Биография жанра» — только одна из подобных глав, рассматривающая лишь одну из граней многостороннего творчества Жюль Верна.

Сквозь огонь и лед

Новый журнал Жюль Этселя, появлению которого предшествовала шумная реклама, наконец родился. Счастливый отец назвал младенца «Журнал просвещения и отдыха». Гвоздем первого номера, появившегося на прилавках книгопродавцев 20 марта 1864 года, был новый роман Жюль Верна «Англичане на Северном полюсе. Приключения капитана Гаттераса».

Уже через несколько дней любопытные парижане стали осаждать редакцию нового журнала.

— Кто такой капитан Гаттерас? — спрашивали они. — Мы знаем, что он скрывает свое настоящее имя, что он не дает своего адреса, но нельзя ли хотя бы передать ему письмо?

— Капитана Гаттераса не существует, господа! — убеждал назойливых посетителей секретарь редакции. — Это лишь герой романа, а не живой человек! И все его путешествия и приключения — только выдумка мсье Верна!

— Но я сам участвовал в полярных экспедициях, — горячился один из любопытных, — я-то могу отличить выдумку от действительности?

— Имя капитана Гаттераса знакомо мне с детства, — подтверждал его

спутник. — Я не могу только вспомнить, где я его слышал или читал о нем, но слово «Гаттерас» в моей памяти тесно связано с географией!

Часто автор романа, словно материализовавшийся невидимка, неузнанный присутствовал при таких разговорах. Но он был скрытен — или, может быть, назовем это скромностью? — и не любил говорить о себе. Поэтому очень скоро наиболее легковверные из почитателей его произведений решили, что и доктор Фергюсон, пролетевший над Африкой, и капитан Гаттерас, открывший Северный полюс, — только псевдонимы великого путешественника Жюль Верна.

Но все они, и даже секретарь редакции, ошибались. Знаменитый капитан действительно существовал.

Второй роман Жюль Верна, бесспорно, удался ему гораздо больше, чем первый. И тайна этого заключалась не в великолепно завязанном и развязанном сюжете и не в скрупулезной выписке деталей жизни в Арктике, но в характерах его героев.

В те годы в памяти всех еще жила драматическая история гибели экспедиции капитана Франклина. Суровый до жестокости, настойчивый до фанатического упрямства, Джон Франклин с юных лет участвовал в арктических экспедициях. Ему было только тридцать два года, когда он стал командиром корабля «Трент», и тридцати трех лет он возглавил свою первую экспедицию по отысканию Северо-западного прохода. Когда он повел свои корабли в последнее путешествие, ему было пятьдесят девять лет. Но судьба как будто преследовала смелого капитана: вся экспедиция, состоящая из ста двадцати девяти человек, пропала без вести.

Пятнадцать лет тайна исчезновения Франклина волновала весь мир. Путешественники из многих стран искали смелого и упрямого исследователя. И, наконец, капитан Мак Клинтон напал на след экспедиции: затертые льдами корабли вынуждены были зимовать в Арктике, и весь экипаж, во главе с командиром, погиб от голода и холода, — в консервных банках, доставленных по заказу английского Адмиралтейства, вместо продуктов оказалось тухлее мясо, опилки и песок...

Многие черты биографии и характера Джона Франклина послужили Жюль Верну прототипом, когда он создавал своего капитана Гаттераса, имя которому дал один из мысов на восточном побережье Америки. Но его герой жив, конечно, не тем, что он похож на капитана Франклина, — в нем писатель сумел обобщить многие черты полярных исследователей того времени и создать собирательный образ: сильный и убедительный.

В романе «Приключения капитана Гаттераса» французский писатель

не только великолепно завязал сюжетную интригу и впервые в литературе реалистически описал быт полярной экспедиции. Для нас эта книга дорога не только этим, дороже всего она образами положительных героев.

Нам до сих пор близки и дороги боцман Джонсон и плотник Белл — своей верностью и преданностью долгу. Нам близок и заносчивый капитан Альтамонт, готовый сломить свою гордость ради великой идеи. Нам дорог доктор Клаубонни — своей скромностью и безграничной верой в науку. Нам близок и дорог благородный капитан Гаттерас — один из тех бескорыстных героев, что проложили человечеству дороги в суровые неисследованные страны.

Когда читаешь роман о капитане Гаттерасе, невольно в памяти возникает образ другого, уже реального, полярного исследователя — лейтенанта Седова.

Подобно Гаттерасу, лейтенант Седов посвятил все свои помыслы, всю свою волю, всю свою жизнь одной цели — достижению полюса. Ему не удалось водрузить свое знамя на вершине мира, так как он умер от лишений во льдах Арктики через сорок семь лет после опубликования романа о капитане Гаттерасе и через шесть лет после смерти его автора. Но, уже умирая, лежа на нартах, которые тащили выбившиеся из сил матросы, он все же следил по компасу, чтобы его путь неуклонно лежал на север.

Лейтенант Седов никогда не встречался с французским писателем. Но если бы Жюль Верн увидел лейтенанта Седова — мужественного, сурового человека — или познакомился с его биографией, заполненной борьбой за одну лишь идею, то нет сомнений, что он воскликнул бы: «Да, вот он, это настоящий капитан Гаттерас!»

Но если капитан Гаттерас, достигнув желанного полюса, фактически закончил свой жизненный путь, ему уже не к чему было стремиться и нечего желать, то для автора романа экспедиция его героя послужила лишь новой завязкой для следующих томов «Необыкновенных путешествий».

...Знаменитого немецкого ученого Александра Гумбольдта часто называли «странствующей энциклопедией». На любой замысловатый вопрос он мог дать незамедлительный ответ, вырастающий иногда в целую поэтическую картину.

Однажды на каком-то парадном обеде его спросили: «Что находится в центре Земли?»

— Не далее, как несколько дней назад, — ответил, улыбаясь, великий естествоиспытатель, — ко мне явился какой-то таинственный капитан, настоящий тип морского волка. С необычайными предосторожностями он

сообщил мне, что у Северного полюса, где он недавно побывал, существует огромная пропасть, окруженная красной короной сверкающего северного сияния. Храбрый моряк не побоялся спуститься в эту зияющую воронку, ведущую прямехонько к центру Земли, и был награжден за свою смелость феерическим зрелищем. Внутри наш земной шар совершенно пуст, как детская погремушка, и в этом огромном пространстве кружатся друг возле друга две маленькие звезды — Плутон и Прозерпина. И в их смутном, неверном свете на внутренней стороне Земли до сих пор бродят динозавры и птеродактили первобытного мира...

— И это правда? — спросила ученого пораженная соседка.

— Было бы очень красиво, если бы это было правдой, — сказал, улыбаясь, Гумбольдт. — В действительности же, по современным строгим научным данным...

И несколькими яркими штрихами он нарисовал картину жизни земного шара по данным науки того времени.

Твердая «земля», на которой мы живем, — только оболочка. Она тоньше оболочки воздушного шара и скорее похожа на пленку мыльного пузыря, уже на глубине пятнадцати километров земная кора размягчается и превращается в огненно-жидкую лаву, а дальше бушует океан вечного неугасимого огня. Иногда это газообразное море начинает волноваться, тогда дрожит тонкая оболочка, происходит то, что мы называем землетрясениями. Когда же она лопається, не выдержав напряжения, огненная лава вытекает на поверхность, происходит извержение. И это счастье! Огнедышащие горы — настоящие предохранительные клапаны нашей Земли, подобные клапанам парового котла. Не будь их — наша планета давно взорвалась бы!

Эту удивительную историю рассказал доктор Клаубонни своим спутникам — Альтамонту, Джонсону и Беллу, сидя на острове Королевы, у подножья огнедышащей горы, возвышающейся как раз в географической точке Северного полюса, открытого капитаном Гаттерасом.

В те годы ученые почти ничего не знали о тайнах, что скрываются в недрах нашей планеты. Для всех, принимавших господствующую целое столетие гипотезу Лапласа о происхождении Солнца и планет из гигантской газообразной туманности, было логично предположить, что наша Земля — это остывшая звезда, лишь с поверхности покрытая пеплом. Но, для того чтобы проникнуть в ее таинственные глубины хотя бы глазами умных приборов, должно было пройти не меньше столетия. Однако смелые мечтатели не могли ждать так долго. И они сами отправились путешествовать к центру Земли, хотя бы... в воображении.

...В 1741 году Ниель Климм, сын бергенского пономаря, герой романа знаменитого датского поэта Людвиг Гольберга «Подземное путешествие», возвращаясь домой после получения ученого звания бакалавра, пожелал исследовать достопримечательности своего отечества. Его внимание привлекла странная пещера, откуда неслись звуки, подобные рыданиям. Климм попросил двух ученых мужей — астронома и геолога — подержать веревку, а сам, обвязавшись ею, спустился в бездонную пропасть, рассеянные ученые, увлеченные спором о том, что находится в центре Земли, отпустили веревку, и несчастный бакалавр упал вниз.

Долго летел он в крошечном мраке. Но постепенно темнота стала рассеиваться, хотя он не видел ни солнца, ни других светил. Внезапно на Климма налетел чудовищный грифон. Ниель схватил его за шею, сел на него и тихо спустился на поверхность какой-то планеты, вращающейся внутри пустотелой Земли.

Планета Назар, на которую спустился Климм, имела в окружности всего двести немецких миль — около полутора тысяч километров. Населяли ее люди-деревья, не имеющие корней и передвигающиеся чрезвычайно медленно. Число ветвей означало у них общественное положение граждан. Королевский секретарь имеет, например, двенадцать ветвей и пишет одновременно двенадцать писем. Но зато он думает так медленно, что тратит на ответ несколько месяцев. Это признак государственного ума: ведь на Назаре тот считается умнее, кто думает всех медленнее.

Вокруг планеты Назар вращается спутник Мартина, населенный обезьянами... Ниель Климм после многих приключений в этом подземном мире был выброшен взрывом к каменному «небу», снова попал в сквозную пещеру и вернулся в родной город Берген, чтобы занять скромную должность помощника звонаря...

Конечно, для датского поэта фантастический роман был лишь оболочкой, в которую он облек сатиру на современное ему общество. Но эту книгу следует отметить как первое в мире литературное путешествие к центру Земли.

Через сто лет новое путешествие в земные недра совершил английский писатель Бульвер-Литтон. Герой его романа «Грядущая раса» — горный инженер — в самой глубокой и отдаленной шахте заметил странный свет. Спустившись туда, чтобы исследовать это явление, он оказался в фантастической подземной стране, состоящей из ряда гигантских пещер и населенной неведомым народом. Эти люди бездны далеко опередили земное человечество, овладели тайными силами Земли, из которых

электричество только ничтожная доля скрытых в центре планеты запасов энергии. Эти люди — грядущая раса: они создали совершенный социальный строй, скоро они выйдут на солнечный свет, сметут с поверхности Земли дряхлое и развращенное человечество.

«Путешествие к центру Земли», роман Жюль Верна, пожалуй, самое знаменитое произведение из этой серии фантастических спусков в неизвестные еще науке недра нашей планеты.

Все эти удивительные путешествия Жюль Верн хорошо знал: недаром он целыми днями просиживал в «своем» углу Национальной библиотеки. Но его творчество имело иные истоки, чем чисто умозрительная фантастика, ведущая свою линию от Френсиса Бекона, — он искал своих новых героев в реальной жизни, рядом с собой. Поэтому неясные замыслы о подземном путешествии он пока отложил в сторону для других набросков.

Летом 1864 года вся большая семья собралась в Шантеней: Поль, сестры, многочисленные Аллоты, Тронсоны, Шатобуры. Последним в августе прибыл сам триумфатор.

В большом деревенском доме, казалось, царил вечный праздник. Да и немудрено: этим летом в патриархальной обстановке Шантеней были отпразднованы целых четыре свадьбы. Капитан Поль Верн, достигший возраста тридцати пяти лет, наконец, избрал себе подругу жизни в лице мадемуазель Мелье де Монторан. Три сестры переменили коротенькую фамилию Верн на три разных: дю Крест де Вильнев, Флери и Гийон. Каждое воскресенье после обеда и два раза в неделю по вечерам на большой террасе старого дома начинались танцы, молодежь музицировала, пела, переодевалась в фантастические костюмы, играла в буриме. Но герой дня, главная приманка для соседей, чаще всего отсутствовал.

«Он стал нелюдим», — жаловались двоюродные сестры. «Ворчит, как полярный медведь», — шептались молодые девушки, уже успевшие поглотить «Приключения капитана Гаттераса». «Быть может, снова невралгия?» — тревожилась верная Онорина. Нет, он болел другой, более неизлечимой болезнью: его палила литературная лихорадка.

Теперь, когда он был свободен от театра, от биржи, от любой службы, Жюлю казалось, что сутки стали гораздо короче, чем раньше. По привычке он вставал очень рано, почти с рассветом, и работал в своей комнате, где ему никто не мешал. Днем он часто совершал длинные прогулки по окрестностям, и повсюду его сопровождали герои нового романа. Вечером же он снова брал в руки карандаш — всю жизнь он ненавидел перья и чернила — и снова усаживался за маленьким столиком у окна. До него

доносилась отдаленная музыка, теплая ночь дышала ему в лицо, в лунных лучах мелькали муслиновые платья танцующих девушек, потом постепенно все смолкло. Огни гасли один за другим, а он все сидел, и пачка аккуратно нарезанных листов перед ним все росла. Это был его новый «вулканический роман».

Незадолго перед отъездом в Нант Жюль Верн познакомился с геологом Сен-Клер Девиллем, братом знаменитого химика, впервые получившего металлический алюминий. Человек неукротимого темперамента, объехавший весь свет, Шарль Сен-Клер мог говорить только о вулканах и землетрясениях. Его нисколько не интересовали события, происходящие на поверхности нашей планеты, но малейшее движение под земной корой, которое он мог уловить при помощи чувствительного сейсмографа, приводило его в настоящий экстаз. С удивительным терпением Жюль Верн выслушивал его бесконечные рассказы о вулканах Антильских островов, о вулканическом острове Тенерифе и о спуске в кратер Стромболи.

— Как, в кратер действующего вулкана? — переспрашивал Жюль.

— Да, конечно, — с невозмутимым спокойствием отвечал геолог. — Вулканические явления интереснее всего наблюдать во время извержения.

Встреча с неистовым геологом с близорукими голубыми глазами и жидкими белокурыми волосами была тем последним толчком, который вызывает мгновенную кристаллизацию пересыщенного раствора во всей массе. В памяти сразу с необыкновенной ясностью возникли картины всех фантастических подземных путешествий, всплыли тысячи фактов, терпеливо собранных писателем в книгах и журналах или впервые услышанных от Сен-Клера. Да и разве могло быть иначе, — ведь вся сила и прелесть книг Жюля Верна, в отличие от других авторов фантастических романов, была в людях, новых героях, одухотворяющих кропотливо собранный писателем материал и одушевляющих смелые, но отвлеченные научные идеи!

Идея холодной и твердой Земли, выдвинутая Сен-Клер Девиллем, была чрезвычайно смелой для своего времени: ведь наука тогда ничего не знала о внутренности земного шара и еще не умолкло эхо спора между нептонистами и плутонистами, между учеными, полагавшими, что вода — первостихия, основа всей природы, — заполняет центральную часть нашей планеты, и учеными, отводившими первое место в природе огню, как самой высшей стихии. Не пойти ни за продолжателями Вернера, ни за последователями Джемса Геттона было большой смелостью и для Жюля Верна: тогда, как, впрочем, зачастую и теперь, от писателя, взявшего своим материалом науку, издатели и редакторы требовали изложения лишь

«устоявшегося», многократно проверенного, давно вошедшего в школьные учебники. Но Жюль Верн, не колеблясь, выбрал третий путь, положив в основу своего нового романа никем тогда еще не проверенную, но смелую гипотезу холодной Земли.

Глубоко под нашими ногами, куда не проникают ни лучи солнца, ни дыхание ветра, он сумел разглядеть странный фантастический мир, целиком рожденный его воображением. Пещеры, такие огромные, что в них умещаются целые моря, с их прибоем, бурями, приливами и отливами, и тут же, совсем рядом, озера расплавленной магмы, со скрытыми в них свирепыми силами уничтожения. Электрическое сияние, заменяющее в этом мире дневной свет, тускло озаряет подземные луга, поросшие бледными лишайниками и печальными папоротниками. Чудовищные пресмыкающиеся, давно вымершие на поверхности Земли, находят себе последнее прибежище в чернильных водах внутривулканного моря. И по истоптаным пляжам этих циклопических пещер, по запутанному лабиринту бесконечных подземных коридоров спокойно проходят трое людей, бесстрашно спустившихся в жерло вулкана. И не богатства, не поиски клада, даже не любовь к приключениям привели их сюда. Нет, их обуревают и движут жажда знаний, любовь к науке, — какому писателю по плечу такая задача! Кто, кроме Жюля Верна, посмел бы поставить своих героев лицом к лицу с бесформенной и страшной стихией самой Земли!

Вряд ли сам Жюль Верн, бывший всегда в курсе всех передовых идей своего времени, верил в действительности в то, что в недрах Земли есть гигантские пустоты, где обитают давно вымершие животные, верил в то, что, спустившись в жерло вулкана Снеффельс в Исландии, можно совершить подземное путешествие по этому печальному, тускло освещенному миру и выйти наружу через кратер Стромболи во время извержения. Но гипотеза холодной и твердой Земли была для него могучим средством, для того чтобы заставить древнее геологическое прошлое Земли ожить, показать своим читателям воочию чудеса подземного мира и столкнуть лицом к лицу человека со страшными силами, таящимися в недрах нашей планеты.

Гамбургский профессор Отто Лиденброк, отправляющийся вместе со своим племянником Акселем и проводником Гансом к центру Земли, открыл целую галерею ученых-чудаков, украшающую почти все романы Жюля Верна. Сейчас образ чудака-профессора, рассеянного, нетерпимого в своей науке и добрейшей души человека, стал весьма шаблонным в литературе, хотя в жизни мы больше не встречаем таких ученых. Но нельзя винить в этом Жюля Верна; Лиденброк был всецело его изобретением, хотя

— как знать! — и не очень уклонялся от своего реального прототипа: неистового французского геолога.

У Жюль Верна хватило смелости посягнуть на тайны Земли и противопоставить ее бурной и свирепой стихии человека-открывателя, но полностью разрешить эту задачу оказалось ему не по плечу. Он не сумел столкнуть людей со страшными силами подземного мира. Поэтому повесть, лишенная борьбы, не принадлежит к числу его лучших произведений. Профессор Лиденброк оказался всего лишь чудаком-ученым, его племянник Аксель — безликим и терпеливым слушателем, проводник Ганс — не более чем неразвернутой схемой, нерожденным героем. Повидимому, герои будущего рождаются слишком редко и слишком трудно. И тем не менее, пусть те, кто никогда не читал книгу «Путешествие к центру Земли», или тот, у кого она живет лишь как воспоминание юности, пусть они развернут ее страницы. Пусть всмотрятся в странные пейзажи, нарисованные рукой великого мечтателя, и на них повеет слабым, но ощутимым ветром Страны необычайного!

Стихия невесомого эфира

Этсель издал вторую книгу Жюль Верна так же тщательно, как и «Пять недель на воздушном шаре». Пока удивительный договор между писателем и издателем выполнялся пунктуально. Два однотомных романа и двухтомные «Путешествия капитана Гаттераса» были сданы автором в течение двух лет. Два тома уже вышли в свет: «Путешествие к центру Земли» в том же 1864 году, когда было написано, а два тома «Гаттераса» были напечатаны в журнале Этселя и стали его полной собственностью: он мог их издать отдельными книгами, когда ему заблагорассудится, вернее, когда будет выгоднее (они вышли в свет только в 1866 году).

Казалось бы, обе стороны должны были быть удовлетворены, тем не менее Жюль Верн, совершенно неожиданно для друзей, сделал попытку вырваться из этого позолоченного плена.

В 1866 году, в одной из самых распространенных парижских газет «Журналь де Деба», газете, с которой Этсель не был никак связан, начал отдельными фельетонами печататься новый роман Жюль Верна «От Земли до Луны».

Стихия невесомого огня, заполняющая, по мнению древних философов, пространство между небесными сферами, стихия невесомого

эфира, как сказали бы ученые в середине XIX века, в эпоху Жюль Верна, была той новой областью, на завоевание которой писатель двинул все силы своей проникающей и ясной фантазии.

Внешним поводом для него было появление в феврале 1865 года книги старого, одряхлевшего Александра Дюма «Путешествие на Луну». Полет на ночное светило верхом на орле был для старика лишь одной из тех многих книг — он не помнил и половины их названий! — которые он написал своей рукой, и одной из тысяч книг, вышедших из его мастерской. Но для Жюль Верна эта книга была чем-то большим, чем для читателей и даже самого автора: в его памяти возник скромный юноша в клетчатых панталонах и шелковом галстуке, завязанном пышным бантом, с сердечным трепетом входящий в ворота заколдованного замка «Монте-Кристо». Учитель и ученик — о таких взаимоотношениях с Дюма он мечтал почти два десятилетия назад. А сейчас? Мог ли он вступить в единоборство с дряхлым колоссом, который все еще, быть может только по старой памяти, казался ему величественным?

...Пройдя Геркулесовы столбы на хорошо снаряженном корабле и вступив в Атлантический океан, Лукиан и его товарищи шестьдесят девять дней носились по бурному и мрачному морю, гонимые восточным ветром.

Однажды свирепый смерч поднял их корабль на высоту трех тысяч стадий, и с этого дня они понеслись по небу. Семь дней и семь ночей они плавали в пространстве и на восьмой день пристали к большому круглому блестящему острову, висящему в воздухе. Сверху был виден наш земной мир с его реками, морями, лесами и городами, похожими на огромные муравейники...

Так Лукиан Самосатский, живший во II веке нашей эры, начинает свою книгу «Истинное повествование. Путешествие на Луну, Солнце и остров Светильников, лежащий между Плеядами и Гиадами».

Много веков полеты на Луну были излюбленным мотивом поэтов, сказочников и авторов рыцарских романов. В 1638 году Френсис Годвин издал в Лондоне книгу, — Жюль Верн был хорошо знаком с ее французским переводом, вернее, переделкой, сделанной Жаном Бодуэном, — под названием «Человек на Луне», где герой Доминго Гонзалес, попавший на остров святой Елены, улетает на Луну вместе с дикими лебедями. В том же году епископ Джон Вилкинс опубликовал серьезный трактат «рассуждение о новом мире и других планетах», где предлагал для путешествия на Луну не слишком сложные приспособления. «Надо либо приделать себе крылья и подражать полету птиц, — писал он, — либо взобраться на спину исполинских птиц, которые, как рассказывают, водятся

на Мадагаскаре, либо, наконец, соорудить летающую колесницу, наподобие того деревянного голубя, который некогда был изготовлен Архитом».

Злой и веселый рассказчик Савиньен Сирано де Бержерак предложил несколько гораздо более научнообразных, но, быть может, еще более нелепых способов добраться до соседней планеты.

В его остроумной книге герой путешествует в межпланетном пространстве, обвязавшись склянками с росой, которую притягивает Солнце, намазывая тело бычьим мозгом, в магнитных кораблях, подбрасывая вверх железный шар, увлекающий за собой магнит, в хрустальном двадцатигранном корабле, который толкает сила сгустившегося света, и, наконец, — вероятно, верх нелепости с точки зрения самого Сирано! — в колеснице, начиненной ракетами и приводимой в движение силой фейерверка.

В отличие от всех серьезных и насмешливых предшественников Жюль Верн в своей новой книге ничего не изобрел. В самом фантастическом из фантастических своих романов он остался трезвым до конца, роман «От Земли до Луны» написан скорее математиком, чем поэтом. Впрочем, чтобы соблюсти точность, можно раскрыть важный секрет этой книги: она написана и поэтом и математиком.

В это жаркое лето Жюль Верн очень рано отправил Онорину и Мишеля в Шантеней, чтобы погрузиться в спокойное безмолвие круглого зала Национальной библиотеки. Но теперь, когда биржа не отнимала у него времени, книги уже не могли занять его целиком. В поисках друзей в этом опустевшем Париже Жюль в лето 1865 года снова сблизился со своим двоюродным братом профессором Анри Гарсе.

То, что для Жюля Верна казалось лишь занимательной фантазией, путешествием в еще одну неисследованную область Страны мечты, под строгим пером профессора Гарсе превратилось в математическую задачу на составление уравнений. Но математика эта была столь романтической, столь тесно переплеталась с поэзией неизвестного, что новый роман Жюля Верна, содержащий математики и всякого рода энциклопедических сведений больше, чем любая из его книг, стал одной из наиболее читаемых книг Верна и остается ею и до сих пор. И, главное, в нем Жюль Верн воплотил самые передовые идеи своего века.

Самый замысел книги необычен. В романе, написанном в самый разгар междоусобной войны в Америке, Жюль Верн предлагает самое разрушительное средство войны заставить служить науке. Под его волшебным пером артиллерия из орудия убийства превращается в средство связи и транспорта, в могучий зонд для исследования глубин мирового

пространства. А безупречные математические расчеты, сделанные Гарсе и исполненные холодной поэзией науки, заставляли читателей безоговорочно верить в эту пацифистскую фантазию.

Война, милитаризм и все с ними связанное были ненавистны Жюлю Верну до глубины души, и эту ненависть он пронес через жизнь до самой смерти.

Но в первых романах французского писателя этот пафос мирного применения самой фантастической техники прозвучал с особой страстью. И нам сейчас даже трудно представить ту взрывчатую силу, которую имела эта идея Жюль Верна в шестидесятые годы прошлого века, в последние годы наполеоновской империи.

Если в первом романе Жюль Верн создавал панораму Центральной Африки на основании рассказов многих путешественников и все же рисовал ее фантастическими красками, если во втором романе, набрасывая резкими мазками картину полярного моря, свободного ото льдов, он лишь излагал идеи, весьма распространенные в его время и в то же время фантастические, если, отправившись со своими героями к центру Земли, он строил свой вымысел, опираясь на фантастическую гипотезу, — то и в четвертом романе он вопреки мнению многих читателей тоже не отступил от своего творческого метода, завоеванного в великом труде.

Соединенные Штаты, описанные Жюлем Верном в романе «От Земли до Луны», совсем не были реальной Америкой. Это вымышленная, фантастическая страна, где нет разлада между мыслью и трудом, между идеей и исполнением, страна неограниченных технических возможностей. Это лишь воплощение мечты Жюль Верна о таком мире, где общество не связано никакими условностями — религиозными, сословными, историческими, где нет ненавистного монархического строя, подобного наполеоновской империи, сковавшей в те годы всю мыслящую, трудящуюся и борющуюся Францию.

Необычен был и сюжет книги. Здесь нет борьбы личных интересов героев, но он строится на столкновении научных идей. Постройка пушки, отливка ядра, изготовление пороха — вот странные сюжетные узлы романа. Преодоление земного тяготения — вот ее высшее завершение и пафос.

Главные герои этой книги — Импи Барбикен и капитан Николь (Никольсон во втором издании) — лишь ожившие олицетворения двух сторон математического мышления: анализа и синтеза, дифференцирования и интегрирования. Существует легенда, что под именем Барбикена — и, добавим, под именем Николя, так как оба героя неразделимы, — изображен сам профессор Гарсе. Можем ли мы подтвердить или хотя бы опровергнуть

эту гипотезу? Увы, это невозможно: мы ничего не знаем о личности Гарсе, умершего восемьдесят пять лет назад.

Но, кроме пацифистских идей, в романе содержались и научные — пусть современники не смогли их оценить или даже заметить: быть может, такова судьба всех первооткрывателей...

А между тем, кто интересуется проблемой межпланетных сообщений, кто упрекает Жюль Верна в непонимании основных вопросов звездоплавания, стоит напомнить один абзац из романа «Вокруг Луны»:

«Между прочим, Николь тогда утверждал, что при ударе о Луну снаряд разобьется, как стекло, а Ардан ему возражал, что он задержит падение при помощи ракет, расположенных надлежащим образом. И в самом деле, ракеты, имея точкой опоры дно снаряда и вылетая наружу, должны были вызвать обратное движение снаряда и тем самым до некоторой степени замедлить скорость его падения. Правда, ракеты должны гореть в безвоздушном пространстве, но за кислородом для них дело не станет, потому что он заключается в самом порохе...»

В одной этой фразе заключается зародыш идеи реактивного движения в пустоте, идеи, впервые воплощенной в техническом проекте Кибальчича и развитой в стройную теорию Циолковским.

расчеты профессора математики, сведения из «Астрономии» Араго, перечисление названий лунных гор, кратеров и «морей» вряд ли могли составить занимательную книгу, а тем более художественное произведение. Нужен был живой герой, умеющий не только добросовестно излагать прочитанное, но и видеть мир чудесно преображенным, герой, не послушно следующий за автором, но вступающий с ним в спор, по-своему переиначивающий строгие схемы Барбикена и Николя. Только появление такого героя на страницах книги могло решить ее успех.

Все действующие лица первого романа Жюль Верна «Пять недель на воздушном шаре» были англичанами и шотландцами. Для французского писателя это было некоторой экстравагантностью. Но роман был фантастическим (термина «научно-фантастический» тогда еще не существовало), и поэтому никто не обратил на это особенного внимания. Однако во втором романе читатели столкнулись с тем же фактом. Правда, первая часть его называлась «Англичане на Северном полюсе», а в характере капитана Гаттераса, сказавшего: «если бы я не был англичанином, то хотел бы им стать», содержалось некоторое оправдание того, что экипаж «форварда» был укомплектован исключительно из англичан. И, однако, читающая Франция пришла в некоторое недоумение. В недавно опубликованной переписке Жюль Верна с Этселем сохранились

два письма: в одном издатель настаивает на том, чтобы в экспедицию капитана Гаттераса был включен хотя бы один француз, в другом — ответном — писатель утверждает, что это совершенно невозможно, так как нарушило бы весь замысел. Но почему появился такой замысел?

В следующем, «вулканическом романе» прототип героя, французский геолог Сен-Клер, превратился в немецкого профессора. Проектировщики и строители межпланетного орудия — сплошь американцы. Это уже начинало выглядеть, как некоторая система... Трудно, очень трудно было Жюль Верну назвать своих героев французами, не противопоставив их наполеоновской Франции. Конечно, Жюль Верн брал своих героев из окружавшей его жизни: недаром в эти годы он встречался с инженерами, изобретателями, путешественниками, учеными. Он не списывал их характеры с натуры, — он творчески воссоздавал их, комбинируя действительность с вымыслом, и все же герои его первых книг были героями абстрактными, вне времени и пространства, — пусть они назывались англичанами, шотландцами, немцами, американцами... А нужен был герой реальный, непосредственно перенесенный из действительности, человек трех измерений, представитель не отвлеченного «человечества», но той Франции, которую Жюль Верн мог противопоставить ненавистной ему империи.

И такой герой нашелся. Он властно вошел в роман, как вихрь влетает в душную комнату, и словно ветер забушевал на ее страницах. Этот герой был больше чем созданием фантазии автора — он был его старым другом. Звали его Мишель Ардан, или, если переставить буквы в его фамилии, Надар... По крайней мере, знаменитый авиатор был его прототипом.

Жюль Верн не потерял из виду своего старого друга. Вскоре после полета на шаре «Гигант» Надар охладел к этому средству транспорта. В конце 1863 года он издал «Манифест воздушного управляемого передвижения», перепечатанный газетами всего мира... Кто знает, быть может, завтра Надар атакует безвоздушное пространство? Жюль Верн легко мог представить себе Надара где угодно, хотя бы на Луне... Так Надар превратился в Ардана, героя романов «От Земли до Луны», «Вокруг Луны».

Четыре романа, в которых разрешены четыре самые злободневные задачи, стоявшие в те годы перед наукой: управляемое воздухоплавание, загадка подземного мира, достижение полюса, полет в мировом пространстве. И во всех этих книгах нет ни одной героини, — мог ли поверить в это любой французский издатель до появления серии «Необыкновенных путешествий»?

А герои? До сих пор Жюль Верн наделял своих абстрактных героев

лишь отдельными живыми чертами — теми качествами своих современников, которые он считал характерными для людей завтрашнего дня. Но действительно ли Жюль Верн создал в эти годы нового героя, о котором можно было сказать: вот подлинный человек будущего?

Открытие мира

— Что бы я ни сочинял, что бы я ни выдумывал, — сказал однажды Жюль Верн, — все это всегда будет ниже действительности. Настанет время, когда достижения науки превзойдут самое смелое воображение».

Эти слова лучше всего говорят о том, что знаменитый французский писатель совсем не считал себя обитателем Страны мечты, как утверждают некоторые его биографы, и не считал себя человеком, далеко заглянувшим вперед в будущее человечества. Наоборот, он жадно стремился успеть за своей эпохой.

Летом 1863 года, всего через несколько месяцев после выхода в свет романа Жюль Верна «Пять недель на воздушном шаре», прославившего во всем мире идею управляемого воздухоплавания, неожиданно сам Надар, создатель «Гиганта», бывшего прототипом «Виктории», выступил с новой, революционной идеей летательных аппаратов тяжелее воздуха. Надар, моряк и писатель де ля Ландель, и изобретатель Понтон д'Амекур, страстные пропагандисты новой идеи, чтобы собрать необходимые средства, выпустили специальный «Манифест», строки из которого цитировались газетами и журналами, звучали с парламентской трибуны и волновали сердца парижан и всей Франции.

«Причиной того, что все попытки добиться управляемости аэростата в течение восьмидесяти лет терпят неудачи, является сам аэростат. Другими словами, безумие вести борьбу с воздухом с помощью снарядов, которые сами легче воздуха.

По своей идее и по свойствам той среды, которая его носит в себе, и по своей воле аэростат никогда не будет судном, — он рожден поплавком и поплавком останется навсегда.

Нужно взять за основу обратное положение и так формулировать новый закон: чтобы вести борьбу с воздухом, нужно создать машины более тяжелые, чем воздух...

Мы не публикуем нового закона; этот закон был формулирован в 1768 году, то есть за пятнадцать лет до подъема первого монгольфьера, когда инженер Пауктон предсказал будущую роль винта в воздушном сообщении, речь идет лишь о разумном применении уже известных явлений...

Винт, святой винт, как сказал однажды известный математик, поднимает нас в воздух, проникая в него, как бурав в дерево...

Каждая эпоха оставляет свой след в истории веков. Мы несколько в долгу у нашего века, века пара и электричества и фотографии: мы обязаны дать ему еще воздушную навигацию...»

«Триумvirат» не только вел энергичную агитацию за летательные машины тяжелее воздуха, за новый принцип полета, которому они дали название «авиация», от латинского слова avis — птица (они же изобрели слово «авиатор»). Трое энтузиастов создавали проекты новых летательных машин будущего — аэронефов, как они их называли. И одним из самых близких к ним людей был Жюль Верн.

Писатель, уже прославленный во всем мире, был к себе гораздо строже, чем его восторженные почитатели. Он не мог не видеть, что, пока он создавал схемы лучшего будущего — ведь только в будущем он видел реальных Фергюсона, Гаттераса, Клаубонни, Лиденброка, Барбикена, Николя, Ардана, — жизнь шла вперед, обгоняя его мечту.

Под влиянием своих друзей этого времени — Лессепса, Н ад ара, композитора Алеви — Жюль Верн окончательно утвердился в идеях утопического социализма. Не понимая значения классовой борьбы, определяющей историческое развитие, он в те годы думал, что путь прогрессу указывают мирные открытия науки и достижения техники и что именно они в конце концов приведут человечество в обетованную страну будущего, где не будет угнетения человеком человека, где наука будет править миром.

В этой идее Жюль Верн не был одинок. Ее разделяли сен-симонисты,

ее разделял и Виктор Гюго, заявивший в 1869 году на Лозаннском конгрессе друзей мира: «Мой социализм начинается в 1828 году», намекая на сотрудничество в те годы молодых романтиков и сен-симонистов. Об этом сам Гюго очень точно сказал в письме к Надару, написанном в начале 1864 года с острова Гернсей, где великий писатель жил в изгнании:

«Два месяца назад, с несколькими мужественными товарищами и одной предприимчивой приятельницей, Вы решились ради науки на один из самых рискованных опытов, когда-либо предпринятых человеком. Заслуга эта тем более велика, что Вы рисковали Вашей жизнью на аппарате, забракованном Вами самим! Ведь воздушный шар является олицетворением пассивного послушания... Кому? Человеку? — Нет, ветру. Идее? — Нет, прямо случаю.

Итак, этот воздушный шар, детски несуразный, со всеми неудобствами и недостатками, немощный и беспомощный, зависимость которого от ветра растет вместе с его величиной, как это бывает и у некоторых людей, — воздушный шар с хрупкой оболочкой и с утекающим газом, — этот самый воздушный шар, забракованный для других, вдруг оказался достаточно хорош лично для Вас. Вы решили подняться на нем для того, чтобы, собрав публику и заполнив ею все Марсово поле, получить достаточно денег для реализации Вашей идеи построить геликоптер — воздушный корабль с винтом.

...Прогресс встречает на своем пути много препятствий. Несмотря на это, он идет вперед, но очень медленно, почти ползком. Он должен считаться решительно со всем: с религией, которую он не должен оскорблять, и с разной температурой: в Сибири ему слишком холодно, а в Африке слишком жарко. Он должен считаться с караваном в пустыне, с жандармом, с караульным, с желтой лихорадкой, с чумой, с дипломатией и договорами.

Он должен бороться с рутинной, должен сдаваться и входить в переговоры. Он подвигается, прихрамывая, и все-таки способствует эволюции. После всякого благодеяния, оказанного им, он просит дать ему передышку, но не всегда просьба его бывает уважена. Одним словом, на каждом шагу остановки, поверка, запрет, уступки, потеря времени, борьба с ненавистью, проверочный экзамен перед лицом невежд, необходимость обратить в свою веру толпу людей с предвзятыми идеями, преграждающими путь...

Таков прогресс. С одной стороны он вынужден опираться на науку, официально признанную, с другой стороны — на философию. Благодаря этим двум костылям он, хромая, идет вперед.

Но вот явилось нечто новое. Что это такое? Это машина. Машина-освободительница — дорогу ей!.. Она ведь может летать, эта машина! Она уносит на себе человека, уничтожает все неровности пути, составляющие преграды на земле. Она заставляет людей глухо роптать. Предрассудки и суеверия угрожающе поднимают свои головы. Но для машины уже нет границ, ни гор, ни рек. Пиренеи пропадают как будто по волшебству. И удивленный мир взирает на новое чудо — на прогресс, царящий в небе.

Мы освободим человека!..»

Подобно достаточно смутным и неопределенным мечтам Гюго, для Жюль Верна, в первые годы его творчества — вернее, в годы выхода первых четырех романов из серии «Необыкновенные путешествия», мечта о грядущем освобождении человечества связывалась с образом ученого, изобретателя или инженера, человека-творца, подчиняющего человечеству природу. Такого строителя близкого будущего Жюль Верн и стремился изобразить в своих первых произведениях.

Бескорыстный открыватель тайн Черного материка доктор Фергюсон, капитан Гаттерас, посвятивший все свои помыслы, самую жизнь лишь одной мечте — достижению полюса, доктор Клаубонни, спутник Гаттераса, полный веры в науку и бесконечное могущество человека, профессор Лиденброк, без страха отправляющийся к центру Земли, чтобы проверить свои научные теории, Барбикен, Николь, Мاستон, герои романа «От Земли до Луны», в прошлом участники войны за освобождение негров, с энтузиазмом превращающие смертоносную артиллерию в орудие науки, и, наконец, лишенный страха Мишель Ардан — вся эта галерея героев определила успех первых романов Жюль Верна.

В этих романах следует подчеркнуть их антивоенную направленность. В те годы шла безмолвная борьба между учеными, мечтавшими применить воздухоплавание как орудие науки: физики, метеорологии, географии, и милитаристами, с жестокой радостью предвидевшими превращение воздухоплавания еще в одно средство истребления людей. Жюль Верн, сделавший — и очень подчеркнуто — своих героев не завоевателями, но открывателями Африки, очень ясно для читателей того времени занял определенную позицию в этой борьбе. Антимилитаристская же направленность романа «От Земли до Луны» настолько ясна, что не нуждается в подробном комментировании.

Темой этих романов была человеческая мысль, рождающая фантастический мир второй природы — более романтический и разнообразный (так писателю, по крайней мере, казалось), чем дочеловеческая вселенная. Но человеческая мысль неразрывно связана с

трудом. Этого в те годы не увидел (или не захотел увидеть) Жюль Верн. Поэтому в его творчестве этого периода отразилась только часть человеческого могущества: мысль, но не труд. Отсюда и одиночество его героев, рожденное одиночеством самого писателя.

Но время двигалось вперед и несло его на своем гребне. Во второй половине шестидесятых годов во Франции повеяло новым ветром. Сильный рост общественной оппозиции, развитие революционного движения создали опору для писателя-демократа и возможность смело высказывать свои заветные освободительные идеи.

Это не могло не отразиться на дальнейшем творчестве Жюль Верна, живо интересовавшегося общественной жизнью своей страны и внимательно следившего за освободительными движениями в других странах.

В эти годы окончательно прекращается то вынужденное одиночество, на которое он сам себя обрекал, стремясь убежать от ненавистной ему действительности в иные миры — неисследованную Африку, полярную пустыню, подземный и надзвездные миры. Теперь Жюль Верн уже не скромный служащий биржи, лишь на досуге занимающийся литературой. Теперь он — знаменитый писатель, один из властителей дум молодого поколения. Необыкновенно расширяется круг его знакомств, он впервые воочию сталкивается с той молодой борющейся Францией, в которую он верил, но ее не знал.

Даже внешнее выражение замкнутости писателя — маленькая квартирка в две комнаты на бульваре Бон Нувелль — меняется. За четыре года он четыре раза меняет адрес — Маджента, Монмартр, ля Круа-руж, рю де ля Севр, — пока, наконец, не оседает в тихом аристократическом пригороде Отейль, в небольшом уютном особняке, где Онорина смогла, наконец, устраивать пышные обеды для своих амьенских знакомых, о чем она всегда втайне мечтала, а сам хозяин — принимать своих новых друзей.

Паскаль Груссе, с темными мечтательными глазами и шелковистыми усами, в модных клетчатых панталонах, оливковом сюртуке, с пестрым галстуком, всегда завязанным пышным бантом, стал завсегдатаем в отейльском особняке. Он был очень молод — на двенадцать лет моложе Жюль Верна, но уже успел завоевать видное место в журналистике. Его пламенные статьи, всегда направленные против всякого рода тирании и защищавшие свободу, часто появлялись в радикальных газетах. Он был фанатически предан идеям Фурье, но утопический социализм, который казался в изложении Лессепса, Алеви и даже Надара далеким видением, в устах Груссе становился воинствующей доктриной сегодняшнего дня. Это

был не мир будущего, приходящего неминуемо, как неминуемо наступает Новый год, или достигаемого добрым согласием всех, но крепость, которую необходимо завоевать.

Но Груссе, так пламенно говоривший о свободе и грядущем сверкающем мире, в глубине души не меньше любил романтику путешествий и дальних стран и не раз мечтал не только о славе политического деятеля, но и о жизни искателя приключений, полной тревог и опасностей (в те годы он никак не мог предвидеть, какие приключения ему придется пережить на островах Океании, островах, которые, он представлял себе населенными свирепыми людоедами, живущими на лоне пышной тропической природы, похожей на плохую олеографию). Многие сближало молодого журналиста с писателем, за исключением пристрастия Груссе ко всему таинственному и ужасному, которого никак не разделял Жюль Верн.

Элизе Реклю, с кроткими голубыми глазами ребенка и львиной гривой, падающей на воротник, тоже был частым посетителем особняка в Отейле. Выходец из народа, Реклю хорошо понимал душу простых людей разных стран. Он рассказывал о том, как изучал географию Европы на собственном опыте: он учился в Германии и во время каникул отправлялся на родину повидаться с родными пешком — не было денег на дорогу. Он шел пешком босой, держа на плече палку, к которой были привязаны башмаки, чтобы сохранить их в целостности для парадных случаев. Его сопровождала верная собака Лизио, и ежедневный бюджет обоих был ограничен тремя су, которые обычно расходовались так: в придорожной харчевне Элизе заказывал суп и хлеб, и оба путника честно делили этот обед пополам: Лизио получала суп, а хозяин довольствовался хлебом, который он съедал, запивая чистой водой.

Реклю рассказывал о дикой и прекрасной природе Южной Америки, по которой он недавно путешествовал, о великих и грозных явлениях природы — смерчах, ураганах, опустошительных наводнениях, горных лавинах. Но с наибольшей страстью он говорил о людях, так называемых «дикарях», слывущих людоедами, которые радушно принимали одинокого путника, приходящего к ним без всякого оружия. Элизе Реклю был первым географом, который ввел в эту великую науку человека. Недаром свои поэтически написанные книги он озаглавил «Земля и люди» и «Человек и земля».

Но Элизе Реклю был не только ученым, путешественником и писателем. Он был также фанатиком свободы, отрицавшим всякую власть. Он страстно ждал всеобщего восстания народов против всякого рода

тиранов и угнетения. Так же как и Груссе, он был связан с революционными кругами французских рабочих, ремесленников, интеллигентов, был членом Интернационала, в годы своей лондонской эмиграции принимал участие в работе его Генерального совета и встречался с Марксом.

Но и этот замечательный человек был одержим все той же идеей — идеей связи научного и технического прогресса с неминуемой победой грядущей великой социальной революции. Поэтому даже создание научного социализма он рассматривал в ряду других великих открытий. «Интернационал! — говорил он. — Со времени открытия Америки и кругосветного плавания не было факта более значительного в истории человечества. Колумб, Магеллан, дель Кано первые установили материальное единство земли; будущее же идеальное единство, о котором мечтали философы, начало осуществляться с того самого дня, как английские, французские и немецкие рабочие, забыв о национальных различиях и понимая друг друга, несмотря на различие языка, объединялись для того, чтобы образовать свою особую, единую нацию, наперекор своим правительствам».

Вероятно, от Элизе Реклю Жюль Верн впервые услышал имя Карла Маркса и познакомился с его идеями. Но, будучи в плену идей утопического социализма, писатель и учение Маркса воспринял как продолжение идей Фурье, Сен-Симона, Оуэна, Кабе. Во всяком случае, именно в таком ряду мы встречаем имя Маркса в творчестве Жюль Верна — в одном из посмертных его романов.

В эти же годы. Жюль Верн познакомился со скромной учительницей Луизой Мишель. В школе одного из парижских предместий она учила детей бедняков революции — так, как другие учат закону божию. В ее крохотной квартирке на Монмартре, обставленной более чем со спартанской простотой, словно вечно тлеющее скрытое пламя, готовое вырваться наружу. Луиза Мишель не была красива: с большим смелым носом, покатым лбом и с прямыми, как палки, черными волосами, которые она постоянно забывала причесать. Дурно одетая, с резкими мужскими манерами, она казалась непривлекательной мало знакомым с ней людям. Но когда она говорила о неминуемой очистительной революции, о мести тиранам, о фантастической технике будущего, то в ее расширившихся серых глазах, занимавших, казалось, все лицо, горело такое пламя, что прозвище «Красная дева», данное ей позже, в дни Коммуны, становилось не только понятным, но и единственно возможным.

На стыке всех этих влияний, на скрещении всех ветров эпохи

формировался новый замысел писателя. Это был план огромной трилогии, которой суждено было стать вершиной творчества Жюль Верна. Первые две части — «Дети капитана Гранта» и «Двадцать тысяч лье под водой» — вышли в свет в 1867 и 1870 годах; третья — «Таинственный остров» — в 1874 году.

Герои его первых романов ни на кого не опирались, кроме маленькой кучки единомышленников или друзей. Они предпринимали свои необыкновенные путешествия за свой страх и риск и были такими же одиночками, как и сам Жюль Верн в те годы.

Герои трилогии отличаются существенно новыми чертами. Если это путешественники, они уже остро протестуют против различных форм встречающегося им национального и колониального гнета. В своих скитаниях они видят множество примеров могущества, одаренности и труда человека любой нации, с любым цветом кожи, и выражают сочувствие его борьбе за свободу.

Если это изобретатели или люди науки, то их творческая деятельность направлена уже не на достижение счастья человечества в отдаленном будущем, а служит непосредственно насущным задачам трудового человеческого коллектива или делу освобождения угнетенных, борьбе против ненавистного Жюль Верну колониального гнета, делу свободы.

Свобода! Как часто встречается это слово на страницах книг французского писателя. «Море, музыка и свобода — вот все, что я люблю», — сказал однажды Жюль Верн своему племяннику.

Трилогия открывает новый период в творчестве Жюль Верна, его корабль из Моря неизвестности выходит на океанский простор настоящих земных морей. Элементы реализма, которые так отличали романы Жюль Верна от всех других книг этого жанра, крепнут. Отныне вся пестрая жизнь мира бьется в тесные рамки его «Необыкновенных путешествий». На смену одиноким героям приходят целые народы...

Началом всех этих последующих произведений писателя был роман «Дети капитана Гранта».

Шотландский лорд находит в океане бутылку, брошенную потерпевшим кораблекрушение капитаном Грантом. Лорд Гленарван снаряжает экспедицию на поиски несчастного моряка. Экспедиция странствует вокруг света по трем океанам, испытывая всевозможные приключения.

Описание этих путешествий и посещаемых стран, их флоры, фауны, их населения включало в себя массу сведений по истории географической науки.

Но это не только приключенческий, не только географический роман.

Гленарван и его спутники отправляются отыскивать не просто потерпевшего крушение моряка, а такого, о котором не хочет ничего знать английское адмиралтейство. Кто же такой Грант? Это мятежный шотландец, не признающий английского владычества над своей родиной. Подобно своему соотечественнику, социалисту-утописту Роберту Оуэну, капитан Грант отправился за море, чтобы основать свободную шотландскую колонию на островах Тихого океана. Гленарван и его спутники разделяют презрение и ненависть Гранта к угнетателям и его национально-освободительные мечты. В этом именно смысле все они «дети капитана Гранта».

«— Грант! — воскликнул Гленарван. — Этот бесстрашный шотландец, который хотел основать Новую Шотландию в водах Тихого океана!»

Эта Новая Шотландия — та утопия, «страна, не существующая нигде», которую искал вместе со спутниками Гленарвана сам Жюль Верн.

Роман «Дети капитана Гранта» — гневный протест против порабощения свободных народов. Как равные белым героям, показаны индеец Талькав и австралийский туземец Толине. И всем им противостоит еще молодой в те годы, но уже жестокий английский империализм (по цензурным соображениям, писатель не мог говорить о наполеоновской Франции).

«...Британская политика направлена к уничтожению туземных племен, — писал Жюль Верн, — к изгнанию их из тех местностей, где жили их предки... Такая пагубная политика проводилась англичанами во всех их колониях, а в Австралии более чем где-либо. В первые времена колонизации ссыльные, да и сами колонисты, смотрели на туземцев, как на диких зверей. Они с ружьями охотились на них и, убивая их, доказывали, ссылаясь на авторитет юристов, что раз австралиец вне закона, то и убийство его не является преступлением. Сиднейские газеты предложили даже радикальное средство избавиться от туземных племен озера Хантер, а именно — массовое отравление.

Как видим, англичане, овладев страной, призвали на помощь колонизации убийство. Жестокости их были неописуемы. Они вели себя в Австралии так же, как в Индии, где исчезло пять миллионов индийцев, так же, как в Капской области, где из миллиона готтентотов уцелело всего сто тысяч. Понятно, что австралийское туземное население в результате таких жестоких мер, а также вследствие пьянства, которое насаждается колонизаторами, постепенно вырождается и вскоре под давлением смертоносной цивилизации совершенно исчезнет...

Правда, бывали губернаторы, издававшие против кровожадных лесопромышленников постановления, в силу которых белый, отрезавший нос или уши чернокожему либо отрубивший у него мизинец, чтобы «прочистить им трубку», подвергался нескольким ударам кнута. Тщетные угрозы! Убийства совершались в огромных размерах, и целые племена исчезали с лица земли. Для примера можно указать на остров Ван-Дименова земля. Здесь в начале XIX века было пять тысяч туземцев, а в 1863 году их осталось семь человек. А недавно «Меркурий» сообщил о том, что в город Гобарт явился последний из тасманийцев».

Это уже не были фантастические миры — заоблачный, подземный и межзвездный. Это была та реальная жизнь, что окружала писателя.

Жюль Верн достиг вершины. Перед ним смутно сияли будущие пути, дальние страны, темно-синие и мутнозеленые моря, подернутые романтической дымкой. Какой близкой казалась мечта детства об океанском просторе, по которому можно доплыть куда угодно, даже в Страну будущего!..

«Капитан Верн»

В маленькой рыбацкой деревушке Ле Кротуа, лежащей в устье Соммы, в пяти километрах от открытого моря и в пятидесяти от Амьена, ранней весной 1866 года появился новый обитатель.

Это был статный мужчина небольшого роста, похожий на капитана дальнего плавания, светлоглазый и светловолосый. Вместе с четырехлетним сыном Мишелем незнакомец поселился на самом берегу в крохотном домике — не больше фургона для перевозки мебели. Из окон этого жилища открывался широкий вид на песчаные дюны, покрытые редкой травой, крохотные лодочки рыбаков, вытащенные на прибрежный песок, и холодное зеркало Ла-Манша.

Незнакомец очень скоро подружился с двумя рыбаками, пенсионерами французского военного флота. Александр Лелонг, или просто Сандр, бывший боцман, был участником крымской, и итальянской кампаний. Биография Альфреда Берло была более запутанной: по его словам, он объехал весь свет — все известные и неизвестные его части, — сражался с дикарями и даже побывал в плену у канаков, которые собирались его съесть...

Новые друзья учили мальчика ловить креветок и рассказывали своему

гостю нормандские легенды и старинные матросские небылицы о морском змее. Они показывали ему то место, откуда отправился в свое последнее плавание амьенский инженер Пети, построивший подводный корабль и погибший на нем в 1850 году.

Креветки были главной добычей местных рыбаков. Они называли свои лодки с открытой кормой и широким корпусом «кузнечиками». Одна из таких шхун стояла на якоре, недалеко от берега, а на рее у нее красовалось объявление: «Продается. Спросить у мсье Рене».

Незнакомец заинтересовался. Старый Сандр был призван в качестве советчика и консультанта, и после его тщательного и придирчивого осмотра и долгой торговли сделка была совершена. С помощью местного плотника, единственного в Ле Кротуа, меньше чем в месяц рыбацья лодка была превращена в некоторое подобие яхты. В честь небесного покровителя нормандских рыбаков, а может быть, здесь всплыло воспоминание об учительнице с Монмартра, суденышко получило имя «Сен-Мишель», чему немало радовался маленький сын нового хозяина, а на первой странице судового журнала корабля гордо красовалась надпись: «Судовладелец и капитан — Жюль Верн».

Писатель в это время находился на вершине своей славы. Его герои уже совершили путешествия на воздушном шаре в Центральную Африку, побывали в центре Земли, облетели вокруг Луны. Вместе с капитаном Гаттерасом они открыли Северный полюс и в поисках капитана Гранта объехали вокруг света. Теперь сам писатель стал капитаном, и это звание в иные минуты было для него, быть может, дороже его литературной славы.

Его любимый корабль представлял собой соединение яхты и рыбацья лодки. Если для жителей Ле Кротуа «Сен-Мишель» все еще оставался «кузнечиком», то для нового владельца это было воплощение многолетней мечты, ставшие реальными грезы детства и юности.

Восемь тонн водоизмещения, впереди кубрик — вернее, дыра для команды, на корме — каюта для капитана и пассажиров высотой и шириной меньше полутора, длиной около двух метров, разве этого мало для человека с воображением? Правда, обставлена каюта была не слишком роскошно: две лавки с тюфяками из морской травы — сиденья днем и спальные койки ночью, доска на шарнирах, заменяющая письменный стол, и висячий шкаф, где хранились судовой журнал и «корабельная библиотека», состоящая из астрономического альманаха, морских карт и нескольких географических словарей...

В матросском берете и простой блузе из толстого синего сукна или вязаной фуфайке в ясные дни, в непромокаемом плаще и клеенчатой

рыбацкой шляпе в непогоду, «капитан Верн» вел журнал плавания, определял по солнцу местоположение судна и наносил его на карту, следил за «хронометром» и, стоя на крохотном «мостике», как было принято именовать палубу, с достоинством командовал своим экипажем, состоящим все из тех же двух рыбаков — Лелонга и Берло, молчаливо вззирающих на мир с флегматичностью истых морских волков.

Очень часто встречные корабли первыми салютовали маленькому паруснику, храбро пробирающемуся между волнами, а капитаны пакетботов выкрикивали в рупор слова приветия. Эти знаки внимания относились, конечно, не к «Сен-Мишелю», а к его владельцу. И «капитан Верн» неизменно вежливо отвечал им, салютуя своим собственным флагом — трехцветным со звездой.

Порядок на судне царил образцовый, матросы беспрекословно исполняли приказания своего командира, но лишь до поры до времени. Стоило разразиться шторму, как седой Сандр брал на себя команду, а разжалованный капитан вместе с Альфредом крепил паруса, тянул снасти, становился у штурвала, подчиняясь всем приказаниям, произносимым хриплым голосом старого морского волка...

Экипаж обожал своего капитана, «у него только один недостаток, — говаривал Сандр, — он ничего не понимает в рыбной ловле и не считает рыбу пойманной, до тех пор пока она не очутилась у него на вилке. Он, правда, не запрещает нам забрасывать удочки и даже сети, но в «Сен-Мишеле» есть, должно быть, что-то роковое. Когда мы ловим со своих рыбацких судов, то ловим любую рыбу, она хватает всякую приманку. Тут, на яхте, корми ее хоть трюфелями, — не берет! И при каждой нашей попытке он еще смеется над нами».

«Однажды, когда «Сен-Мишель» лавировал у мыса Антифер, мы забросили свои удочки, и, наконец, рыба клюнула. Удочка дрогнула, мы вытащили ее, и на крючке оказалась крупная макрель — первая макрель, которую нам удалось увидеть со дня отплытия. Вы представляете себе, как мы были довольны! Мы поглядели на капитана, торжествуя, что убедили его наконец. Он улыбался и молчал. Макрель лежала на палубе. Альфред взял ее за жабры и хотел снять с крючка. Бац! Этот дьявол вдруг ударил хвостом, отцепился сам от крючка и прыгнул за борт. Такая досада! А капитан надрывался от смеха. Так мы и не доказали ему, что не только та рыба твоя, которая у тебя на вилке!»

Когда наступала осень, писатель с помощью экипажа и местных рыбаков вытаскивал свою яхту на берег и отправлялся в Париж. Но каждую весну он неизменно снова возвращался в рыбацью деревушку Ле Кротуа.

«Сен-Мишель» обычно крейсировал вдоль побережья, от берегов Бретани на юге до северных берегов Франции, заплывая иногда в бельгийские и голландские воды. Изредка он даже отваживался пересекать пролив и посещать меловые берега Англии. Однажды во время подобного рейса у устья Темзы мимо них промчалось чудовищное видение — корабль с пятью трубами и шестью мачтами, знаменитый и несравненный «Грейт Истерн».

Во время этих летних плаваний на любимой яхте Жюль Верн, сидя в своей тесной, похожей на карцер, каюте, много работал. И в ясные утра, когда первый луч восходящего солнца, пронизывающий толщу океана, окрашивает все в зеленый цвет, в прозрачные вечера, свежие от берегового бриза, в короткие летние ночи, украшенные жемчужной лентой Млечного Пути и вышитые созвездиями, в долгие дни, — одни лишь моряки знают, какими длинными они кажутся, — писателя посещали мечты.

О чем мог он думать, лежа на палубе, рядом с маленькой медной пушкой, предметом любви и гордости маленького Мишеля? Что чудилось ему, когда он пристально всматривался в зеленые волны? Видел ли он в глубине моря необыкновенный подводный корабль в ореоле электрического сияния? Проносились ли над его головой чудесные воздушные и межпланетные корабли? Или он рисовал в своем воображении идеальный остров-коммуна где-то в Тихом океане или преображенный мир будущего?

«Когда-нибудь я совершу путешествие на нем», — написал Жюль Верн, увидев в Лондоне строящийся корабль «Грейт Истерн». Прошло восемь лет. Он уже был капитаном и судовладельцем, но его мореходный опыт ограничивался лишь прибрежными морями. А мечта о кругосветном путешествии? Она все еще оставалась мечтой.

Но Жюль Верн был упрям и умел ждать. И, наконец, настал день, когда он отправился в заокеанское плавание — самое большое путешествие в своей жизни, — на самом большом в мире корабле.

27 марта 1867 года в лондонском «Таймсе» появилось следующее сообщение:

«Грейт Истерн» отправился из устья Мерсей в Нью-Йорк вчера, в полдень... На борту его находится значительное число пассажиров, среди которых м-р Сайрес Филд и м-р Уоррен Барбер, директора «Грейт Истерн Стимшип Компани».

Чопорная английская газета считала достойными внимания читателей лишь лиц, занимающих официальное положение. Она не сообщила, что в числе 1 300 пассажиров гигантского корабля был всемирно известный писатель Жюль Верн.

«Грейт Истерн», настоящее чудо техники своего времени, сделал всего лишь двадцать рейсов между Англией и Америкой. Невозможно было набрать на каждый рейс три тысячи пассажиров, составляющих комплект этого огромного плавающего города, и корабль был заброшен. О нем вспомнили только тогда, когда начались неудачи с прокладкой подводного телеграфного кабеля между Старым и Новым Светом. Десять лет инженер Сайрес Филд, главный организатор и вдохновитель работ, терпел неудачи. Тогда он вспомнил о «Грейт Истерне»: лишь он Один мог вместить 3 400 километров проволоки, весившей четыре с половиной тысячи тонн. На корабле были поставлены огромные резервуары с водой, где проволока предохранялась от доступа воздуха и прямо из этих пловучих озер поступала в океан. В 1866 году кабель, наконец, был проложен, и президент Соединенных Штатов Эндрю Джонсон послал английской королеве Виктории первую телеграмму с текстом из евангелия: «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение»...

В следующем 1867 году, в связи с открытием новой всемирной выставки, «Грейт Истерн» был снова переоборудован и отделан с небывалой роскошью; он превратился в настоящий пловучий дворец для предполагаемых заокеанских посетителей. Первый его рейс после ремонта превратился в настоящее событие.

В эту зиму Жюль Верн очень много работал. Кроме очередного романа из серии «Необыкновенные путешествия», он взялся за очень крупное предприятие: географ Теофиль Левалле, начавший большую работу по изданию огромной «Иллюстрированной географии Франции», умер в самом ее разгаре, и Этсель предложил своему лучшему автору закончить книгу: имя Жюля Верна было бы для нее лучшей рекламой, и поэтому издатель готов был платить щедро. Жюль Верн долго колебался, прежде чем дал согласие: труд был тяжелый, ремесленный, но он сулил в будущем независимость. «Эта дополнительная работа даст Онорине несколько тысяч франков, необходимых, для того чтобы нанять новый дом и немного приодеться, — писал он отцу, — мне же позволит совершить вместе с Полем путешествие на «Грейт Истерне», о котором я последнее время прожужжал тебе все уши...»

Поль Верн насчитывал за своими плечами уже двадцать лет плавания по морям. Океан стал его родиной, и он очень редко ступал на твердую землю и еще реже мог видаться со своим братом. Неразлучные в детстве, братья много лет мечтали о том, чтобы как-нибудь провести свой отпуск вместе. И вот, наконец, полные радости, как школьники, вырвавшиеся на каникулы, два брата, два «капитана Верна», стояли на набережной

Ливерпуля, пытаясь что-либо рассмотреть сквозь утренний туман.

Маленький пароходик, предназначенный для перевозки пассажиров, принял, наконец, братьев на борт и ровно в семь утра отчалил от берега.

«Грейт Истерн» стоял на якорях почти в трех милях от Ливерпуля, вверх по реке, — так рассказал об этой памятной встрече Жюль Верн. — С набережной Нью-Принс его не было видно. Только когда мы обогнули берег в том месте, где река делает поворот, он появился перед нами. Казалось, что это был небольшой остров, наполовину окутанный туманом. Сначала мы увидели только носовую часть корабля, но когда пароход наш повернул, «Грейт Истерн» предстал перед нами во всю свою величину и поразил нас своей громадностью. Около него стояло три или четыре угольщика, которые ссыпали ему свой груз. Перед «Грейт Истерном» эти трехмачтовые суда казались небольшими баржами. Трубы их не доходили даже до первого ряда бортовых отверстий, а брам-стенги не превышали его бортов. Гиганту ничего не стоило взять их в качестве паровых шлюпок. Тендер наш все приближался к «Грейт Истерну» и, наконец, подойдя к бакборту корабля, остановился около широкого трапа, спускавшегося с него. Палуба тендера пришлась в уровень с ватерлинией «Грейт Истерна», на два метра поднимавшейся над водой вследствие его неполной нагрузки».

Заметки, беглые зарисовки и цифры заполняли записную книжку писателя. В первый день он сделал лишь самую лаконичную характеристику корабля:

Длина — больше двух гектометров (630 футов).

Тоннаж — 18 915.

Пассажиров — 2 186.

Мощность машины — 11 000 л/с.

Давление пара — 30 ф. на кв. дюйм.

Скорость — 13 узлов.

Мачт — 6.

Труб — 5.

Стоимость — 750 000 фунтов стерлингов.

Поль, для которого само путешествие по морю было скучными буднями, ухаживал за красивыми пассажирками, организовывал игры, эксцентрические концерты и танцы с переодеваниями, принимал участие в любительских спектаклях... Жюль же был озабочен поисками среди команды людей, принимавших участие в прокладке кабеля. Он хотел знать все о жизни в морских глубинах, о течениях, приливах и тайфунах. Он

добился интервью у самого Сайреса Филда, хотя трудно сказать, кто из двоих больше восхищался своим собеседником: создатель ли «необыкновенных путешествий» или знаменитый автор «длинного кабеля», как считают некоторые, прототип главного героя тогда еще не написанного «Таинственного острова».

Вечерами писатель отправлялся на «бульвар» — так он шутливо называл палубу; он кичился, что, как истый парижанин, не мыслит жизни без бульваров, и, опершись на поручни, глядел на безбрежное море.

«В воздухе чувствовался острый запах морской воды, волны были покрыты пеной, в которой в виде радуги отражались преломленные лучи солнца. Внизу работал винт, свирепо разбивая волны своими сверкающими медными лопастями.

Море казалось беспредельной массой расплавленного изумруда. Бесконечный след корабля, беловатой полосой выделявшийся на поверхности моря, походил на громадную кружевную вуаль, наброшенную голубой фон. Белокрылые чайки то и дело проносились над нами...»

Когда открылись американские берега, пассажиры стали ожидать лоцмана.

Начались безумные пари американцев, возвращающихся на родину:

— Десять долларов за то, что лоцман женат!

— Двадцать, что он вдовец!

— Тридцать, что у него рыжие бакенбарды!

— Шестьдесят, что у него на носу бородавка!

— Сто долларов за то, что он вступит на палубу правой ногой!

— Держу пари, что он будет курить!

— у него будет трубка во рту!

— Нет, сигара!

— Нет! Да! Нет! — раздавалось со всех сторон.

Наконец столь нетерпеливо ожидаемый лоцман прибыл. Он был маленького роста и совсем не походил на моряка. На нем были черные брюки, коричневый сюртук с красной подкладкой и клеенчатая фуражка. В руках он держал большой дождевой зонтик.

Его встретили радостные приветствия выигравших и крики неудовольствия проигравших.

Оказалось, что лоцман был женат,
что у него не было бородавки и что усы у него светлые.
На палубу же он спрыгнул обеими ногами.

За его спиной, там, совсем рядом, лежал Новый Свет.

Корабль ошвартовался у нью-йоркской набережной 9 апреля. Братья остановились в отеле «Пятое Авеню». Им предстояло осмотреть Америку в одну неделю.

Дни эти пролетели стремительно. Путешественники посетили Албани, Рочестер, Буффало и пересекли канадскую границу. В общем они сделали за эту неделю больше километров, чем многие нью-йоркские жители за всю жизнь. Они успели даже посмотреть в театре Финеаса Барнума сенсационную драму «Улицы Нью-Йорка». В четвертом акте ее был изображен пожар, который тушили настоящие пожарные с применением парового насоса. «Этим, вероятно, и объясняется успех пьесы», — иронически записал Жюль Верн.

Но зато Ниагара привела его в восторг.

«Эта местность — одна из прекраснейших в целом мире; тут природа соединила все, чтобы блеснуть своей красотой. На повороте Ниагара отличается удивительно разнообразными оттенками. Около острова вода покрыта белой пеной, похожей на снег; в центре водопада она зеленого цвета морской волны, что доказывает значительную глубину ее в этом месте; около же канадского берега она имеет вид расплавленного золота. Внизу, сквозь тучи брызг, можно рассмотреть огромные льдины, похожие на чудовищ, в раскрытой пасти которых исчезает Ниагара. В полумиле от водопада река опять спокойна, и поверхность ее покрыта льдом, не успевшим еще растаять от первых лучей апрельского солнца».

В полдень 16 апреля «Грейт Истерн» отправился в обратный путь. К величайшему неудовольствию компании, на борту его находился всего лишь 191 пассажир.

Через две недели корабль ошвартовался в Бресте, а еще через два дня Жюль уже был в Ле Кротуа, где его ждала Онорина с детьми и «Сен-Мишель» на якоре, готовый к новому плаванью.

Капитан Берн вступил на мостик своего корабля походкой старого морского волка. Шутка ли, он за месяц два раза пересек океан и сделал много тысяч миль на самом большом судне в мире!.. Но когда он поднял на мачте свой флаг — трехцветный со звездой, — он вдруг почувствовал, что «Сен-Мишель» не может сравниться ни с одним парусником или пароходом земного шара, потому что это был его корабль.

«Теперь, когда я сижу за своим письменным столом, — записал он, — мое путешествие на «Грейт Истерне» и дивная Ниагара могли бы показаться мне сном, если бы передо мною не лежали мои путевые заметки.

Нет на свете ничего лучше путешествий!»

Гений моря

Ранней весной 1868 года «Сен-Мишель» снова снялся с якоря. Его видели далеко в открытом море и в маленьких рыбацких деревушках устья Соммы. Дважды он пересекал Ла-Манш и снова возвращался к берегам Франции. Он рыскал то туда, то сюда, казалось, потеряв направление, и почти всегда его «капитанский мостик» был пуст: только трехцветный флаг со звездой говорил о том, что капитан Берн находится на борту... Он почти не покидал каюты и, только когда его усталые глаза отказывались служить, позволял себе подняться на несколько минут на палубу. А на откидной доске, заменяющей стол, каждый день росла стопка листов, исписанных карандашом мелким ровным почерком.

«1866 год ознаменовался странным событием, которое, без сомнения, до сих пор еще памятно многим, — так начиналась рукопись. — Это событие встревожило в особенности моряков... Дело в том, что с некоторого времени многие корабли встречали в море что-то огромное, какой-то длинный веретенообразный предмет, порою светившийся в темноте, своими размерами значительно превосходивший кита и поражавший быстротою своих движений».

На первой странице было выведено заглавие: «Путешествие под

водой».

Мечта о море не могла быть страстью, пока не превратилась в действительность. Замечательный роман «Дети капитана Гранта» был все же произведением жителя суши. Новая книга Жюль Верна была рождена не картой полушарий и не географическим лексиконом. Мятежный дух моря бьется в тесные рамки каждой страницы, и никакая сила воображения не смогла бы заставить голос океана так петь в наших ушах, если бы автор не прослушал. эту песню один на один со стихией. Жюль Верну было в это время сорок лет — вершина его позднего расцвета, и все свои силы, все мечты, что накопились за много лет, он вложил в эту самую любимую, быть может, свою лучшую книгу.

Подводный корабль капитана Немо тоже не был плодом одного воображения. Он имеет свою длинную историю, которую подлинный его конструктор изучал в эту зиму в светлом зале большого здания на улице Ришелье.

Служащие Национальной библиотеки не успевали выполнять заказы своего постоянного посетителя. Его излюбленный стол в дальнем углу зала был завален пожелтевшими, старыми томами, картами, техническими справочниками, журналами, газетами. Жюль Верн со страстью исследователя искал предков своего подводного корабля, который медленно строился в его воображении.

В старом морском журнале за 1820 год он нашел статью лейтенанта Монжери, который описал первые в мире «подводные лодки».

Запорожские казаки, засевшие в своей неприступной Сечи на острове Хортица, издавна славились своей выдумкой и военными хитростями. Побывавший у них французский иезуит Фурнье рассказал о «подводных пирогах», которыми запорожцы пользовались во время своих набегов. Просмоленный челнок перевертывался, причем к бортам его для погружения привязывались мешки с песком. Оставшегося под дном лодки воздуха было достаточно, чтобы под ее прикрытием несколько человек могли незаметно подобраться по неглубокому месту к ничего не подозревавшему противнику.

Затем Жюль Верн стал листать запыленные отчеты английского Королевского общества. В 1620 году работавший в Англии голландский ученый Корнелиус ван Дреббель построил для короля Якова настоящую подводную лодку. Это была длинная бочка, обтянутая кожей и снабженная кожаными мехами. Для погружения в мехи пускали воду, и лодка уходила вниз. Чтобы всплыть, достаточно было выкачать воду из мехов. Пятнадцать человек команды приводили ее в движение обыкновенными веслами.

Первое подводное судно могло опускаться на глубину в 4–5 метров и довольно долго оставаться под водой, но практического значения оно не имело никакого. Некоторое время придворные забавлялись подводными прогулками, и даже сам король однажды отважился совершить с ван Дреббелем путешествие под водами Темзы. Однако смерть изобретателя остановила его работу.

Англичане и голландцы после работ ван Дреббеля делали целый ряд попыток и создали много неудачных проектов и моделей. Английский изобретатель Дей даже погиб при испытании своего 30-тонного судна — это была первая жертва подводного плавания. Прошло полтора столетия, прежде чем был построен настоящий подводный корабль.

Американский инженер Башнелл, талантливый изобретатель, создал свой корабль не для развлечения, а для войны. Его вдохновляла любовь к родине, сбросившей с себя ярмо английского владычества. Он был фанатиком свободы и через много лет, при первых же зорях французской революции, переплыл океан, чтобы погибнуть в сражениях с врагами молодой республики.

«Черепашка» Башнелла была первой в мире металлической подводной лодкой. Ее корпус, похожий на огромное яйцо, состоял из двух железных половинок, свинченных болтами. Входной люк был закрыт медным колпаком со стеклянными окошечками. За шестьдесят лет до появления винтовых судов изобретатель применил на своем корабле не весла или колеса, а гребной винт, но, не имея другого двигателя — ведь в те годы даже на больших судах не удавалось установить паровую машину, — он вынужден был вращать винт вручную.

Экипаж «Черепашки» состоял из командира, минера и матросов. Все эти должности занимал лишь один человек — сержант Эзра Ли, первый в мире подводник.

В темную февральскую ночь 1777 года английская эскадра, стоящая на рейде Нью-Йорка, была атакована «Черепашкой». Первая в мире подводная мина, взорвавшаяся близ борта флагманского корабля «Орел» («Игл»), однако, не принесла ему вреда, а подводное судно при этом взрыве погибло.

В 1797 году в разгар революционной войны Франции против Англии, американский инженер Роберт Фультон представил французскому республиканскому правительству проект подводного судна. «При помощи моей подводной лодки, — писал он, — можно заставить англичан не только снять блокаду с французских берегов, но, может быть, даже перенести самый театр военных действий на берега Великобритании...»

Корабль Фультона был удлиненной, сигарообразной формы; его медный корпус был скреплен железным каркасом. Гребной винт вращали четыре человека, а когда судно поднималось на поверхность, то складная мачта с парусом превращала его в обычный надводный корабль.

В тропических морях существует моллюск, живущий в спирально закрученной раковине и умеющий погружаться и всплывать, меняя объем внутренних камер своего жилища, раскрыв свою кожистую мантию, он может довольно быстро двигаться по ветру. Моллюск этот носит название «кораблик», или, по-латыни, «Наутилус». Это название Фультон и избрал для своего корабля.

В 1800 и 1801 годах в Париже, на Сене, а также в Гавре и Бресте происходили испытания подводного корабля. «Наутилус» опускался на глубину в сорок ветров; впервые примененный Фультоном сжатый воздух в стальных баллонах позволял ему держаться под водой четыре часа. Подводной миной, которую Фультон назвал торпедой, была взорвана старая баржа, стоявшая на рейде Гавра...

Однако Фультон и его помощники, работая как гребцы, не могли двигать корабль со скоростью больше трех километров в час. Выйдя в поисках противника в открытое море, «Наутилус» не смог угнаться за быстроходным английским парусником. Освещение этого подводного судна составляла... обыкновенная сальная свеча!

Генерал Бонапарт, впоследствии император Наполеон, стоявший в те годы во главе Франции, на докладе комиссии, в которую входили знаменитые ученые Лаплас и Монж, наложил следующую резолюцию:

«Дальнейшие опыты с подводной лодкой американского гражданина Фультона прекратить».

Но это не было ни концом работ Фультона, ни гибелью идеи. «Наутилус» продолжал жить в умах изобретателей. В 1810 году братья Куэссен построили новый подводный корабль по чертежам Фультона и снова назвали его «Наутилус», но судно погибло по неизвестной причине при первом же погружении.

Пятьдесят лет прошло в опытах и испытаниях. Подводные лодки строились в России, Англии, Америке и даже в Испании. Был проект организации бегства Наполеона с острова Святой Елены на подводной лодке. Но все эти суда были подлинными потомками ван дреббеловской лодки: весла и паруса, в лучшем случае винт, приводимый в движение вручную, — вот и все их нехитрое машинное оборудование. Нет, это не были «Наутилусы», но лишь «черепахи» или, вернее, морские кроты, обреченные на подводную слепоту.

Но эти незрелые творения человеческого гения, еще не научившиеся ходить, уже были обречены сражаться. Полуподводные торпедные лодки «давиды» участвовали в американской гражданской войне, и одна из них, «Ханли», 17 февраля 1864 года в Чарльстонской гавани взорвала двенадцатипушечный шлюп «Хаузатоник», с командой в триста человек. Жюлю Верну особенно запомнилась деталь: маленький «давид», пожертвовавший своей жизнью, был втянут хлынувшей водой в пробоину и, словно протаранив корпус гиганта, вместе с ним опустился на дно бухты.

А совсем недалеко от Национальной библиотеки, в Морском музее, помещающемся в Луврском дворце, Жюль Верн мог воочию видеть последнее слово подводной техники — модель корабля-гиганта «Плонжер» («Водолаз»).

Спроектированный адмиралом Буржуа и построенный инженером Шарлем Брюн, «Водолаз», спущенный на воду в Рошфоре в 1863 году, был для своего времени настоящим чудом техники. Он был огромен — 45° тонн водоизмещения! — снабжен горизонтальными рулями, вооружен шестовой миной и, впервые в мире, имел механический двигатель, но...

Двигатель, приводимый в действие сжатым воздухом, мог обеспечить скорость всего лишь в четыре узла, а запаса воздуха хватало всего лишь... на полтора часа, и, как и все его подводные предки, «Водолаз» был слеп.

Опыты с этим подводным судном были прекращены в 1866 году, но великолепно сделанная модель осталась в музее. Жюль Верн неоднократно изучал ее, припав к стеклу витрины. От его внимательного взора не ускользнула даже такая деталь, как маленькая «дочерняя» подводная шлюпка, которую можно было убирать в корпус корабля, способная самостоятельно всплывать на поверхность.

Нет, подводное судно не было идеей Жюля Верна; он даже не был первым, кто ввел эту тему в литературу. Подводный корабль уже фигурировал в «Новой Атлантиде» Бекона, и всего лишь за несколько лет до того, как была начата работа над рукописью, озаглавленной «Путешествие под водой», в Париже вышла никем не замеченная книга Роберта Рангад «Под волнами», снабженная подзаголовком: «Необычайное путешествие доктора Тринитуса на подводном корабле «Молния».

Нужно ли зачислить чудодейственную «Молнию» в список предков великого «Наутилуса» французского романиста? Попробуем вчитаться в эту маленькую, ныне всеми забытую книжечку.

«Они увидели посреди комнаты блестящую медную машину величиною с вагон: она имела форму огромного яйца, несколько сплюснутого снизу и с боков. По сторонам было устроено по два больших

окна, служащих в то же время и дверями. Они состояли из цельных кусков стекла чрезвычайно толстого, но удивительно прозрачного. Снизу боков выходили широкие лопатки, похожие на плавники рыб, а под рулем, устроенным назади, находился архимедов винт».

Что же было сердцем этого удивительного корабля? Какая сила оживляла его и приводила в движение?

Голос доктора Тринитуса должен был звучать для ушей Жюля Верна почти как откровение — ведь это было сказано в середине XIX века:

«Под нашими ногами находится сила, которая движет лодку. Это огромные гальванические батареи, доставляющие громадное количество электричества. Большие спирали гораздо сильнее румкорфовских и во сто раз увеличивают силу тока».

«Молния», зрячая «Молния», одушевленная электрическими механизмами, не предназначалась для военных целей. Отправляясь в кругосветное путешествие в поисках жены и дочери, пропавших без вести, Тринитус мечтал и о научной работе.

«Мы будем иметь возможность спуститься в море столь же легко, как с помощью водолазного колокола», — говорил он своим спутникам. И действительно, подводные путешественники во время плавания, одевшись в автономные скафандры, покидали корабль и совершали необыкновенные экскурсии по дну океана. Они наблюдали за жизнью рыб и морских животных, присутствовали при извержении подводного вулкана и сражались с чудовищами.

Все это было настолько близко интересам Жюля Верна, что мечта Тринитуса не могла не стать его собственной мечтой.

«Я хотел на этой лодке пройти через полюс, плывя подо льдом», — говорит доктор Тринитус.

Как, разве Жюль Верн не был романистом-прорицателем, писателем-пророком, далеко заглянувшим в будущее и создавшим свой фантастический корабль задолго до рождения реальных подводных лодок? разве он не был пролагателем новых путей в науке?

Увы, нет! Приходится опровергнуть и эту легенду, быть может, наиболее живучую из всех. Но это разоблачение ничуть не унижает нашего героя, так как место легенды занимает правда, гораздо более высокая, и, отодвинув нарядные покровы, мы видим Жюля Верна гораздо более великого, чем знали до сих пор. Ведь литературный предок «Наутилуса» всего лишь на четыре года моложе весельной подводной лодки ван Дреббеля. В утопии Френсиса Бекона «Новая Атлантида» уже был описан океанский корабль, способный опускаться под воду и плавать под волнами,

где ему не были страшны ни ветры, ни бури. Так почему же должны были пройти два с половиной столетия до рождения «Наутилуса» Жюль Верна, ставшего бессмертным?

Да, Жюль Верн стоял в центре научных интересов и идей своего времени, он видел науку и технику не застывшими, а в тенденциях ее развития, которые он понимал лучше, чем многие его современники. Но ведь со времени опубликования романа о «Наутилусе» прошло три четверти века, техника неимоверно шагнула вперед, подводное плавание из первых попыток и романтической мечты давно уже превратилось в обыденность. Почему же именно подводное судно Жюль Верна, единственный из всех «Наутилусов», не стареет до сих пор? Почему роман великого мечтателя все еще не потерял своего обаяния, почему и в наши дни он чарует читателей всех стран?

Секрет Жюль Верна в том, что техника и человек составили у него одно неделимое целое. В центре повествования у него становится не бездушная машина, но действенная научная идея, душой которой является человек.

Человек — это не только ключ к произведениям Верна, но и пробный камень для всех подлинна художественных произведений любого жанра. Это универсальный ключ ко всей нашей гуманистической культуре. Именно поэтому «Наутилус» жив и в наши дни, — жив бессмертием своего создателя капитана Немо.

Герой нового романа Жюль Верна был не только гениальным изобретателем и инженером, географом и натуралистом. Это человек, противопоставивший себя всем жителям Земли, поклявшийся никогда не ступать ногой на сушу, приговоривший себя к пожизненному существованию под водой. Но, став обитателем мирового океана, капитан Немо не проклял своей тюрьмы. Океан стал для него целым миром, который он покорил силой человеческого ума и полюбил его как ученый и как борец за свободу всего человечества.

«— Вы любите море, капитан? — спрашивает создателя «Наутилуса» его спутник профессор Аронакс.

— О да, я люблю его, — отвечает Немо. — Море — это все. Оно покрывает семь десятых земного шара. Его испарения свежи и живительны. В его огромной пустыне человек не чувствует себя одиноким, потому что все время ощущает дыхание жизни вокруг себя. В самом деле, ведь в море есть все три царства природы: минеральное, растительное и животное...

Море — обширный резервуар природы. Жизнь на земном шаре

началась в море, и, кто знает, не в море ли она и кончится? В море высшее спокойствие... Море не принадлежит деспотам. На его поверхности они еще могут сражаться, истреблять друг друга, повторять весь ужас жизни на суше. Но в тридцати футах под водой их власть кончается. Ах, профессор, живите в глубине морей! Только здесь полная независимость, только здесь человек поистине свободен, только здесь его никто не может угнетать!»

Но кто же был он, таинственный незнакомец, назвавшийся латинским словом «Немо» — «никто»? Даже для других героев романа, своих спутников по подводному путешествию, он казался каким-то сверхчеловеком: «В моем воображении он гигантски вырос. Это был уже не человек, подобный всем людям, но какой-то таинственный обитатель вод, гений океана...»

Роман был написан уже наполовину, но тайна капитана Немо все еще была непроницаемой. И пока «Сен-Мишель» скитался по волнам или отстаивался в крохотных рыбачьих деревушках французского побережья, рукопись в каюте неуклонно росла... И осенью, прежде чем начались равноденственные бури, «капитан Верн» уверенной рукой повел свой корабль в устье Сены и затем вверх по ее течению. 20 августа 1868 года он причалил в самом сердце Парижа — у моста Искусств, где тысячи французов, собравшихся на набережной, приветствовали своего любимого писателя.

В этот день в кабинете Этселя в старом доме на рю Жакоб состоялись крестины: издатель торжественно дал имя новому детищу писателя и собственной рукой надписал на первом листе рукописи название: «Двадцать тысяч лье под водой».

Зиму Жюль Верн провел в Париже. И утром и днем его можно было застать за «его» столиком в Национальной библиотеке; только вечер он посвящал семье. А в апреле следующего года «Сен-Мишель», подновленный и подкрашенный, с начищенной медной пушкой и с командой в том же составе, уже вышел из гавани Ле Кротуа. Флаг со звездой развевался на мачте, сообщая всем, что «судовладелец и капитан» на борту.

Страшный призрак императорской Франции стоял перед глазами писателя все двадцать лет его парижской жизни. Очень скоро Жюль Верн понял, что либерализм «либеральной империи» — лишь кажущийся, что «социальные проекты» Наполеона только подлый прием, попытка предотвратить пробуждение политической активности рабочих и помешать их сближению с республиканской оппозицией. Полицейско-бюрократический режим империи оставался неизменным. И он не мог уйти

от этой действительности ни в облака, ни в полярные страны, ни в подземный мир, ни в межпланетное пространство, ни в глубину океана. Не мог, да и не пытался, — наоборот, он голосом капитана Немо говорил с народом Франции и всего мира: через головы парламентов, правительств, императоров и королей. Это был чистый, простой голос, звучащий в защиту свободы.

«— До последнего вздоха я буду на стороне всех угнетенных, и каждый угнетенный был, есть и будет мне братом!»

Так сказал капитан Немо, когда, рискуя своей жизнью, спас бедного водолаза-индийца из пасти хищной акулы. Сокровища, разбросанные по дну океана, он собирал не для себя:

«— Кто вам сказал, что я не делаю с их помощью добрых дел? Я знаю, что на земле существует неисходное горе, угнетенные народы, несчастия, требующие помощи, и жертвы, взывающие о мести! разве вы не понимаете, что...

Тут капитан Немо умолк... Но я уже и так все понял. Каковы бы ни были причины, заставившие его искать независимость под водой, но прежде всего он оставался человеком. Его сердце обливалось кровью от страданий человечества, и он щедрой рукой оказывал помощь угнетенным народам».

Помощь... Нет, этого было бы слишком мало для такого человека, как капитан Немо. Он был не только благодетель человечества, но борец и мститель за поруганные права людей. Да, человек неизвестной национальности, но гражданин свободного мира будущего. Все народы были ему близки, и лица борцов за свободу всегда смотрели на него со стен его кабинета. «Это были портреты исторических деятелей, посвятивших свою жизнь какой-либо великой идее. То были портреты: борца за свободу Польши Костюшко, Боцариса — Леонида современной Греции, О'Коннеля — борца за независимость Ирландии, Георга Вашингтона — основателя Северо-американского союза, Линкольна, павшего от пули фанатика-рабовладельца, и, наконец, мученика за дело освобождения негров от рабства Джона Брауна, вздернутого на виселицу...»

Среди этих имен нет ни одного француза. Но разве мог Жюль Верн говорить о борьбе за свободу Франции в ее самые черные дни? Ведь он хорошо знал, что ждало в наполеоновской Франции человека, осмелившегося воскликнуть: «Да здравствует республика!»

И, однако, даже эти запретные слова прозвучали со страниц, исписанных мелким почерком Жюля Верна. История корабля «Марселец», погибшего в 1794 году в неравном бою с английской эскадрой, никак не

связана с историей приключений профессора Аронакса. Но в названии корабля друзья свободы читали запретное слово «Марсельеза», а голос капитана Немо звучал в этой главе на всю Францию: «После героического боя полузатопленное, потерявшее все мачты и треть своего экипажа судно предпочло погрузиться в воду, чем сдаться... Триста пятьдесят шесть оставшихся в живых бойцов, подняв на корме флаг республики, пошли ко дну, громко возглашая: «Да здравствует республика!»

Но корабль этот имел и другое имя, которое хорошо знал профессор Аронакс.

«— Это «Мститель»? — вскричал я. — Да, сударь, это «Мститель». Прекрасное имя, — прошептал капитан Немо, скрестив руки».

Книга «Двадцать тысяч лье под водой» в издании Этселя и в серийной обложке появилась в продаже в начале следующего 1870 года, роман о «Наутилусе»? Нет, это был роман о капитане Немо — ученом и революционере, человеке, проникнувшем в тайны океана и ставшем пленником моря ради свободы всего человечества! Художник Невилль, иллюстрировавший этот роман, изобразил его героя на мостике подводного корабля: «Он был высок, с широким лбом, прямым носом, красиво очерченным ртом, превосходными зубами, тонкими, длинными, изящными руками, достойными пламенной души... Глаза его, далеко отстоящие один от другого, могли одновременно обнимать целую четверть горизонта. Когда незнакомец устремлял взор на какой-нибудь предмет, брови его сжимались, широкие веки сближались, окружая зрачок и сокращая, таким образом, поле зрения, и он смотрел. Какой взгляд! Как он увеличивал отдаленные предметы, уменьшенные расстоянием! Как он читал в вашей душе! Как он проникал в жидкие слои, столь непрозрачные на наш взгляд, и как ясно он видел в глубине морей!»

Портрет, нарисованный Невиллем, был удачен не только потому, что художник глубоко проник в замысел автора романа. Просто Невилль под именем капитана Немо изобразил самого Жюль Верна.

Буря над Францией

В начале 1870 года самыми знаменитыми во Франции людьми были Фердинанд Лессепс и Жюль Верн: первый только что закончил постройку Суэцкого канала — величайшего инженерного сооружения XIX века, отделившего Африку от материка Евразии, второй опубликовал свой лучший роман «Двадцать тысяч лье под водой».

Лессепс всегда восхищался автором «Необыкновенных путешествий». Теперь, когда он сам был на вершине славы, он возбудил перед правительством ходатайство о награждении писателя орденом Почетного легиона — высшей наградой Франции.

Принять орден от императора Наполеона или отказаться от него? Такая дилемма встала перед Жюлем Верном в середине лета, когда ходатайство Лессепса прошло все инстанции. Писатель колебался, но стремительное развитие исторических событий само собой разрешило вопрос за него.

Империя доживала свои последние дни. Гнев народа, как бушующее пламя, охватывал Париж и всю Францию. Любой внешний толчок мог опрокинуть картонную постройку, которую бездарный император возводил двадцать лет.

Даже французская крупная буржуазия была чрезвычайно раздражена внутренней и внешней политикой Наполеона — непрерывными разорительными войнами, недостаточной защитой французской

промышленности от иностранной конкуренции. «Нет такой ошибки, которой правительство не совершило бы!» — воскликнул в законодательном корпусе Тьер, один из лидеров буржуазной оппозиции. Вождь радикальных демократов Гамбетта назвал Наполеона и его советников кликой «людей без таланта, без чести, запятнанными долгами и преступлениями». Стачечное движение рабочих принимало грозный характер.

То тут, то там пламя вырывалось наружу, радикальная газета «фонарь», даже название которой напоминало куплет революционной песни «Са ира» — «аристократов на фонарь!», открыто призывала к мятежу. С конца 1869 года начала выходить новая газета «Марсельеза». В ней сотрудничали не только радикалы, но и социалисты разных направлений, а также члены Интернационала. Деятельное участие в газете принимал Паскаль Груссе.

Взрыв произошел в начале 1870 года. Принц Пьер Бонапарт, двоюродный брат императора, прислал в редакцию «Марсельезы» грубое и оскорбительное письмо. Груссе, защищая честь газеты, послал принцу вызов на дуэль. Но когда два его секунданта явились в особняк принца в Отейле, то их встретили выстрелами. Молодой журналист Виктор Нуар, друг Груссе, пришедший без всякого оружия, был предательски убит.

Трудно рассказать о том возмущении, которое охватило весь французский народ. На другой день «Марсельеза» вышла в свет со статьей, похожей на прокламацию и набранной огромными буквами. Главный редактор газеты Анри Рошфор начинал ее словами: «Я имел слабость поверить, что Бонапарт может быть чем-нибудь иным, кроме убийцы...» А кончалась — «французский народ, неужели ты находишь, что всего этого еще мало?!»

Похороны Виктора Нуара превратились в революционную демонстрацию. Двести тысяч республиканцев вышли на улицу. Многие были вооружены — каждый чем мог, начиная от револьверов и кончая стальными циркулями, которые студенты прятали под одеждой. Паскаль Груссе шел во главе колонны, рядом с Рошфором. В задних рядах шла Луиза Мишель, переодетая в мужское платье, скрывавшая под плащом кинжал...

Император Наполеон, защищая честь другого Бонапарта, выставил против этой яростной, но неорганизованной толпы целую армию, в сто тысяч человек кавалерии и пехоты, мобилизованных в соседних гарнизонах. Только присутствие духа республиканских вожakov предотвратило кровавое побоище.

И человек с косыми глазами, чья зловещая тень падала на всю Францию, решил победами над другими народами вернуть славу опозоренным французским знаменам. Он не видел или не хотел видеть, что крылья орла стали тяжелыми, как свинец. И он, не колеблясь, подписал указ об объявлении войны Пруссии, не подозревая, что подписывает смертный приговор империи.

Уже несколько лет Франция и Пруссия деятельно готовились к войне. Для Наполеона и его своры это была война за гегемонию Франции над всей Европой. Для Германии война была продолжением буржуазно-прогрессивной политики освобождения и объединения Германии. Это была война за Великую Германию.

...Прусские войска, вооруженные до зубов, ворвались во Францию, грабя и убивая на своем пути мирное население, французская армия в 250 тысяч человек, плохо вооруженная, руководимая неспособными генералами, с бездарным императором во главе, должна была остановить прусскую военную машину, насчитывающую 600 тысяч солдат.

— Благодаря вашим трудам, государь, Франция готова, — сказал военный министр. Но на другой день после объявления войны наполеоновские генералы стали слать отчаянные телеграммы.

«Запасов никаких, — гласила телеграмма из Меца. — В ящиках денег нет, в корпусах тоже, требую звонкой монеты! Недостаток во всем во всех отношениях...»

«Приехал в Бельфор, не нашел своей бригады, — сообщал другой генерал, — не нашел командира дивизии. Что мне делать? Не знаю, где мои полки...»

«У четвертого корпуса до сих пор нет ни амбулаторных погребцов, ни повозок для штабов и отдельных частей, — писал комендант Тионвиля. — Все в полном расстройстве...»

«Снаряды для орудий не подходят», — вторил ему комендант Мезьера. В соответствии с обычным порядком, принятым в империи, в первые дни все поражения именовались победами. Однако очень скоро вся Франция узнала правду...

Назначив императрицу регентшей, Наполеон отправился в действующую армию. Он был болен, бессилён и, несмотря на свои 62 года, одержим старческой немощью, у него не было веры в победу, так как он лучше других знал превосходство сил противника. Он сам свято верил, что начал войну лишь по настоянию императрицы Евгении, мечтавшей о всемирной славе (а может быть, и о всемирном господстве) для своего четырнадцатилетнего сына принца Аулу, которого она уже заранее

именовала Наполеоном Четвертым, Великим...

На пост министра-президента императрица-регентша назначила графа Паликао. Официально считалось, что во время «китайской экспедиции 1860 года», как именовалась грабительская война Англии и Франции, генерал Кузен-Монтобан выказал «отличные организаторские способности». На мосту Паликао руководимые им войска «победили» толпу китайцев, одетых в средневековые костюмы, вооруженных деревянными мечами и несущих на шестах пугала... Графский титул генерал получил, однако, не за эту победу, а в награду за жемчужное ожерелье, поднесенное императрице, ожерелье, которое он «достал» в сожженном им императорском дворце в Пекине.

В эти страшные дни далекими и смешными показались Жюлю Верну его наивные мечтания о счастье всего человечества, о машинах — верных слугах человека, облегчающих его труд, о науке, бесконечно движущейся вперед, о братстве великих народов. Кончалась страшная эпоха безумия и позора Франции — годы империи. Но что ждало французский народ в будущем?

Все вокруг было иным, и писателю казалось, что он сам стал другим человеком. Поэтому он почти не обратил внимания на то, что был опубликован декрет о награждении его орденом. Наполеона уже не было в Париже, и декрет был подписан императрицей-регентшей. Это было последнее награждение империи.

Жюлю Верну казалось, что тихий Амьен будет в эти смутные дни для его семьи лучшим пристанищем. В конце июля Онорина с дочерьми и маленьким Мишелем отправилась к родителям, а сам писатель, чувствовавший себя очень одиноко в этом новом для него военном Париже, выехал в Нант.

Пьеру Верну недавно исполнилось семьдесят лет, его жена была моложе всего лишь на два года. Но старый мэтр Верн держался все так же прямо, а движения Софи были так же быстры и порывисты, и Жюлю показалось, что здесь ничто никогда не меняется, что время не имеет власти над старым домом в Шантеней...

Голос войны властно прозвучал в спокойной тишине просторного дома ровно через сорок восемь часов после приезда Жюля Верна: приказ о мобилизации его возраста призывал его под знамена Франции.

В свои сорок два года Жюль Верн, не проходивший военной подготовки, не подлежал призыву в действующую армию. Зачисленный в резерв, он был направлен в береговую стражу и получил назначение командиром военного корабля «Сен-Мишель», базирующегося на порт Ле

Кротуа.

Да, это был его старый «Сен-Мишель», реквизированный правительством и превратившийся ныне в боевой корабль. А его база, «порт Ле Кротуа», была все та же рыбацья деревушка, где он знал в лицо каждого жителя. Но теперь он был не капитан, а «командан Верн», стоявший во главе грозного экипажа из двенадцати ветеранов Крымской войны, вооруженного тремя кремневыми ружьями и медной пушкой «величиной с пуделя». На него, на его корабль и экипаж была возложена важная стратегическая задача: охранять побережье Нормандии и Фландрии и защищать бухту Соммы от нападений прусских рейдеров...

Жюль Верн следил за событиями войны с яростью и тоской в сердце. Бездарный император позорно капитулировал при Седане вместе со всей своей армией и пушками. Париж, осажденный немцами, после пяти месяцев героической обороны, не получая помощи извне, был сдан командованием. Одна из крупнейших битв разыгралась под стенами Амьена, где немецкий генерал Мантейфель разгромил французскую Северную армию, вновь сформированную для освобождения Парижа. Наконец пришла весть, что город, где укрылась от бедствий войны семья писателя, пал; только старая цитадель с одиннадцатью офицерами и четырьмястами солдатами несколько дней оказывала героическое сопротивление сорокатысячной прусской армии.

Да, писатель любил свою страну, ее лазурное южное побережье, ее туманный север, любил Париж — сердце Франции, где он провел свою молодость и где стал знаменитым писателем. Любил шумный Нант, с лесом корабельных мачт в порту, и любил тихий старый Амьен, широко раскинувшийся в прекрасной долине Соммы. Но теперь Франция — униженная, но не сломленная, преданная, но не побежденная — стала ему еще дороже. Две цветущие французские провинции — Эльзас и Лотарингия, перешедшие под власть Германии, контрибуция фии были закрыты и издательская жизнь Франции замерла. Анри Гарсе умер в самые тяжелые месяцы блокады; не было в Париже и Надара. Во время осады отважный авиатор был организатором воздухоплавательного парка, сыгравшего такую значительную роль в деле связи блокированного города с провинцией: с одним из воздушных шаров он вылетел из столицы и, встретившись с аэростатом противника, обменялся с прусским аэронавтом несколькими выстрелами из карабина: это был первый в мире воздушный бой.

Но в Париже были другие, более поздние его друзья — Груссе, Реклю, Мишель, а их жизнь в этот великий и страшный год была неразрывно

связана с Парижем и Францией...

Жюль Верн видел немецкие войска, вступившие в Париж 1 марта и занявшие Елисейские поля и пространство от правого берега Сены и улицы предместья Сент-Оноре до площади Согласия. Но ему довелось присутствовать и на другой торжественной и великой церемонии, давшей начало новому великому веку.

Утром 28 марта 1871 года Париж проснулся в ярком сиянии солнца. На улицах колыхались знамена и двигался океан людей под ружьем. На древках знамен были надеты красные фригийские шапочки, символизирующие свободу, а ружья солдат украшены красными лентами.

На Гревской площади, перед зданием Парижской городской думы, была возведена эстрада, на которой был водружен бюст республики, украшенный красной перевязью. Сто батальонов Национальной гвардии выстроились на площади, а за ними колыхались бесчисленные толпы парижан. В воздухе развевались шелковые знамена — красные и трехцветные, но все перевязанные красной лентой, символизирующей победу народа. Глухо били барабаны; среди них выделялся бой двух больших барабанов Монмартра — тех, что выбивали тревогу в ночь вступления немцев в столицу, и утром 18 марта, в день восстания пролетариата, будили парижан.

Затем на трибуну поднялись избранники народа, члены Совета Коммуны, все тоже с красными шарфами через плечо, чтобы принять на себя власть, переданную им Коммуной города Парижа. Заиграли рожки, когда они приносили присягу на верность народу. Тяжелый рев пушек приветствовал резолюцию. Не было речей, — только крик «Да здравствует Коммуна!» да Марсельеза, которая, как птица, летела над Парижем...

Как не походила эта церемония, эти флаги, освещенные солнцем, эта поющая толпа на провозглашение Второй республики, которое видел Жюль Верн в день своего приезда в Париж четверть века назад! Неужели его сердце могло не дрогнуть в эту минуту? Понял ли он, что на мгновение перенесен в будущее, о котором мечтал, что присутствует при провозглашении первого в мире государства освобожденного человечества?

«Если вы хотите описать жизнь великого человека, — начинает сам Жюль Верн биографию капитана Кука, — вы хорошо сделаете, если не будете обходить и мельчайшие черточки, которые вообще, может быть, лишены всякого интереса. Однако они нередко приобретают важное значение, потому что обнаруживают следы бессознательных стремлений и бросают яркий свет на характер героя, жизнь которого вы описываете».

Сейчас, когда еще не опубликован архив писателя, не собраны его

письма и воспоминания о нем современников, мы можем только по каким-то мелким штрихам, отдельным словам, биографиям его друзей восстанавливать подлинные факты жизни Жюль Верна — ту третью жизнь, которую он целиком вложил в свои произведения. Мы почти ничего не знаем об этом годе его жизни, но он был подготовлен всем предыдущим периодом его биографии, начиная с сорок восьмого года, и наложил отпечаток на вторую половину его жизни, на его творчество. Иные страницы его книг, даже отдельные фразы вдруг открывают нам жизнь его сердца в эти дни, — так иногда при мгновенном блеске молнии можно разглядеть очень мелкие подробности, не видные даже в яркий полдень.

Встречался ли он в это лето со своими друзьями? Мы не знаем этого. Но бесспорно одно: их всех объединял Париж.

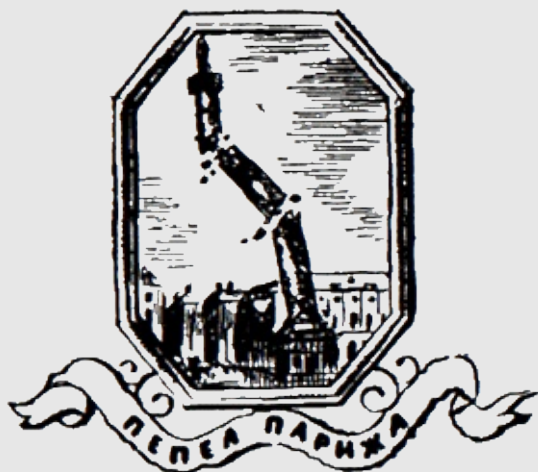
Паскаль Груссе занял руководящую роль в новом правительстве. Он был делегатом внешних сношений, то есть ведал всеми иностранными делами Коммуны.

Элизе Реклю, отрицавший всякую власть и верный своим убеждениям, отказался быть делегатом Коммуны. Но он был верен ей до конца: сна ала помогал Надару организовывать воздухоплавательный парк, а потом сражался, как простой солдат, с версальцами.

Луиза Мишель с первого же дня стала рядовым бойцом Коммуны — в солдатском мундире, с ружьем в руках.

...Один из биографов Жюль Верна, Шарль Лемир, рассказывает, что в 1875 году в одной из жалких хижин «поселенцев Новой Каледонии» он обнаружил на стене портрет писателя, по-видимому, вырезанный из какого-то журнала. Лемир не говорит, что это за хижины, но мы знаем, что это поселок сосланных коммунаров. И ясно становится, что Жюль Верн был дорог героям первой в мире пролетарской революции, что они любили его как близкого по духу человека и не забывали о нем в горчайшие годы каторги и ссылки.

Пепел Парижа

Прозвучал последний залп пушек с двойным зарядом и смолк. Оставшиеся в живых коммунары с дрожью слушали, не раздадутся ли выстрелы снова. Но ничто не нарушало гнетущего молчания.

Коммуна пала.

Над Парижем летал пепел, словно после извержения. Догорало здание городской Думы, где так недавно под утренним солнцем торжественно была провозглашена Коммуна города Парижа. Сейчас ночной ветер раздувал тухнувшее пламя, и пляшущие языки огня отражались в крови, сочившейся из-под ворот казарм.

Кончилась оргия открытых убийств, совершаемых опьяневшими от крови солдатами, которые косили народ, как траву. Однако смерть продолжала свою истребительную работу, только облекшись в судебную мантию. Официально число жертв версальской резни оценивалось в тридцать пять тысяч человек, но сто тысяч парижских рабочих без вести исчезли из своих квартир в эти дни.

По улицам бродили женщины-вампиры в элегантных туалетах. Кончиками зонтиков они пытались раскрыть залитые кровью глаза трупов.

Чистая вода Сены помутнела, и ее струи были красными.

Колодцы были забиты трупами, мертвецы заселили каменоломни и плыли по реке.

Полицейские заливали трупы негашеной известью, обливали керосином и смолой и жгли, бросали в воду и хоронили в земле.

Но наскоро засыпанные мертвецы разбухали и поднимали прикрывающий их тонкий слой земли, словно пытаясь встать.

Прекратила работу Парижская академия, зато открылись бесчисленные рестораны, где офицеры в золоченых мундирах кутили с красавицами в кружевах.

В дни Коммуны академия работала плодотворно, как никогда. На ее заседаниях разбирались вопросы о лечении холеры, анализировались движения Луны, изучалось питание гиацинтовых луковиц. Химик Барбуз демонстрировал телеграф, передающий депеши через воду Сены между Отейлем и Пасси. Дебатировался вопрос о существовании электрических волн, ставился вопрос о новой классификации инфузорий. Внимание ученых привлекло вещество метеоритов, впервые подвергнутое химическому анализу. На последнем заседании обсуждалась проблема эволюции звезд.

Молодежь, словно спеша бежать от старого мира, хотела найти в науке путеводителя в будущее. Было открыто множество курсов для этих молодых энтузиастов... Но все это было в прошлом, в дни Коммуны. Теперь с этим было покончено.

физиолог Флуранс, в двадцать пять лет уже занимавший профессорскую кафедру, был не только ученым, но и политическим борцом. Он бежал от наполеоновского режима в Турцию, где участвовал в восстании греков и руководил восстанием на Крите против турецкого владычества. Вернувшись во Францию после падения империи, он стал одним из генералов Коммуны. Взятый в плен, он был убит без суда: какой-то офицер разрубил ему голову, а нарядные дамы... не стоит вспоминать ужасы этих дней...

Флуранс был похож на многих героев Жюль Верна, он мог быть одним из товарищей капитана Немо.

Элизе Реклю, взятый в плен с оружием в руках, был связан и взят под стражу. Когда его вели по улице, к нему подбежал какой-то нарядно одетый господин и нанес великому географу ужасный удар по голове, от которого тот лишился сознания, Реклю узнал в нем одного из членов Географического общества — того самого, секретарем которого был великий гуманист Паганель.

Суд приговорил Реклю к пожизненной каторге. В тюремной камере,

скованный кандалами, он работал над вторым томом своей всемирно известной книги «Земля».

Паскаль Груссе, как один из вожаков Коммуны, был приговорен к смертной казни.

Луиза Мишель, также взятая в плен, приготовилась к смерти. «Не стоит ее обыскивать, все равно утром ее расстреляют», — сказал офицер. На бастионе, куда ее привели, ей «посчастливилось» лицом к лицу встретиться с самим палачом Коммуны генералом Галифе.

«На бастион прискакала группа блестящих офицеров, — вспоминала она позже. — Тот, кто был, по-видимому, начальником, был человек довольно полный, с правильными чертами лица; но его свирепые глаза, казалось, выкатывались из орбит. Лицо его было багрово: точно вся кровь, пролитая в эти дни, выступила на нем, чтобы отметить его печатью Каина; великолепная лошадь стояла неподвижно, словно бронзовое изваяние.

Выпрямившись на своем коне и надменно подбоченившись, он обратился к арестованным:

— Я — Галифе! Вы считаете меня жестоким, господа с Монмартра, ну, а я более жесток, чем даже вы думаете!..»

Жюль Верн бродил по опустевшему Парижу, и парижский пепел сыпался на него. Остов городской Думы глядел на него незрячими выбитыми окнами. Ему не хотелось больше быть писателем, он готов был вернуться на биржу или даже к мантии законника, но ему было сорок три года и не было сил начинать новую жизнь.

В первых числах ноября из Нанта пришло письмо. Онорина сообщала, что Пьер Верн тяжело болен. Для его возраста болезнь была серьезной, и врачи выражали опасение, что он не доживет до конца года.

Жюль Верн выехал на следующее утро. Прошло четверть века с того времени, как он впервые ехал по этой дороге в королевский Париж. С тех пор во Франции сменилось две республики и одна империя, ушли в далекое прошлое почтовые кареты и пироскафы. Курьерский поезд доставил Жюля почти прямо к дому: железнодорожная ветка связала Нант с Сен-Назером, и новый вокзал станции Шантеней был построен почти в том самом месте, где когда-то гостеприимно расположился трактир дядюшки Кабидулена — «Человек, приносящий три несчастья».

Жюль Верн прибыл слишком поздно. За несколько часов до приезда сына старый мэтр Верн навсегда закрыл глаза, ни на минуту не теряя чувства собственного достоинства. На его лице застыло строгое и серьезное выражение человека, закончившего важное и трудное дело.

Жюль никогда не был дружен или близок с отцом. Но он привык

видеть в нем постоянного корреспондента, которому он — порой очень сдержанно, пожалуй, даже скупно — поверял свои планы. Постепенно письма Жюля к отцу, некогда бывшие обязательным отчетом блудного студента, превратились в нечто вроде дневника. Теперь все это кончилось.

В большом доме в Шантеней царил беспорядок. Казалось, что именно Пьер Верн сдерживал напор времени, олицетворял неизменный и благоразумный порядок, который при каждом приезде так напоминал Жюлю детство. Платья и волосы Софи были в таком состоянии, словно она одевалась в бурю и причесывалась во время землетрясения. Приходили и уходили какие-то незнакомые люди, уже было ясно, что семья не будет сохранять старый дом в Шантеней, — Софи решила поселиться в Нанте, в своем доме на улице Жан-Жака Руссо. А ее дети, разбросанные по Франции и всему миру, должны были получить свои доли наследства только деньгами.

За четверть века Нант стал огромным городом, почти незнакомым Жюлю Верну. Новые жители населяли старый остров Фейдо. И он почувствовал, что с потерей старого дома в Шантеней рвется его связь с родным городом.

В его памяти встал Париж — спокойный и бушующий, кровавый и великолепный, нежный и грозный — во всем его неизменном многообразии. Город-светоч был его второй родиной, но сможет ли он остаться парижанином после всего того, что произошло?

Париж встретил Жюля Верна неприветливо: осенний ветер срывал листья с мокрых каштанов, улицы были почти пусты. Город еще не успел возродиться из пепла, театры были закрыты. Четыре рукописи, сданные Жюлем Верном Этселю, тяжким грузом лежали в письменном столе издателя: до сих пор на прилавках книжных магазинов лежали непроданные экземпляры «Двадцати тысяч лье под водой», и осторожный Этсель не спешил с выпуском новых книг серии «Необыкновенные путешествия». Впрочем, голос старика уже не был решающим: рядом с ним в конторе сидел его сын и компаньон, постепенно забиравший в свои цепкие руки все дела предприятия. Этсель-сын не был издателем-художником, он был представителем нового, предприимчивого поколения. Конечно, у него не хватило бы смелости заключить двадцатилетний контракт с никому неизвестным биржевым служащим, как это сделал когда-то старик Этсель. Но теперь договор был выгоднее ему, чем писателю, и он был безукоризненно вежлив, когда пообещал издать новые романы как можно скорее, и вручил очередной чек на двадцать тысяч франков.

Онорина, бедная, бездомная Онорина, теперь снова была в Амьене. Ни у нее, ни у десятилетнего Мишеля не было своего дома, сам Жюль потерял корабль и, как ему казалось, совсем разучился писать: ему казалось, что все написанное им за время войны не стоит его имени.

Он думал о корабле, уносящем его друзей. Смертная казнь была заменена для Паскаля Груссе пожизненной каторгой в колониях. По вежливой формулировке законников, это было применением статьи наполеоновского законодательства «О бескровном убийстве» — никто не мог выдержать смертельного климата Кайенны больше нескольких лет. Луиза Мишель тоже «отделалась» пожизненными каторжными работами.

По счастью, ссыльных коммунаров направляли не в Кайенну, где их смерть была бы лишь вопросом времени, а в Новую Каледонию. Считалось, что расположенная в стране антиподов, отрезанная от всего мира беспредельной ширию Тихого океана, Каледония не дает осужденным надежды на побег (что, впрочем, не помешало Груссе бежать оттуда через три года).

Новая Каледония! По странной иронии судьбы, именно в этих краях хотел основать свою утопическую колонию капитан Грант, здесь должна была завершиться третья книга недописанной трилогии.

Элизе Реклю не было в числе «поселенцев» Новой Каледонии. Географическое общество после долгих колебаний все же ходатайствовало о помиловании знаменитого географа. Правительство, стыдясь общественного мнения других стран, согласилось на помилование при условии, что Реклю даст письменное обязательство никогда не принимать участия в революционном движении. Реклю с негодованием отказался. Тогда ученые всего мира подняли свой голос в его защиту. «Жизнь такого человека, как Элизе Реклю, заслуги которого в литературе и науке признаны всеми культурными людьми, принадлежит не только его родной стране, но и всему миру...» Первая подпись под этим обращением принадлежала великому Дарвину...

Жюль Верн был писателем, мыслителем, но не политическим борцом. Поэтому ему в эти дни не хватало мужества и веры в грядущее. А в это время Луиза Мишель, на далеком острове, который она сама характеризовала так: «черная скала, окруженная волнами, по которым беспрестанно скользит крыло циклонов», — писала:

«Многие из нас мечтают о той поре, когда среди великого мира освобожденного человечества Земля будет исследована, наука доступна всем, когда корабли будут рассекать воздух или скользить под водой, среди коралловых рифов, подводных лесов, скрывающих так много неизвестного,

когда стихии будут покорены и суровая природа смягчена тем свободным и разумным человеком будущего, который придет нам на смену.

...Видеть вечный прогресс — значит в течение нескольких часов жить вечной жизнью».

Была уже зима, когда Жюль, закончив, наконец, все дела, собрался в Амьен. Когда он ехал на Северный вокзал, его поразили огромные объявления агентства Кука, приглашавшего всякого желающего отправиться в кругосветное путешествие. Яркие плакаты так не вязались с холодной пустотой улиц, где лишь изредка, как тени, мелькали прохожие, уткнувшие нос в воротник. Казалось странным в этот сумеречный час, что могут существовать другие страны, где яркое солнце стоит в зените и щедрая природа освобождает жителей от заботы о пище и крове.

Садясь в вагон, Жюль вспомнил свое первое путешествие в Амьен пятнадцать лет назад. Теперь ему было сорок четыре года, и у него почти не было сил взять перо в руки: слишком много видели его глаза за эти великие и страшные восемнадцать месяцев.

Последним его впечатлением был дым многих тысяч труб, постепенно заволакивающий великий город, уходящий в сизую полутьму ненастной зимней ночи.

Двойники

— Дом мсье Верна? О, это совсем близко от вокзала! Вы пойдете налево, вдоль железнодорожной выемки, до второго перекрестка.

— Жюль Верн? Кто же не знает самого знаменитого гражданина Амьена! Он живет близ вокзала, на Больших бульварах, что проложены вокруг города на месте снесенных укреплений.

— Адрес Жюля Верна? Лонгевилльский бульвар, дом номер сорок четыре, на углу улицы Шарля Дюбуа.

Да, знаменитый писатель, находящийся в зените своей славы, вдруг, неожиданно для всех, покинул Париж, светоч мира, и поселился в глухом провинциальном городке. Он купил дом, первый собственный дом в его жизни! Теперь только для жителей Амьена он был живым, реальным человеком, с плотью и кровью, для всего же мира он стал Великим Неизвестным или Великим Мечтателем, путешествующим где-то по Стране Необыкновенного.

Массивный двухэтажный дом выходил своим фасадом на широкий двор. За ним лежал сад, тянувшийся вдоль Лонгевилльского бульвара. Высокая каменная стена отгораживала сад от взоров прохожих. Для того чтобы проникнуть в дом, нужно было или позвонить в большой медный

колокол у главного входа, или войти в маленькую калитку со стороны улицы Шарля Дюбуа. Посетителю, входящему со двора, нужно было пройти через большую оранжерею и через огромную гостиную с широкими окнами, чтобы попасть в святилище.

Кабинет писателя помещался на втором этаже большой круглой башни, возвышающейся над одним из углов дома. Обстановка его была более чем простой: узкая железная кровать, тяжелое кожаное кресло, большой круглый стол и старая конторка с бульвара Бон Нувелль, на которой были написаны все романы Жюль Верна, — все, кроме тех, что создавались в тесной каюте «Сен-Мишеля», украшение комнаты состояло лишь из двух бюстов на каминной полке: Мольера и Шекспира.

Дверь налево вела из кабинета в библиотеку. На простых полках теснились тысячи книг, на стенах в строгом порядке были развешаны портреты знаменитых исследователей, а в отдельном шкафу помещались переводы сочинений Жюль Верна: сотни томов разного формата, почти на всех языках мира. Дверь направо открывалась в большой зал, занимавший почти весь верхний этаж дома. Ковры и мебель, обитая красным плюшем, говорили о том, что здесь кончается спартанская простота владений хозяина дома и начинается область, подчиненная его жене.

День писателя был строго размерен, и раз заведенный порядок никогда не нарушался. Парижская привычка превратилась в закон. В пять часов утра — и летом и зимой — он уже был на ногах. Легкий завтрак, всегда один и тот же: немного фруктов, сыр, чашка шоколада, и писатель уже за своей старой конторкой. В восемь часов в первом этаже начиналось движение, это вставала Онорина. В девять часов супруги Верн садились за утренний завтрак. День только начинался, а за плечами у писателя уже было несколько часов работы. Больше он уже в этот день не писал ничего нового, лишь начисто переписывал чернилами листы, исписанные его ровным, но неразборчивым почерком, просматривал гранки своих очередных книг, отвечал на письма, принимал посетителей...

«Мы постучали в дверь углового дома на тихой улице, — рассказывает итальянский писатель де Амичис, побывавший в Амьене с двумя своими сыновьями. — Нас провели в светлую уютную гостиную, куда сейчас же вошел Жюль Верн, протягивая нам обе руки. Если бы мы встретили его, не зная, кто он, то ни за что не узнали бы. Он был похож, скорее, на генерала в отставке, на профессора математики, наконец, на начальника департамента, чем на писателя; своим серьезным, внимательным взглядом он немного напоминал Верди. Во взгляде и в речи его была живость, присущая художникам. Держал он себя просто, и на всем существе его лежал

отпечаток прямоты и чистоты мыслей и чувств. Судя по его одежде, речи и движениям, он принадлежал к числу людей, которые не любят привлекать к себе внимания. Мое удивление возрастало, по мере того как он говорил о своих произведениях: он говорил так беспристрастно, как будто речь шла не о его трудах!..»

Когда морской колокол на дворе отбивал восемь склянок, сигнализируя о наступлении полдня, Жюль Верн брал шляпу и выходил на прогулку. От перекрестка он поворачивал на улицу Порт-Пари, где некогда находились Парижские ворота средневекового Амьена; затем следовал новый поворот, на улицу Виктора Гюго, и перед ним открывался великолепный силуэт амьенского собора — чуда готического искусства XIV века. А далеко внизу, как серебро, блестела Сомма, вместе с притоками Арве и Селль образующая многочисленные каналы в нижней части города.

В половине первого, точно, словно по расписанию, Жюль Верн появлялся в большом зале библиотеки Промышленного общества. На столе уже лежали приготовленные свежие газеты. И большое кресло, которое никто не смел занимать, было пододвинуто летом к окну, зимой — к камину. С карандашом и записной книжкой в руках писатель быстро просматривал газеты и переходил к журналам. Он не пропускал ни одного номера «Ревю Блё», «ревю Роз», «ревю де Де Монд», «Космоса», «Ла Натюр» И «Л'Астрономи». Затем он листал бюллетени разных научных и географических обществ. Иногда раньше, иногда позже, но никогда не позднее пяти часов, он захлопывал свою записную книжку и кружным путем возвращался домой.

Два раза в неделю Жюль Верн посещал заседания Амьенской академии — старейшего научного общества Пикардии, основанного в 1750 году. Иногда он вместе с Онориной бывал в театре или посещал отель «Континенталь» — лучшее кафе города. Но это бывало редко: в пять часов для него начинался вечер, в восемь он уже спал.

размеренная, аскетическая жизнь — как не похожа она на жизнь кумиров его юности Гюго и Дюма! Скучная? Для любого другого, пожалуй, но не для Жюля Верна. Это были идеальные условия для творческой работы, а работа была для него жизнью. «У меня потребность работы, — сказал Жюль Верн де Амичису. — работа — это моя жизненная функция. Когда я не работаю, то не ощущаю в себе никакой жизни».

И, однако, именно это спокойное, незаметное существование породило ту бурю легенд, что бушевала с яростью половину столетия и чей отзвук не смолк до сего дня.

Кто он? Путешественник, домосед, коллективный псевдоним, старый

морской волк или столичный шутник? Быть может, действительно он никогда не существовал?

Каждая легенда содержала какую-то долю правды, и это придавало ей жизненную силу. Сказочный ореол, окружавший Жюль Верна, придавал его тихому провинциальному существованию какую-то таинственную двойственность. Даже скромные жители Амьена начали сомневаться в реальности своего знаменитого соотечественника.

В мае 1875 года в дверь писателя постучал темноволосый смуглый незнакомец. Как и подобает в детективном рассказе, таинственный посетитель не назвал своего имени и лишь сообщил, что он «подданный одной иностранной державы».

Устремив свой тусклый взгляд, который не отражал света, в лицо Жюль Верна, странный гость сказал:

— Мсье, весь мир считает вас французом, но от меня бесполезно скрываться. Я знаю из надежных источников, кто вы такой.

— Говорите, — бесстрастно сказал хозяин.

— Вы — польский еврей, уроженец города Плоцка, близ Варшавы. Ваша настоящая фамилия Ольшевич — от русского слова ольха, что соответствует старофранцузскому Вернь или Верн. Ваше теперешнее имя только перевод. Около 1861 года, во время пребывания в Риме, вы отреклись от еврейской веры, чтобы жениться на богатой польской аристократке, принцессе... — последнее слово посетитель произнес вполголоса, приблизив свою голову к собеседнику. — Отречение состоялось в польской церкви Воскресения Христова, в Риме, вас исповедовал отец Семенко.

Посетитель на мгновение замолчал. Потом, словно прочитав на лице хозяина одному ему понятное выражение, торжествуя, закончил:

— Ваша свадьба с принцессой Крыжановской расстроилась. В это самое время французское правительство предложило вам превосходную должность в министерстве внутренних дел. И с тех пор, как Франция купила ваше перо, вы никогда не сознаётесь в вашем израелитском происхождении...

Самая нелепая из легенд получила наибольшее распространение. И несмотря на то, что после смерти писателя появились его подробные биографии, ничто не могло ее истребить. Наверное, читатель сам слышал эту романтическую басню, изустно просуществовавшую до наших дней...

Нет, «проблема Жюль Верна» не была похожа на шекспировскую проблему. Жизнь писателя сейчас достаточно документирована: нантский археолог Дюрвилль еще в 1924 году опубликовал результаты своих

обширных разысканий в архивах Нанта. И тем не менее в следующем году одна парижская газета снова выдвинула этот вопрос как злобу дня, предложив истинно «демократический» способ ее решения: путем всеобщего голосования.

Как показали последние исследования Эдмондо Маркуччи в итальянских архивах, было бы слишком простым объявить эту легенду просто чьей-то досужей выдумкой. Недавно выяснилось, что действительно существовал некий выходец из Польши, принявший имя Жюльен де Берн и поселившийся в Риме. Выдавал ли он себя за знаменитого писателя или то был результат ошибки, но очень многие считали его автором «Необыкновенных путешествий». Знал ли сам подлинный Жюль Верн о существовании своего двойника? Это невозможно теперь установить, но даже если бы он и знал, то вряд ли поспешил восстановить истину: любитель мистификаций, он во время своих исчезновений из Парижа часто именовал себя то Прудан Аллот, то Гильоше де ла Пейрер...

И все же не только восторженное удивление читателей, смешивающих автора «Необыкновенных путешествий» с его героями, не только любовь к мистификациям самого Жюля Верна и даже не появление в Риме его таинственного однофамильца породило «жюльверновскую легенду». Причина лежала глубже: в тех крутых переломах его биографии, резко отразившихся в творчестве писателя, в переломах, которые, как мы сейчас можем проследить, связаны с политическими событиями того времени.

В самом деле, почему живой, общительный балагур внезапно превратился в затворника, почти что и мизантропа, живущего в провинциальном Амьене, как на необитаемом острове?

Идеи великого 1848 года были идеями его юности. Переворот и тирания Наполеона не только не остановили его политического развития, но наоборот — сделали его фанатическим поборником свободы, врагом всего старого, порабоцющего человечество, тянущего его назад: монархии, сословий, милитаризма.

Его знаменем стала Наука с большой буквы, которая, по его убеждению, сама собой, преодолевая лишь косные силы природы, создает преображенный мир будущего.

Парижская Коммуна была тем событием, которое всколыхнуло Жюля Верна. Он увидел гигантские силы, таящиеся в народе. Коммуна развеяла его пацифистские иллюзии об интернационале ученых, без помех и борьбы создающих светлый, справедливый мир, — он увидел страшное лицо буржуазии, встретившейся один на один со своим самым страшным врагом

и могильщиком — пролетариатом.

Переселение Жюль Верна в Амьен было бегством от Третьей республики, которая оказалась еще более реакционной, чем наполеоновская империя, «республикой без республиканцев». Это бегство было, во всяком случае в первые годы, чем-то вроде второй внутренней эмиграции, только более полной: переселением на необитаемый остров.

За первые пятнадцать лет после переселения в Амьен Жюль Верн написал двадцать два романа. Любопытно отметить, что среди них нет ни одного научно-фантастического. Исчезают и герои-одиночки, гениальные ученые и изобретатели.

Писатель теряет веру в то, что наука является универсальным ключом, открывающим человечеству дверь в будущее. Он ищет тех сил, что смогут завоевать грядущее в национальных и социальных движениях своего времени.

Именно поэтому на месте романов фантастических и географических появляются романы социальные. Бесконечно расширилась вселенная писателя. В книгах, написанных после падения Второй империи, мы встретимся с изображением венгерской революции, тайпинского движения в Китае, восстания индийского народа против английского владычества, с мятежом Джона Брауна и войной Севера против Юга в Америке за освобождение и равноправие негров. Жюль Верн рассказал о колониальном рабстве в Африке, о захватнической войне Англии против народа Новой Зеландии, о восстании греков против турецкого ига, о русском революционном движении... Такова была широта кругозора французского писателя и тематика его «Необыкновенных путешествий»!

Путешествие на остров Утопия

В 1872 году, тотчас же после переезда в Амьен, Жюль Верн приступил к работе над огромным трехтомным романом «Таинственный остров», служащим завершением трилогии: «Дети капитана Гранта» и «Двадцать тысяч лье под водой».

— Как! Вы не думаете, что можно быть счастливым на необитаемом острове? — восклицает Элен Гленарван, героиня первой части трилогии.

— Да, я не считаю это возможным, — отвечает ей Паганель. — Человек создан для жизни в обществе, а не для уединения...

В романе «Таинственный остров» рассказана история нескольких человек, занесенных на воздушном шаре на необитаемый остров, затерянный в бескрайних просторах южной части Тихого океана. Новая робинзоида? Нет, Робинзон Крузо, заброшенный бурей на остров Отчаяния, имел в своем распоряжении целый корабль — с набором инструментов, запасом продовольствия и снаряжения. Герои Жюль Верна во время полета выбросили в море, как балласт, все, вплоть до карманных ножей и спичек. Робинзону, окруженному изобилием тропической природы, достаточно было протянуть руку за ее дарами, поселенцам Таинственного острова приходилось самим создавать свое благополучие.

Но Робинзон был одинок, а герои Жюль Верна — сплоченная группа людей, коллектив.

Потерпевшие крушение, попав на остров, не приходят в уныние. Они принимают гордое имя колонистов и неустанным трудом создают свое благополучие, роман Жюль Верна — это подлинный гимн вдохновенному труду, быть может, самый высокий во всей литературе XIX века. Труд их — не первоначальное накопление Робинзона Крузо, это творческое преобразование косной природы, это вся история цивилизации, но на более высокой ступени идеального человеческого общества.

Труд!.. Какой непривычной была эта тема для писателя XIX века. И если мы встречаем в тогдашней литературе лабораторию, фабрику, мастерскую, то только лишь как вариант одного из кругов дантова ада: как место муки, позора, отчаяния и гибели. Романтика труда, красота труда, пафос труда — сами такие словосочетания были сто лет назад для писателей оскорбительной нелепостью, не имеющей смысла. Нужно было поистине огненное перо, чтобы перенести из реальной жизни в книгу романтику кирки и мотыги, красоту угля и металла, пафос победы над природой.

Великий сорок восьмой год пробил первую брешь в старом представлении, впервые в мире провозгласив право на труд. Но должна была пройти еще четверть века, включившая в себя рождение Интернационала и великолепную вспышку Парижской Коммуны, чтобы Жюль Верн ощутил в себе силы сделать человеческий труд центральной темой своего нового произведения.

Но что означало завоевание права на труд? За правом на труд стояла власть над капиталом, за властью над капиталом — овладение средствами производства, их подчинение объединенному рабочему классу и тем самым уничтожение наемного труда, равно как и капитала и их взаимных отношений. Это означало открытие нового мира победившего социализма, смутное сияние которого уже серебрило лица первой шеренги людей, ведущих человечество в Страну будущего.

Жюль Верн не был в их числе. И вряд ли он смог бы так сформулировать свои неясные мечты, тем более, конечно, в таких терминах. Но он не мог не ощущать ветра эпохи, не мог не чувствовать как художник, — быть может, до конца не понимая, — той взрывчатой силы, которая содержалась в выбранной им теме.

Почему Жюль Верн избрал своими героями американцев? Почему он отнес время действия своего романа на десять лет назад, несмотря на то, что видел в нем прообраз будущего?

Несомненно, что он хотел взять людей, свободных от традиций и европейских условностей. Неверным было бы утверждать, что Жюль Верн видел Америку в розовых красках: иначе он не противопоставил бы жестокой действительности гражданской войны идеальную дружбу своих героев, институту рабства — героя-негра, свободного товарища других колонистов. Америке действительной он хотел противопоставить Америку Вашингтона, Джефферсона, Линкольна, страну, где слова Патрика Генри: «Дайте мне свободу или дайте мне умереть», означали нечто большее, чем рекламную надпись на папиросах.

Остров Линкольна, как называют его колонисты, действительно таинственный остров. Он словно специально приспособлен для потерпевших крушение... и словно специально написан для критиков, избравших своей профессией находение «научных ошибок» Жюля Верна.

В самом деле, на островах Тихого океана не живут, да и не могли бы жить, человекообразные обезьяны — оранги, однокопытные онагры, кенгуру. Невероятно присутствие на острове и таких животных, как ягуар, дикий баран, пеккари, агути, водосвинка, шакаловая лисица.

Нет и не может быть на вулканических островах, далеких от материка, тетеревов, глухарей, якамары, куруку. Не могли расти в этой климатической зоне бамбуки, эвкалипты, саговая пальма.

Неправдоподобно богат минеральный мир острова. Совсем на поверхности колонисты находят гончарную глину, известь, колчедан, серу, селитру.

«Его животные и растения — пестрая смесь животных и растений чуть ли не всего мира, — резюмирует критика. — Это своего рода зоопарк и ботанический сад, таинственным образом очутившиеся на небольшом необитаемом острове в Тихом океане».

Но как могло случиться, что Жюль Верн, столь начитанный в научной литературе своего времени, всегда очень щепетильный относительно деталей своих произведений, мог допустить такие грубые промахи?

Приходится допустить лишь одно объяснение.

Да, Жюль Верн знал о всех противоречиях, допущенных им в романе! И не только знал, но сознательно их вводил. Таинственный остров — это символ всего мира, аллегория нашего земного шара, отданного во владение человеку.

Нет, не сентиментально-патриархальную робинзонаду, типа «швейцарского Робинзона», хотел он написать. «Таинственный остров» — это новая утопия, идеальное человеческое общество, поставленное лицом к лицу с природой.

Люди разных профессий, разного социального положения, разных рас собраны в романе Жюль Верна. Но ни малейший антагонизм не возникает между ними, даже споры их носят лишь творческий — производственный или научный характер. Сила их в их сплоченности, в могучем творческом горении, воодушевляющем их, в их безграничной вере во всемогущество науки.

Герой книги инженер Сайрес Смит — это сам дух науки — не только пытливый исследователь, но и великий труженик. Ведь недаром само имя его «Смит» значит «кузнец». А вся история победы колонистов над природой — прообраз борьбы освобожденного человечества за полное овладение всей великой вселенной.

Все социалистические утопии того времени, которые так хорошо знал и ценил Жюль Верн, всегда основывались на идее доброго согласия всех, словно в мире не существовало антагонистических классов и неизбежной в тех условиях классовой борьбы.

При первом взгляде «Таинственный остров» строится по той же схеме: бежавшие из мира рабства, угнетения и войн герои романа, высаживаясь на остров, принимают гордое имя колонистов — колонистов нового мира.

Но Жюль Верн идет дальше социалистических утопий и показывает в своем романе столкновение антагонистических сил.

Для этого в роман введен Айртон, один из героев первой книги трилогии — «Дети капитана Гранта».

Тема Айртона противопоставлена любимому герою детства Жюль Верна — Робинзону Крузо.

Герой романа Дефо, попав на необитаемый остров, из свирепого и некультурного искателя приключений превращается в подлинного джентльмена: он богатеет, становится рабовладельцем и губернатором острова.

Но в жизни происходит иное, и за этой жизнью следовал Жюль Верн.

...Английский матрос Александр Селькирк за оскорбление капитана был в 1704 году высажен на необитаемый остров Хуан-Фернандес, вблизи берегов Чили. Селькирку были оставлены ружье, фунт пороха, свинец для пуль, пачка табаку, котелок, нож, топор и библия. Но матрос очень быстро превратился в дикаря. Истратив весь свой порох, он стал ловить диких коз на бегу.

Вскоре он оброс бородой до самых глаз и почти совсем разучился говорить.

Еще не попавший в литературу «Робинзон» прожил на острове четыре с половиной года, и только случайно приставший к острову пират Вуд

Роджерс взял Селькирка на свой корабль. Когда его сняли с острова, то он гораздо больше походил на человекообразную обезьяну, чем на цивилизованного европейца.

Каторжник и пират Айртон, попав на необитаемый остров, оставшись по рецепту Даниеля Дефо «наедине с благословенной природой», тоже превращается в дикаря, как и реальный прототип Робинзона — Селькирк.

Что же впоследствии превращает Айртона в помощника, друга и брата колонистов? Отнюдь не одиночество, но милосердие, коллектив, труд — вот ответ Жюль Верна тем, кто утверждает извечную порочность человеческой натуры, а отсюда невозможность лучшего социального строя.

Идеальный мир Таинственного острова вступает в столкновение со старым, казалось бы, навеки покинутым миром. Шайка пиратов, бывших товарищей Айртона, появляется на острове.

Смело вступают колонисты в борьбу с пиратами, олицетворяющими силы зла старого мира. Но силы слишком неравны, и лишь вмешательство загадочного покровителя острова спасает коммуну острова Линкольна.

Через весь роман проходит фантастически могущественный невидимый помощник колонистов, их верховный покровитель и защитник. Его почти сверхъестественное вмешательство до самого конца тревожит колонистов и интригует читателей. Тайна острова раскрывается только на последних страницах романа, и в ее разгадке разгадка другой книги писателя: «Двадцать тысяч лье под водой».

Невидимым покровителем острова был капитан Немо, постаревший, но не утративший силы своего неукротимого духа, уставший от бесконечных странствований по подводному миру и нашедший себе убежище в пещере Таинственного острова. Перед смертью он раскрывает колонистам свою тайну.

Настоящее имя капитана Немо — принц Даккар. Индеец по рождению, европеец по воспитанию, он руководил восстанием своего народа против иноземного владычества. Неудача не сломила его мятежного духа: покинув землю, он с горстью товарищей, разных по национальности, но таких же борцов за свободу, как и он, поселился в глубинах моря. Сокровища океана послужили ему фондом для оказания помощи народам, борющимся за свою свободу.

Дух свободы и гений моря первого романа превратился в «Таинственном острове» в олицетворение науки будущего, делающей освобожденное человечество воистину непобедимым. Через жестокие битвы к будущему! — такова скрытая идея романа.

Социалистические идеи Жюль Верна были, без сомнения, очень

смутны, но он никогда не отказывался от социализма: он лишь искал лучших его форм, более близких ему, более говорящих об общественном строе будущего. В романе «Таинственный остров» идеи Жюль Верна ближе всего к великим идеям Фурье.

Не разделение труда, навязанное людям капитализмом, а разностороннее развитие человека, уничтожение противоположности между умственным и физическим трудом — такова идея Фурье. Именно таков вдохновенный труд колонистов Таинственного острова.

«Таинственный остров» писался в 1872 году. На этот год падает столетний юбилей Шарля Фурье.

Роман этот завершает трилогию. Первые две части — «Дети капитана Гранта» и «Двадцать тысяч лье под водой» — вышли в свет еще в годы Третьей империи.

Трилогия — вершина творчества Жюль Верна. В ней он достиг наивысшего художественного мастерства, создал наиболее яркие образы положительных героев. В ней он наиболее полно выразил свое мировоззрение лучшей поры жизни, полное социального оптимизма.

В первом романе Жюль Верн показал мир колониального угнетения, во втором — борца против этого гнета, в третьем — воплощение своей мечты о будущем. В единстве этих трех тем и содержится секрет единства трилогии.

Не раз возвращался Жюль Верн к этой, быть может, наиболее любимой им теме: идеальному городу-государству, воплощающему в себе самые затаенные его мечты.

Но опыт Коммуны показал писателю, что не может быть идеального строя, пока существует капитализм, готовый с самым свирепым ожесточением обрушиться на любую попытку народа осуществить социалистические идеалы.

Наиболее полно свое гуманистическое, быть может, несколько наивное мировоззрение Жюль Верн выразил в романе, написанном в 1879 году, — «Пятьсот миллионов бегумы».

роман этот — воспоминание о франко-прусской войне и в то же самое время это картина будущего.

Героями своего нового романа Жюль Верн сделал мечтателя-ученого доктора Саразена и его антагониста — ученого-капиталиста профессора Шульце.

Вдали от европейских бурь, в Соединенных Штатах, где когда-то Роберт Оуэн и икарийцы создавали свои коммуны, на берегу Тихого океана, доктор Саразен, наследник миллионов индийской княгини, строит

идеальный город Франсевилль. «Мы сделаем гражданами нашего города честных людей, которых душит нужда и безработица, — говорит он. — у нас же найдут убежище и те, кого чужестранцы-победители обрекли на жестокое изгнание, у нас изгнанники, добровольные и невольные, найдут применение своим способностям, своим знаниям; они внесут в наше дело духовный вклад более драгоценный, чем все сокровища мира. Мы построим прекрасные школы, которые будут воспитывать молодежь, руководствуясь мудрыми принципами высокой моральной, умственной и физической культуры, и это обеспечит нам в будущем здоровое, сильное и цветущее поколение».

План этого идеального города принадлежит самому Жюлю Верну, воплотившему в нем самые гуманные, самые передовые идеи Сен-Симона, Фурье, Кабе о городах будущего. А в словах его об изгнанниках «добровольных и невольных» легко угадать затаенную мысль о судьбе мучеников Парижской Коммуны. Ведь среди четырнадцати тысяч заключенных и изгнанных коммунаров были его друзья.

Второй герой романа, профессор Шульце, — олицетворение свирепых сил, которые Жюль Верн не мог назвать, сил, которые мы именуем капитализмом. Урвав половину наследства Саразена, профессор Шульце рядом с Франсевиллем строит «идеальный город» капитализма — чудовищный военный завод с тюремной дисциплиной, где все поставлено на службу разрушению. С какой ненавистью говорит Шульце о строителях утопического города, с какой жестокой радостью мечтает он о массовых убийствах ни в чем не повинных мирных жителей, женщин и детей! В своих арсеналах он накапливает невиданные снаряды — своего рода атомные бомбы XIX века, «способные охватить пожаром и смертью целый город, объять его со всех сторон бушующим неугасимым огнем». И в самом сердце своего «стального города», на вершине циклопической Башни Быка, словно символ «творческих сил» капитализма, он ставит чудовищную пушку, направленную на Франсевилль. Один ее выстрел должен наполнить город огнем и смертью и превратить в трупы сто тысяч человек!

Но центральная фигура романа не Саразен и не Шульце. Ведущий образ книги — молодой француз, инженер-эльзасец Марсель Брукман. Марсель — это мечта Жюля Верна о поколении завтрашнего дня, недаром он сделал его ровесником своего сына Мишеля. Смело, бесстрашно проникает Марсель в самое логово зверя, чтобы выведать страшные тайны Стального города. Но он думает не о том, чтобы уничтожить город капитализма, а мечтает овладеть им, сочетать мирные стремления жителей

Франсевилля с промышленным могуществом Стального города, изготовлять на его заводах не пушки и другие орудия истребления, но сельскохозяйственные машины и промышленное оборудование.

Будущий мир должен опираться не на мечту, а на реальное могущество техники и промышленности капитализма, утверждает Марсель Брукман.

И Жюль Верн всем ходом событий в романе подтверждает: да, он прав! «Франсевилль благоденствует и процветает, у него нет завистников, ибо он наслаждается заслуженным счастьем, а его сила внушает уважение всем любителям бряцать оружием на чужой территории», — эта фраза заключает книгу.

Жюлю Верну исполнилось пятьдесят лет. Он мог отпраздновать тридцатилетие отъезда из родного Нанта и пятнадцатилетие выхода в свет романа «Пять недель на воздушном шаре». Он достиг гораздо большего, чем мог мечтать. Что из старых желаний оставалось неудовлетворенным? разве только детская мечта о кругосветном путешествии...

Всемирная слава

Первые годы пребывания Жюль Верна в Амьене были для него временем подавленных настроений, разочарований и горестных раздумий. В его памяти вставал великий Сорок восьмой год, первые годы расцвета его творчества, полного, быть может и наивного, но такого радостного оптимизма, Коммуна, возникшая на черном фоне реакции как великолепная вспышка пламени...

Весь этот свет, огонь и радость ушли вместе с ветром, который, как холодный борея древних греков, оледенил мир вокруг писателя.

Где-то далеко были друзья писателя, унесенные этим ветром. Элизе Реклю, великий ученый, прославленный во всем мире, скитался где-то на чужбине; Луиза Мишель томилась в жестокой ссылке на Новой Каледонии; Паскаль Груссе, бежавший с каторги, поселился в Англии. Где-то далеко был Надар, еще дальше — юность, полная веры и прекрасного энтузиазма.

Что оставалось ему? Только работа, которая всегда была его борьбой, а с этого времени стала главным содержанием его жизни.

Весь нерастрченный жар души, все накопленное за многие годы, все мысли, которые он хотел передать будущим поколениям, писатель вкладывал в свои книги.

В эти годы Жюль Верн писал необыкновенно быстро, словно боясь потерять какой-то найденный секрет. Нередко он начинал сразу несколько

романов, бросал их, переходил к новому, снова возвращался... Все это походило иногда на поиски утраченной молодости...

Параллельно с «Таинственным островом» Жюль Верн начал шуточный роман-путешествие «Вокруг света в восемьдесят дней». Главу за главой, по мере того как они появлялись из-под его пера, писатель печатал отдельными фельетонами в газете «Тан» с начала 1873 года. Писатель не придавал большого значения своему новому произведению: он не ставил и не решал в нем никаких новых проблем, не пытался создать необыкновенных героев, не покорял, хотя бы и в воображении, непобежденные стихии. Для него это был еще один роман-путешествие.

Неожиданный успех нарастал, словно снежная лавина. Парижане спорили о будущих приключениях Филеаса Фогга, а корреспонденты американских газет посылали на родину каблогаммы с маршрутом путешественников. Эксцентричный Филеас Фогг — (Филеас — великий путешественник древней Греции, а Фогг — по-английски туман, атрибут этой страны), великолепный пройдоха Паспарту (по-французски — пройдет повсюду, пройдоха), глуповатый, но исполнительный сыщик Фикс стали всеобщими любимцами. Когда путешественников отделяла от цели только Атлантика, ажиотаж достиг апогея: американские пароходные компании засыпали автора романа телеграммами, предлагая огромные суммы только за то, что Филеас Фогг выберет для своего последнего рейса судно их компании. Это поставило Жюль Верна в такое затруднительное положение, что он вынужден был заставить своего героя купить корабль, чтобы не быть обязанным своим успехом никому!

Связанный контрактом с Этселем, писатель не мог мечтать о том, что успех принесет ему богатство — о, конечно, не настоящее богатство, но средства, достаточные для того, чтобы удовлетворить одно свое страстное желание! Даже феноменальный успех романа «Вокруг света в восемьдесят дней» был финансовой удачей лишь для отца и сына Этсель.

Быть может, пьеса?... На конторке Жюль уже лежали первые листки комедии «Американский племянник», когда неожиданное предложение отвлекло его от этой работы.

Господа Ритт и Ларошель, директора парижского театра «Порт Сен-Мартен» обратились к знаменитому писателю с любезным письмом. Некий Эдуард Кадоль сделал попытку драматизировать роман «Вокруг света в восемьдесят дней», но неудачно. Быть может, этим захочет заняться сам автор книги?

Жюль Верн колебался, но потом уступил. Вместе с драматургом Адольфом д'Эннери — под этим псевдонимом был известен врач Адольф

Филипп, имевший прозвище «театральный доктор», — Жюль поселился в уединенной вилле на Лазурном берегу, близ мыса Антиб, утопающей в розах, работа по инсценировке романа была закончена очень скоро, но Жюль Верн чувствовал себя неуверенно: последняя его пьеса появилась на подмостках театра почти пятнадцать лет назад.

Занавес театра «Порт Сен-Мартен» взвился 8 ноября 1874 года. Взорам изумленных зрителей предстало феерическое зрелище — поистине постановщики не стеснялись расходами: по сцене шествовал настоящий слон, плясали на хвостах ядовитые кобры, бегали краснокожие, потрясая револьверами, и, наконец, — верх эффекта! — индийская красавица готовилась взойти на костер!..

Правда, спектакль слишком богат был внешними эффектами, но зато какой успех! Любой капиталист мог быть уверенным в художественных достоинствах спектакля, давшего в первый день 8 037 франков, а за пятнадцать дней обеспечившего сбор в 254019 франков!

Отныне Жюль Верн сравнился в славе с министрами и за него примялись карикатуристы. Художник Жилль в журнале «Эклипс» изобразил его в виде повара, вращающего земной шар на вертеле, наподобие цыпленка. В «Шаривари» Жюль Верн был превращен в акробата, жонглирующего глобусом.

— Между нами, скажи, это успех? — спросил Жюль своего друга Дюкенеля.

— успех? — гласил саркастический ответ. — Нет, это просто счастье!

Но наряду с этой бурей популярности можно проследить, как ширилось более глубокое всемирное признание замечательного писателя. Если бы Жюль Верн был полководцем, то мог бы на карте полушарий отмечать одну за другой завоеванные им страны:

*Россия,
Соединенные Штаты,
Англия (Оксфордская серия классиков),
Германия,
Италия,
Испания,
Швеция,
Норвегия,
Голландия,
Греция,
Хорватия,*

Чехия,
Дания,
Бразилия,
Канада,
Аргентина,
Китай,
Персия,
Япония.

Французская Академия работает медленно, но и она, наконец, заметила роман «Двадцать тысяч лье под водой». В августе 1872 года Жюль Верн получил извещение, что его «Необыкновенные путешествия» удостоены Большой премии французской Академии. Это была высшая награда, за которой могло следовать только «бессмертие». Не то бессмертие, которое завоевал сам писатель, но избрание его в число «бессмертных» членов Академии. А ведь со дня выхода в свет первого романа серии «Необыкновенные путешествия» не прошло и десяти лет!

И, однако, Жюль Верн не чувствовал себя счастливым. «Моя жизнь заполнена, — писал он в одном письме, — для скуки не остается места. Это почти все, чего я желаю». Что означает это загадочное «почти»?

Это написано в разгар суматохи, последовавшей за постановкой пьесы «Вокруг света в восемьдесят дней». Видимо, не так легко давалось «амьенскому отшельнику» его вынужденное одиночество. И если Амьен был для него необитаемым островом, где он хотел укрыться от бушующего океана реакции, то рев этой свирепой бури все же все время стоял у него в ушах...

И снова, как и прежде, каждое лето он уходил в плавание — в бурях, в бушующих волнах ища покоя и свободы, которых так не хватало ему на земле.

На море рождались его лучшие морские романы — такие, как «Страна мехов», «Ченслор», «Пятнадцатилетний капитан».

Пятнадцатилетний капитан Дик Сенд появился на свет 12 апреля 1874 года.

В этот день телеграф разнес по всему миру известие, что великий путешественник-шотландец доктор Ливингстон, друг и защитник жителей Черной Африки и страстный противник работорговли, нашел свое последнее успокоение в родной земле.

Жюль Верн получил это известие в Ле Кротуа, в день выхода в море.

В это плавание команда «Сен-Мишеля Второго», заменившего первую

яхту писателя, сожженную немцами во время войны, состояла, кроме капитана-судовладельца, из трех человек — двух матросов и одного юнги.

Это был коренастый, крепкий подросток с широким веснушчатым лицом и темными вьющимися волосами. В его синих глазах светилась неукротимая воля. Это была его восьмая навигация, и он вполне мог претендовать на почетное звание матроса первой статьи, но, увы, до заветного пятнадцатилетнего возраста, когда морское право разрешает юнге стать полноправным матросом, ему нужно было ждать еще два года.

Во всякую погоду мальчик находился на палубе, которую именовал «капитанским мостиком», и лишь изредка спускался в крохотную каюту, где капитан Жюль Верн читал юнге Мишелю Верну только что написанные главы своего нового романа «Пятнадцатилетний капитан».

Знаменитый писатель давал своему сыну суровое воспитание. Он считал, что трудная работа моряка лучше всего подготовит его к предстоящим житейским битвам. Он хотел воспитать в Мишеле не только смелость и способность дерзать, но и любовь к свободе.

Страстью мальчика была география. Затаив дыхание, он год за годом следил за путешествиями доктора Ливингстона, выписывал в особую тетрадку сведения о новых открытиях в Арктике и Тихом океане, следовал в своем воображении по всем путям открывателей Черного материка. Его любимой книгой была шеститомная «История великих путешествий и великих путешественников», которую написал Жюль Верн, его отец. Мальчик получил ее в подарок десяти лет, когда вступил на палубу «Сен-Мишеля» не как пассажир, но как полноправный член команды.

Ко дню пятнадцатилетия своего сына — дню «морского совершеннолетия» — писатель готовил новый необыкновенный подарок. Он хотел подарить Мишелю товарища — создать такого героя, который смог бы сделаться жизненным спутником молодого моряка, стать для него примером, достойным подражания.

Этим героем стал Дик Сенд.

Жюль Верн хотел, чтобы его сын вырос мужественным человеком, упорным в труде, бесстрашным в борьбе со всяким насилием и угнетением, верным Другом для своих товарищей, какого бы цвета ни была их кожа. Дик Сенд не портрет Мишеля Верна, но писатель думал о своем сыне, когда рисовал привлекательные черты своего героя.

«В пятнадцать лет он уже умел принимать решения и доводить до конца все то, на что решался. В отличие от большинства своих сверстников он был скуп на слова и жесты. В возрасте, когда дети еще редко задумываются о своем будущем, Дик пообещал себе «стать человеком».

Возвращаясь мысленно к дням своего детства, проведенного на острове Фейдо, похожем на каменный корабль, плывущий по Луаре, Жюль Верн не мог не вспоминать какой ценой было заплачено за чудесные дома-дворцы, словно по мановению вол» шебного жезла выросшие в 1721 году на пустынной отмели, где до этого стояла лишь полуразвалившаяся мельница.

И роман «Пятнадцатилетний капитан», посвященный сыну Жюля Верна, превратился в страстный протест против рабства и работорговли, в памфлет, направленный в защиту неправых жителей Черной Африки.

Воспоминания о дорогом ему декрете от 21 апреля 1848 года, которым Вторая французская республика, по воле демократической общественности, отменила рабство во французских колониях, Жюль Верн не только протестует против рабства как гуманист, но обвиняет великие державы, по нашей современной терминологии — капитализм, выросший и окрепший на торговле людьми.

«Еще в середине XIX века, — пишет он в этом романе, — некоторые государства, именовавшие себя цивилизованными, отказались поставить свою подпись под актом о воспрещении торговли людьми...

Нельзя замалчивать постыдное снисхождение к торговле людьми, какое проявляют многие представители европейских держав в Африке. Однако это неоспоримый факт. В то время как патрульные суда крейсируют вдоль африканских берегов Атлантического и Индийского океанов, внутри страны, на глазах у европейских чиновников, широко развернулся, торг людьми. Здесь идут один за другим караваны захваченных невольников, и в заранее известные сроки происходят кровавые погромы, во время которых из каждого десятка девять негров убивают, чтобы десятого обратить в рабство.

Так обстоят дела в Африке и по сей день...»

Семидесятые годы были не менее мрачным периодом в истории Франции, чем наполеоновская империя. Версальский белый террор, поднявшийся против Парижской Коммуны, бушевал на улицах, в камерах военного суда, на страницах буржуазных газет. Провозглашенная после падения империи Третья республика была «республикой без республиканцев»; слово «республиканец» в ней стало почти бранным. Буржуазная реакция свирепствовала всюду при мощной поддержке со стороны католической церкви, которая, в свою очередь, яростно обрушилась на побежденную Коммуну, призывала к «искупительным» молебствиям, организовывала церковные «чудеса», «видения», исцеления. В этой обстановке три монархические партии открыто рекламировали

своих претендентов на французский престол, а президент республики, маршал Мак-Магон; подготовлял монархический переворот...

Зрелище этой жестокой и воинственной реакции возбуждало ярость Жюль Верна и призывало его к борьбе за свою мечту, за все то, что было ему дорого.

реакция семидесятых годов породила бесконечный мутный поток «версальской литературы», с исступленной злобой извращавшей светлые цели Парижской Коммуны, реакция накрепко утвердилась в исторической науке, где маститые «ученые» и их молодые последователи на все лады старались дискредитировать благородные революционные традиции французского народа, создавали представление о революционере как о вырвавшейся на свободу горилле. В литературе развивался натурализм, стремившийся извратить гуманистические заветы реализма и подчеркивать в людях преобладание низменно-физического' начала. Отсюда следовал вывод, что все духовные, в частности социальные, а тем более революционные, стремления человека якобы совершенно чужды его природе.

Для Жюль Верна эти годы были периодом освобождения еще от одной иллюзии, с которой дотоле он тесно сжился. С Сорок восьмого года он привык верить в то, что существует некая единая Наука с большой буквы, как и единая Культура, служащие всему человечеству. Теперь писатель теряет веру в то, что наука является универсальным ключом, открывающим человечеству дверь в будущее.

Но это освобождение от иллюзий не было разочарованием. Еще шире раскрылся перед писателем огромный мир, прекрасный, несмотря на раздирающие его противоречия. И еще смелее Жюль Верн, великий защитник свободы, ринулся на бой с силами тьмы, рабства и угнетения. И с прежней регулярностью продолжали выходить книги серии «Необыкновенные путешествия» — ведь они были его борьбой!

Тень великого тайпинского восстания проходит по страницам романа «Треволнения одного китайца». К теме войны индийского народа против английских поработителей писатель возвращается, после трилогии, в романе «Паровой дом»; о колониальном рабстве в Южной Америке, об охоте за людьми и нравах миссионеров, идущих впереди колонизаторов, писатель рассказал в книге «Жангада». Теме восстания греческого народа в двадцатых годах XIX века против турецкого гнета посвящен исторический роман «Архипелаг в огне». О восстании французских поселенцев в Канаде в 1837 году против английского владычества говорится в романе «Безымянное семейство».

В ответ на свирепую бурю реакции во Франции поднималась война протеста со стороны народа. Лагерь революционного движения, сильно пополнившийся в начале восьмидесятых годов, после амнистии коммунаров кипел яростью. Все громче звучали голоса, которые Жюль Верн воспринимал, как призыв к мести врагам французского народа, к отмщению за гибель Парижской Коммуны. В этой обстановке он пишет в 1885 году новый большой роман — «Матиас Сандорф».

Герой романа — венгерский патриот Матиас Сандорф, организатор заговора против австрийских поработителей своей родины. В центре романа — месть предателям, выдавшим заговорщиков правительству. Эта книга внешне повторяет схему романа Дюма-отца «Граф Монте-Кристо» — это признавал сам Жюль Верн в посвящении романа, адресованном писателю Дюма-сыну. Но Жюль Верн вместо темы личной мести врагам героя поставил в центре романа тему социальной мести врагам революции...

Герой книги доктор Антекирт (он же Матиас Сандорф) совсем не похож на индивидуалиста и вельможу Монте-Кристо. Да, им движет месть предателям Саркани, Зирону и Торнталю — месть за позорную гибель друзей и поработченную родину. Но высший пафос его жизни — спасение угнетенных от всех видов эксплуатации. Эта мысль выражена в романе не слишком отчетливо, да этому нечего и удивляться: вспомним, каким жестоким редактором Жюля Верна умел быть, когда нужно, Этсель-старший, а тем более мог быть и Этсель-младший. Но для любого читателя ясно, что остров Антекирт, где нашли себе новую родину политические изгнанники многих стран, тоже похож на что-то вроде утопии и несколько не схож с островом Монте-Кристо, где пресыщенный местью граф нашел себе уединенное убежище.

Герои Жюля Верна странствовали по всему земному шару, а слава их создателя шествовала за ними по пятам. Герои эти были не завоевателями, колонизаторами или торговцами, но смелыми открывателями, вдохновенными учеными, борцами против тирании и всяческого угнетения — национального, расового, социального — и фанатическими апостолами свободы. Они были близки простым людям всего мира.

Сейчас, по прошествии многих десятилетий, нам приходится с большим трудом расшифровывать намеки, разбросанные по страницам книг Жюля Верна, говорящие о его политических взглядах, о его мечтах о светлом будущем освобожденного от всех цепей человечества. Но современники писателя, близкие к революционному движению, мечтающие о социальном равенстве, принадлежащие к лагерю демократии,

ненавидящие, как и сам Жюль Верн, корыстный и жестокий буржуазный строй, отлично понимали его с полуслова. Вот почему писательская слава Жюля Верна выросла так стремительно, подобно вспышке электрического света.

Третья жизнь

Жюлю Верну выпало на долю редкое счастье прожить не одну, а три жизни: одну — в действительности, вторую — в воображении современников, третью — в мечтах, воплотившихся в его произведениях. На библиотечных полках теснятся тысячи книг его предшественников и современников: пергаментные рукописи средних веков, огромные, переплетенные в кожу фолианты XVI и XVII веков, изящные томики XVIII столетия — «века разума», книги эпохи Жюль Верна. В них рассказано о полетах на крыльях, управляемых аэростатах и воздушных кораблях тяжелее воздуха, о путешествиях по подводным лугам и в недра нашей планеты, об открытии полюсов и неизвестных стран, об исследовании Луны и других заоблачных миров, населенных странными народами. Но эти книги и манускрипты покрыты вековой пылью, которую очень редко тревожит рука историка литературы или случайного любопытного... А славы Жюль Верна до наших дней хватает на то, чтобы отблеск от нее падал на оба полушария.

Он переведен почти на все языки мира, и его читают, вероятно, больше, чем любого другого писателя.

И до сих пор продолжается спор вокруг этого славного имени.

Конечно, отошли в прошлое стычки читателей, спорящих о том, кто такой Жюль Верн: путешественник или кабинетный ученый, и существует ли он в действительности, хотя, надо признаться, его биография до сих пор еще не стала всеобщим достоянием. Нет, сейчас спорят не о человеке, но пытаются среди множества лиц, возникающих в воображении читателей, отыскать подлинный облик писателя Жюля Верна, заглянуть в его сердце.

Детский писатель... Автор увлекательных приключенческих романов... Прекрасный популяризатор полезных сведений... устаревший автор, чьи произведения переполнены научными ошибками... Вдохновенный пророк, чьи прозрения на целое столетие указали путь науке и технике... Какое из этих противоречивых высказываний ближе всего к действительности? Кто из этих образов «подлинный» Жюль Верн?

Творчество французского писателя было очень разнообразно: меланхолическая песня «Марсовы», ставшая на его родине матросской песней, и многотомные научно-популярные сочинения по географии, фарсы и водевили в стихах и утопии о будущем мире, шуточные романы-путешествия, политические памфлеты и лирические дневники. Но в центре внимания читателей стоит, конечно, серия его «Необыкновенных путешествий», а наибольшие споры вызывают те четырнадцать романов (из шестидесяти восьми), которые довольно условно объединяются под рубрикой «научно-фантастические». Поэтому обратимся в первую очередь к ним.

Детский писатель? Да, конечно, и детский, как детскими писателями в этом смысле стали Сервантес и Свифт. Автор приключенческих романов? Но что означает это слово, имеющее и уничижительный и похвальный смысл? Пророк?

...Осенью 1881 года в Париже открылась Первая всемирная электротехническая выставка.

Каждый вечер с наступлением темноты словно беззвучный взрыв потрясал огромное здание Дворца промышленности, и целый ливень огня обрушивался на выставку. Вспыхивали ряды и гирлянды ламп, зажигались бесчисленные люстры, ослепительным, нестерпимым блеском загорались дуговые фонари, и высокий маяк в центральном зале начинал вертеться, бросая вокруг снопы цветных лучей. Это было целое море света, — больше света, чем во всем остальном Париже с его восковыми, сальными и стеариновыми свечами, новомодными керосиновыми лампами и газовыми фонарями, — почти полмиллиона электрических свечей!

Жюль Верн проходил по выставке не как парижанин, но как путешественник, прибывший из другой страны. Когда-то, в годы

одиночества, каждый вечер он, уже в воображении, сталкивался лицом к лицу с впечатлениями дня, которые словно поджидали его толпой, безмолвно требуя, чтобы он пережил их снова. Теперь все повторялось в обратном порядке: его обступали замыслы, фантазии, мечты — дети его воображения, создания ума, внезапно материализовавшиеся и ставшие весомыми и видимыми. И порой писателю казалось, что он превратился в своего собственного героя и блуждает по страницам своих романов — страницам, выросшим внезапно до размеров целой вселенной.

...Генераторы электрического тока теснились вдоль южной стены дворца. Они приводили в движение бесчисленные механизмы, восхищавшие и изумлявшие зрителей. В центральном зале, где посредине бассейна стоял маяк, по воде плавала электрическая лодочка, делая круги. Небольшая модель аэростата, снабженная аккумуляторами, плавно поднималась и опускалась с помощью электричества, работали электропружины, электроводокачки и электрифицированные станки. На видном месте красовался «прибор для сверления подземных галерей». Посетители могли узнавать время по электрическим часам, танцевать под звуки электрического фортепиано «мелограф» и при помощи специальных наушников слушать певцов, выступающих в «Большой опере», за несколько километров от выставки. У маленькой будки теснились любопытные, жаждущие «поговорить через проволоку», а в другом углу желающие могли осмотреть целую «квартиру будущего» — с электрическим освещением, телефоном, электрокамином и даже... электрическим уютгом.

Но ведь почти двадцать лет назад доктор Фергюсон зажигал над Африкой свою дуговую лампу, а профессор Лиденброк во время своего подземного путешествия пользовался портативным электрическим фонарем. И разве в романе «Двадцать тысяч лье под водой» не было двенадцатой главы «Все посредством электричества» — вдохновенного гимна великой силе природы?

«Есть двигатель могучий, послушный, быстрый, легкий, поддающийся всевозможным применениям и который неограниченно господствует на моем судне. Все совершается посредством него. Он меня освещает, согревает меня, дает жизнь моим механическим аппаратам. Двигатель этот — электричество...»

Да, задолго до их осуществления Жюль Верн предсказал современный электрический мотор и трансформатор, дуговую лампу и лампу накаливания, электропечь, электрические часы, кухню, согреваемую электричеством, электрическое телеуправление, электрозащиту при

помощи высокого напряжения, — вспомните дикарей в Торресовом проливе, пытавшихся атаковать «Наутилус»...

Значит, верно, что Жюль Верн был пророком, указывающим путь науке и технике, ведущим человечество к вершинам, видимым лишь ему одному?

Об этом уже говорилось, — быть может, даже слишком подробно, по мнению иных читателей, торопящихся проследить жизненный путь героя, — в главе «Гений моря». История техники и литературы легко позволяет установить лживость этой величественной легенды. Если бы эта маленькая книжка была исчерпывающим исследованием, то можно было бы проследить истоки творчества писателя не только на истории подводного плавания, но на любом материале: воздухоплавании, авиации, электротехнике, географических исследованиях, военной технике, астронавтике.

Самые удивительные для его века изобретения Жюля Верна были созданы вовсе не его необычайной фантазией, но взяты из окружающей действительности: они лишь дальнейшее смелое и вдохновенное развитие тех идей, которые уже существовали в его время — в замыслах, проектах, чертежах. Именно поэтому так реальны подробности его романов, несмотря на фантастическую обстановку.

Конечно, за истекшее столетие наука неизмеримо выросла: были открыты новые, неведомые раньше области; то, что во времена Жюля Верна было Страной неизвестного, ныне застроено величественными зданиями научно-исследовательских институтов и лабораторий. Жюль Верн был одним из самых образованных людей своего времени, но он был сыном своего века, и поэтому так легко критиковать его тем, кто не понимает художественного замысла многих его романов, — вспомним намеренную цепь ошибок в романе «Таинственный остров».

Научная фантастика только тогда и сильна, когда, выражая идеи своего века, видит их уже воплощенными в действительности. Но писатель не может указать пути конструктору к конечной цели, которую он сам увидел в воображении уже ожившей. Торопясь в будущее, писатель поневоле перескакивает через какие-то этапы работы инженера, как прием вводит фантастические и даже совсем «ненаучные» подробности, чтобы сконцентрировать в смелом художественном образе мечту своего времени.

Строго разбирая роман «Пять недель на воздушном шаре», можно, конечно, указать на то, что разложение воды требует такого расхода электроэнергии, что самая сильная батарея не сможет сдвинуть шар с места. На это можно было бы возразить, что в ту эпоху, когда писался

роман, идея сохранения энергии не имела еще той ясности и всеобщности, какую приобрела в наши дни, что Жюль Верн был вполне на уровне научных знаний своего века... Но весь этот спор, по счастью, не имеет никакого отношения к замыслу писателя.

Жюль Верн мог, находясь на уровне знаний своего времени, не подумать о несоответствии затраченной и полученной энергии, но мог также и просто умолчать об этом несоответствии. Важно было то, что он сумел загипнотизировать читателей и заставить их поверить в его мечту. А что это так, доказывает жизнь К. Э. Циолковского, который не раз признавался в том, что его собственные идеи рождены под влиянием идей Жюля Верна.

Верил ли сам Жюль Верн в то, что в глубинах Земли обитают давно вымершие животные, что по подземным переходам можно проникнуть к самому центру планеты? Очень и очень сомнительно. Неужели он не знал, что люди, заключенные в пустотелом ядре, не смогут выдержать толчка при выстреле? Поверим диплому профессора Гарсе, консультанта писателя, который не мог этого не знать. Но тогда, значит, Жюль Верн сознательно допустил в своих романах такие грубые, с точки зрения науки, промахи и просчеты?

Да, предположение о том, что внутри Земля полая, ошибочно. Но достаточно принять эту гипотезу, и постепенно, шаг за шагом, с железной убедительностью перед читателем разворачивается фантастическая картина скрытой жизни нашей планеты.

Да, артиллерийский снаряд — плохой межпланетный корабль, смертельный для пассажиров. Но для середины XIX века это единственное средство преодолеть тяжкое ярмо земного тяготения. А когда мы выходим на космический простор, какой необычайный мир открывается нашему несовершенному зрению! Какие тайны природы становятся ясными пытливому уму!

Жюль Верн знал очень хорошо о невозможности полета в пушечном ядре. Но ему нужно было указать на мирное применение артиллерии, превратить ее из орудия уничтожения в средство транспорта. А о том, что он догадывался и о других формах движения в пустоте, говорит применение ракет для изменения движения ядра колумбиады.

Нет, будущее лишь незримо присутствует в романах Жюля Верна, действие же их всегда начинается в ту эпоху, когда они написаны и опубликованы (это легко проверить, так как Жюль Верн всегда был очень пунктуален во всем, что касалось времени и места действия его произведений). Сюжеты его — мечта его времени, воплотившаяся в жизнь,

ставшая реальностью. И ему совсем не было важно, такими ли будут воздушные, подводные и межпланетные корабли будущего: он знал только, что люди *будут* летать и спускаться на морское дно и проложат дорогу к звездам. Он искал завтрашний день рядом с собой, проверял каждое новое открытие, каждый проект, каждый патент: не станет ли эта куколка через несколько лет, пусть через поколение, блистающей на весь мир бабочкой, бьющейся в воздухе грядущего, как его сердце?

Вот почему так легко находить у него ошибки и критиковать его неверные идеи: ведь Жюль Верн — дитя своего века, человек, выразивший в своем творчестве лишь мечты своего времени. В них отразились и случайные заблуждения отдельных школ в науке и весь гений человечества, воплотившийся в научном творчестве.

Жюль Верн был великим тружеником. Он ошибался очень много, — гораздо больше, чем многие из нас. Но это потому, что он очень много работал и очень много сделал — и для своего века, и для нашего времени, и для грядущих поколений.

Но для того чтобы жить в искусстве, в литературе, воздействовать не только на логическое восприятие читателей, но и на его эмоции, все эти идеи должны были прийти в движение, ожить, одухотворенные человеком. Вот почему вся работа Жюль Верна — это мучительные поиски героя, того человека будущего, труженика и творца, которому девятнадцатый век мог вручить сокровища, накопленные за восемьдесят столетий цивилизации.

Он искал этих героев не в своем воображении, но в великолепном кипенье окружающей его жизни. Ведь это она породила его творчество и повела его за собой: Жюль Верн не был вождем своей эпохи — он лишь летел на ее гребне.

Шестидесятые годы XIX века были удивительной эпохой, когда то, что в мире идей много лет накапливалось понемногу, словно прорвав плотину, хлынуло в мир действительности. Этим широким умственным движением были, в той или иной степени, охвачены многие страны. В нем сочеталось все: дух свободы, материализм, реализм. Этим воздухом дышал Жюль Верн в лучшие годы жизни.

Замечательные, даже необыкновенные люди рождаются каждый день. Но их гений чаще всего гибнет от удушья в самом начале жизни или вырастает изломанным, искривленным, даже извращенным. Великое счастье — родиться в ту эпоху, которая нуждается в тебе! Мало иметь крылья, нужно иметь воздух, о который они могли опереться.

Эпоха, прогремевшая бурей над Европой, подняла в воздух — к солнцу и свету — многих, чья жизнь в других условиях прошла бы

незаметно, но чтобы стать наравне с этой эпохой, мало было своевременно родиться, нужно было еще иметь крылья.

У Жюль Верна были крылья.

Место под солнцем

Литературным потомком быть куда как легче, чем предком, зачинателем нового жанра. Жюль Верн с огромным трудом, платя за победы поражениями, все же проложил путь от своего времени к блистающему Завтра, которое стало нашим днем. Этим он завоевал себе бессмертие и право на любовь и уважение читателей.

Но история литературы, которая распределяет «места под солнцем», несправедливо обошлась со старым писателем. Она обрекла его на посмертную ссылку в детскую литературу и снисходительные похвалы, вместо того чтобы раскрыть перед читателями то главное, ради чего жил и работал Жюль Верн.

Впрочем, так же несправедливо отнеслась история литературы и к приключенческому жанру вообще, как к классическому, так и к тому, который создал Жюль Верн. Она совершила самое жестокое — отказала приключенческой литературе в праве на реализм.

Здесь не место разбирать все, или даже главнейшие, проблемы приключенческого жанра. Оставим литературоведам историю греческого романа, авантюрно-рыцарского романа средних веков, расцвет морского романа в эпоху великих открытий, влияние на этот жанр романтизма... Но

нельзя не коснуться проблемы реализма в приключенческой литературе в связи с творчеством Жюль Верна!

Ни один писатель не может быть понят вне своей среды — вне общества, в котором он жил, вне литературы того времени, представителем которой, великим или малым, он является, ни вне жанра, в котором он работал.

Поэтому нельзя понять Жюль Верна до конца, не взглянув, хотя бы с птичьего полета, на литературу его века, на те бесчисленные приключенческие романы, рядом с которыми стоят на полке его тома.

Если для науки эпоха Жюль Верна была веком не только огромных успехов, но и торжества стихийного материализма в мировоззрении естествоиспытателей и инженеров, веком рождения материализма диалектического, то для литературы она стала веком реализма.

Сорок восьмой год был тем рубежом, который положил конец романтическому направлению и направил внимание писателей на поиски живой, неприкрашенной жизни, на поиски правды — и не только натуралистической, но и социальной, — которая стала для них более важной, чем красота, вернее сама стала новой красотой. Если еще недавно литература была привилегией избранных и вела своих талантливых представителей на университетские кафедры, в сенат и в совет министров, то теперь она становится делом народа, его лучших представителей. Если она раньше говорила на «ты» с императорами и королями, то это было всего лишь поэтической условностью (впрочем, Луи Филипп, мало понимавший в литературе, обиделся на Мюссе, который обратился к нему на «ты» в сонете). Теперь она приобрела небывалую силу и значение, так как стала существовать не милостью покровителей, но сочувствием читательских масс, не прислушиваясь к голосу политиков, но заставляя их самих подчиняться и льстить себе. Теперь, более чем когда-либо, французская литература становится мировой.

Но реализм торжествовал победу прежде самого сражения, и чем более полным, тем более кратким было его торжество, рожденная к жизни эпохой буржуазных революций, французская реалистическая литература невольно связала свою судьбу с породившим ее классом, французской буржуазии хватило на борьбу и на победу, но сладить с победой она не смогла. И великие реалисты, вызванные к жизни победой когда-то революционного класса, оказались ему ненужными. И чем ярче блистают их имена, тем трагичнее сложилась их личная судьба.

Историки литературы совершенно справедливо изучают литературу любой страны по ее лучшим представителям. Но для историка быта,

нравов и общественных идей иногда важнее спуститься в нижние слои словесности (иногда этот вид творчества совестно назвать литературой), посмотреть на эпоху глазами современников. И если высшим судом являются История и Народ (оба с большой буквы), то первой судебной инстанцией для литературных произведений чаще всего является бульварная пресса, а присяжными заседателями — завсегдатаи дешевых кафе. Для *этого* литературного Парижа Стендаль был всего лишь беглым французским консулом, а Бальзак — неудачником, умершим в нищете. В *этом* Париже Флобер и братья Гонкур могли существовать лишь потому, что имели скромную ренту, независимую от их литературного заработка. Богом *этого* Парижа был Александр Дюма, ее голосом — Жюль Жанен.

Не нужно понимать этой характеристики как осуждения творчества обоих писателей. Талантливый Дюма, бесспорно, останется в истории литературы, но займет в ней место несравненно более скромное, чем отводили ему современники и чем рассчитывал он сам. Выходец из рядов романтизма, он выступил на литературную арену с известными идеалами, писал свои лучшие вещи со страстью, но по мере успеха стал интересоваться лишь результатом и приноравливаться к вкусам тех, кто платил ему деньги — издателей и читателей. Он первый положил начало промышленному направлению в словесности (вежливые французские литературоведы называют его школой индустриализма), превратил профессию писателя в доходное ремесло и наглядно доказал, что бульварный литератор должен обладать лишь литературной ловкостью и совсем не нуждается ни в собственных идеях, ни в свободном творчестве.

Жюль Жанен в продолжение сорока лет, с 1830 по 1870 год, был ведущим фельетонистом крупнейшей газеты «Журналь де Деба» и непререкаемым авторитетом в вопросах литературы и театра. Каждый понедельник «весь» Париж учился у него мыслить и составлять мнения. Человек умный, начитанный, очень талантливый, Жюль Жанен создал новый газетно-литературный жанр, фельетон и до него считался легким видом литературы, но все же авторы его высказывали в нем какие-то мысли, вкладывали определенное содержание. Жанен создал фельетон-болтовню, в котором писал решительно все, что приходило ему в голову, несколько не стесняясь противоречиями или недомолвками. Он не имел ни взглядов, ни определенных идей, но это ничуть его не смущало и не вредило успеху его блестящих фельетонов, написанных с удивительной легкостью и изяществом. Напротив, это было даже его самой сильной стороной, так как давало возможность держаться той точки зрения, которая популярна в данную минуту. Жанен в своем лице отражал всю эволюцию

французской литературы этого периода: начал крайним романтиком, постепенно склонился к так называемой школе здравого смысла, перешел в лагерь реализма, но под конец жизни, уже чувствуя веяние эпохи, стал жаловаться на крайности натурализма, который «убивает в человеке стремление к идеалу». Под конец жизни, страдая подагрой, он уже не ездил в театр, но посылал туда жену, что не мешало ему, все столь же блистательно, вести раздел театральной критики.

Жюль Жанен создавал и сокрушал репутации новых сборников стихов, романов, пьес и был кумиром околосредоточенной толпы. Еще бы! Журнальной работой он составил себе состояние, на его обедах собирался цвет литературы и искусства, а интеллектуальная Франция увенчала его высшей наградой: креслом в Академии и званием «бессмертного».

французская академия никогда не была верным зеркалом французской литературы. Но во времена романтиков ее, по крайней мере, украшали такие имена, как Гюго, Ламартин, Нодье, Виньи, Мюссе, Мериме. Кого же увенчали лаврами Вторая империя и Третья республика, кто, с официальной точки зрения, представлял высший цвет литературы, перед лицом Франции и всего мира в эпоху, когда жил и работал Жюль Верн?

Жюль Жанен уже был назван. Другие имена для советского читателя покажутся, вероятно, не менее странными.

Это драматург Эмиль Ожье, автор ряда пьес о добродетельных злодеях и высоконравственных куртизанках, и Жозеф Отран, посвятивший свою лирику исключительно древней Греции, отмеченный критикой за «ясность и чистоту стиля и благородство чувств». Оба они представляли школу «здравого смысла» в литературе.

Это знаменитый Эжень Скриб, пользовавшийся на поприще драматургии такой же славой, как Дюма в области романа, и тоже работавший с помощью сотрудников. Скриб поставил на сцене свыше трехсот пьес, сочинил либретто почти всех выдающихся опер, появившихся в его время, и нажил на этом несколько миллионов. Над своей роскошной виллой он сделал благодарственную надпись:

«Мерси, прохожий! Вам обязан я, быть может».

Это драматург Александр Дюма-сын, светский моралист и бытописатель, и прославленный автор водевилей и драм Викторьен Сарду, ставший знаменитостью лишь потому, что прославленная актриса Дежазе «провела» его пьесы на сцену и играла в них главные роли.

Это Франсуа Коппе, автор гладких стихов, и Жюль Кларети, автор гладких романов; только литературоведы помнят их имена...

Посмотрим же, кого в эти годы читала Франция, точнее — чьи книги

расходились в наибольшем тираже?

С этой точки зрения в сороковые годы XIX века во Франции безраздельно господствовали два представителя «индустриальной школы» в литературе, ее создатели: все тот же Александр Дюма и его соперник Эжень Сю — автор обошедших весь мир романов «Парижские тайны», «Вечный жид» («Агасфер»), «Тайны народа», поверхностных, но затрагивающих глубокие и злободневные социальные проблемы.

Но для Второй империи даже эти писатели были чересчур серьезными, а их произведения — слишком утонченными. В эту эпоху на сцену выступил жанр уголовного и полицейского романа, завоевавшего миллионную аудиторию, покоровшего всех тех, кто лишь недавно научился читать, но еще не привык мыслить. Новое литературное направление с предельной откровенностью выражало идеал империи, олицетворяя его в непойманном преступнике и полицейском сыщике. Творцами нового жанра были Понсон дю Терайль и Габорио.

Пьер Алексис виконт Понсон дю Терайль происходил из аристократической фамилии, служил во флоте, но предпочел сменить морской кортик на перо фельетонного романиста. При первом же его появлении на литературной сцене стареющий Дюма признал себя побежденным безусловно: за два года Понсон дю Терайль, работая без помощников, написал и издал 60 томов романов, которые он печатал параллельно в целом ряде газет. В его произведениях уже нет и намека на жизненную правду или искусство, но в этом не нуждался автор и не этого искали читатели.

Венцом его творчества был «великий» «рокамболь», появившийся на свет в 1864 году. Он завершил «творческие искания» автора, который в последующие годы, том за томом, выпускал продолжения ходкого романа. Понсон дю Терайль пережил империю всего лишь на один год: он умер, совершенно истощив свои силы, сорока двух лет.

Его соперник, Эмиль Габорио, был моложе его на шесть лет. Уроженец провинции, он мечтал о карьере приказчика или владельца мелкого магазина, а стал «властителем дум» парижан. Вершины славы он достиг своим полицейским романом «Мсье Лекок», вышедшим в свет в 1869 году. Последующие годы Франция была наводнена «Лекоком» во всех видах: новыми изданиями, продолжениями, подражаниями, переделками для сцены и просто подделками. Смерть самого Габорио в 1873 году ничуть не смутила издателей: разве не существовало безыменных и голодных литературных ремесленников, жаждавших за несколько франков продолжить приключения пресловутого сыщика?

И, наконец, существовала и французская приключенческая литература, представительница «классического» крыла этого жанра. Когда-то ее неплохо начал Луи Беллемар, писавший под псевдонимом Габриель Ферри, но вскоре она вошла в единое русло «индустриального направления», превратившись в механизированную скоропись. В годы империи ее представителем был Оливер Глу, еще ребенком попавший в Америку, объехавший Европу и Ближний Восток, писавший под псевдонимом «Густав Эмар» и окончивший свои дни в доме сумасшедших. Позже его место заняли Луи Жаколио, Луи Буссенар и их безыменные продолжатели. Они уже не имели ни биографии, ни литературной репутации. Как стая шакалов, они шли по следам пролагателей путей — Купера, Ферри, Майн Рида, позже Жюль Верна, подбирая крохи и на каждую новую тему или идею отвечая целым фейерверком романов. Мы найдем среди них и кругосветные путешествия, и экспедиции к полюсам, и приключения в Индии, и подвиги пиратов. Они писали и о победах науки и о чудесах техники. Помнит ли читатель хотя бы названия их книг, несомненно читанных им в детстве?...

Таковы были только некоторые струи гигантского водоворота, называемого Парижем. Следует помнить, что он бушевал не только в пространстве, но и во времени: как-то развивался, куда-то двигался. Это движение было незаметно для одних и достаточно явственно для других. Жюль Верн принадлежал к числу тех немногих, кто ощущал его очень отчетливо.

Немногих... Да, Жюль Верн не был человеком толпы, он принадлежал к ничтожнейшему меньшинству, но меньшинству, определяющему эпоху. Он и ему подобные заслоняют от нас и маленького Наполеона, и его империю, и академию «бессмертных», и литературную промышленность. Это о них мы говорим: вот девятнадцатый век, вот Франция!

Что же отличает Жюль Верна от его современников, представителей различных течений многообразного жанра приключенческой литературы? Что делает его в наших глазах не только создателем научно-фантастического романа, но и обновителем таких форм классической приключенческой литературы, как роман путешествий — географический и морской?

Сила Жюль Верна в тех элементах реализма, которыми пронизано его творчество, реализма, бесконечно поднимающего его над современниками, перечисленными выше, и сближающего его с великими реалистами — Стендалем, Бальзаком, Флобером, Золя.

Типические герои в типических обстоятельствах — так привыкли мы

определять реализм. Для творчества Жюль Верна эта формула верна лишь наполовину. Несмотря на значительную долю схематичности, его герои наделены чертами, типическими для своей эпохи. Эти необыкновенные герои по сути своей очень обыкновенные люди, — этим они близки читателям: их можно любить, им можно подражать. Но действуют они в обстоятельствах необыкновенных — в ледяных просторах Арктики, на дне океана, в глубинах Земли, в межпланетном пространстве. Типические характеры в необыкновенных обстоятельствах — так можно охарактеризовать реалистическое по своим тенденциям творчество Жюль Верна и созданное им направление реалистической приключенческой литературы.

Но и эта необыкновенная обстановка романов Жюль Верна совсем не свободное творение его фантазии, но особый мир, синтетически созданный, сотканный из реальных подробностей, с огромной художественной, почти гипнотической убедительностью.

В самом деле, «гипнотическая реальность» подводных лесов, гигантских пещер, населенных давно вымершими животными, обитаемого алюминиевого ядра, летящего меж звезд, кажется нам действительно существующей, так как огромный материал, собранный Жюлем Верном и оживший под его пером, был действительно реальным для его времени, да и поныне остается художественно убедительным.

Пусть талант Жюль Верна бесконечно уступает таланту великих реалистов, его современников, но писатель стоит к ним ближе, чем ко всем авторам приключенческих романов XIX столетия. Даже односторонний, весьма условный реализм Жюль Верна возвышает его над приключенческой литературой его времени. Это крылья, поднявшие его к свету и солнцу.

Не нужно, конечно, представлять себе Жюль Верна каким-то сверхчеловеком, а его романы лишены недостатков. Мы любим и ценим то лучшее в его творчестве, что живо и сейчас, и забываем то, что умерло.

Его сильные стороны и его слабости принадлежали его веку. В какой-то степени и он был человеком толпы, и он был немного заражен литературной скорописью, и не все его книги дожили до наших дней. Но вспомним, что таков был дух эпохи, что даже «сам» Ламартин, которому в то время уже шел седьмой десяток, за годы империи успел написать «Историю революции 1848 года», «Историю реставрации» в восьми томах, «Историю Турции» в шести томах, двухтомную «Историю России», несколько повестей, драму «Гуссен Лувертюр», том «Признаний» и дополнительный том «Новых признаний». Вспомним, что даже Жорж

Санд, в те годы укрывшаяся в деревенском уединении, считала необходимым в каждой комнате своего огромного дома держать наготове письменный стол со всеми принадлежностями, чтобы не потерять ни мгновения в тот момент, когда захочется писать. Сто девять томов собрания сочинений Жорж Санд достаточно беспристрастно свидетельствуют о продуктивности ее пера.

Литературоведы напрасно не отвели Жюлю Верну места под солнцем. Впрочем, он сам его сумел завоевать и сам нашел пути — через моря, материки, годы и десятилетия — к сердцам читателей, минуя «официальные каналы» критики и истории литературы. Но нужно было обладать огромной внутренней силой, чтобы этого добиться. И недаром в приключенческой литературе Жюль Верн так одинок.

Что это так, свидетельствует литературная судьба Паскаля Груссе. После побега с Новой Каледонии он обосновался в Лондоне и стал писателем-профессионалом. Он писал на разные темы и под многими псевдонимами — Филипп Дариль, Андре Лори, Тибюрс Морай, доктор Блазиус, Леопольд Вирей. Нелегко было бывшему коммунару печататься в республиканской Франции. После амнистии 1880 года он вернулся на родину и, окончательно остановившись на псевдониме Андре Лори, избрал себе область приключенческой литературы.

Романы Андре Лори несправедливо забыты; они принадлежат к «классическому» типу, и многие не потеряли интереса до наших дней. Лори был близок к Жюлю Верну, часто шел по его следам, писал даже фантастические романы (например, о путешествии на Луну). Совместно с Жюлем Верном им написан роман «Обломки Цинтии», вошедший в издаваемую Этселем серию «Необыкновенные путешествия». И все же творчество Лори так же далеко от созданного Жюлем Верном направления, как и литературная деятельность Эмара, Жаколио или Буссенара.

Объясняется это не отсутствием у Андре Лори литературного таланта, но его идейной слабостью: за годы каторги и изгнания он порастерял свои идеалы, стал добропорядочным умеренным республиканцем и окончил свои дни членом парламента Третьей республики. Ему не хватало великой любви к человеку и великой веры в его силы, которые подняли Жюля Верна над веком.

Одинокий в литературе, Жюль Верн, однако, в общественном смысле совсем не был одинок. Живая связь его творчества с идеями народа говорит нам, что могло быть много писателей, могущих стать с ним рядом, но слишком трудно было подлинным представителям народа пробиться к солнцу сквозь жестокие пути буржуазного общества, перерастающего в

стадию империализма.

Что это так, говорит нам пример Луизы Мишель. Достоверно известно, что она писала научно-фантастические романы, но они не увидели света или их унес леденящий ветер эпохи. «Сколько стихов развеяно по свету, — писала она, — затеряно по большим дорогам на колючих кустарниках, сколько забыто в школе, в учительском столике! А после! Спросите у моря, у бури, поищите за тюремной решеткой. А, пожалуй, всего больше нашли бы вы в мусорной корзине господина Бонапарта!..»

«Сен-Мишель-III»

В глазах всего мира Жюль Верн, добровольно похоронивший себя в амьенской глуши, очень скоро превратился в «путешественника, который никогда не покидает своего кабинета». Сам писатель охотно поддерживал эту легенду. И все же каждую весну в нем просыпалась неукротимая тоска о море, и каждое лето он покидал свое почти отшельническое уединение и отправлялся в Ле Кротуа.

Маленький «Сен-Мишель», сооруженный после войны усилиями Сандра, Альфреда и все того же старого плотника из Ле Кротуа и получивший, словно коронованная особа, прозвище «Второй», верно служил своему хозяину, каждый год храбро отправляясь в открытое море. Но Жюль Верна обуревали гордые замыслы. Он мечтал уже не о каботажных плаваниях, но о далеких путешествиях. Наряду с людьми, такими же героями его романов, все чаще становились корабли: яхта «Дункан» лорда Гленарвана, «форвард» капитана Гаттераса, «Наутилус», шлюп «Благополучный», построенный колонистами острова Линкольна своими руками, даже «Анриетта», купленная Филеасом Фоггом, — сколько любви вложил Жюль Верн в описание этих, таких различных, кораблей! Ведь каждый из них был его собственным судном, хотя бы в мечтах, и

каждым из них командовал капитан Верн.

И когда грянул час славы и золотой дождь обрушился на плечи писателя, сделав возможными самые затаенные мечты, только одно магическое слово «корабль», как и в детстве, волновало его. Ведь в своем кабинете он бережно хранил потрепанный журнал, где на первой странице каллиграфическим почерком было выведено: «Судовладелец и капитан Жюль Верн».

Но Жюль Верн был терпелив: он ждал, он присматривался, он выбирал. И случай, наконец, представился — и какой случай!

Маркиз де Прео пожелал продать свою великолепную паровую яхту, «судно, достойное императора», как он ее оценивал. Маркиз не преувеличивал: это была одна из лучших в мире яхт, построенная по заказу бельгийского короля Леопольда I и только из-за его смерти в 1865 году перешедшая в другие руки.

Посетитель, навестивший маркиза в Нанте, отвечал его требованиям: он был знаменит не менее, чем любой император, и знал и любил море, как ученый и как моряк. Сделка заняла всего двадцать минут, и корабль перешел в собственность Жюля Верна за 60 000 франков. Шестьдесят тысяч франков! Вспоминал ли писатель в ту минуту, когда отсчитывал деньги, те шестьсот франков в год, которые он получал в конторе Гимара двадцать пять лет назад? Почувствовал ли он, хоть на мгновение, ту дрожь, которую он ощутил при виде своего первого рассказа, напечатанного в «Семейном музее»?

Корабль был настоящим красавцем. Построенный в Нанте прославленными инженерами-судостроителями Жолле и Бабэном, он имел железный корпус длиной в 53 метра, а его водоизмещение равнялось 67 тоннам. Белая, сильно наклоненная назад труба и две мачты с полным рангоутом придавали ему необыкновенное изящество. Паровая машина мощностью в 25 сил позволяла развивать скорость в 9 — 11 узлов — 17–20 километров в час. Кают-компания была отделана красным деревом, остальные каюты — светлым дубом.

— На этом судне мы сможем совершить путешествие вокруг света, — сказал Жюль своему брату, когда они осматривали новое приобретение.

Жюль Верн вступил во владение кораблем в 1876 году и дал ему название «Сен-Мишель Третий».

Но годы шли, а кругосветное путешествие все откладывалось. «Сен-Мишель» совершал только каботажные рейсы, и лишь в 1878 году, в ознаменование своего пятидесятилетия, Жюль Верн решил отправиться в дальнее плавание.

На борту яхты были: сам писатель, его брат Поль, Этсель-младший и молодой депутат Рауль Дюваль, друг семьи Вернов. Команда состояла из капитана Оллив, также уроженца Нанта, штурмана Оллив — сына капитана, машиниста, двух кочегаров, трех матросов, юнги и повара.

«Великий романтик на море», — писали газеты Франции, Испании и Португалии. Каждый маленький порт надеялся, что «Сен-Мишель» его посетит. Корабль плыл вдоль западного побережья Европы и североафриканского берега, но бросал якорь лишь в больших городах: Виго, Лиссабон, Кадикс, Танжер, Гибралтар, Малага, Тетуан, Алжир. «Описать прелесть этого путешествия было бы очень трудно, — вспоминал позже Поль Верн. — Может быть, мой брат когда-нибудь напишет мемуары «Сен-Мишеля»...»

Но эти мемуары так и не были написаны. Воображение писателя блуждало в межпланетном пространстве, вместе с кометой Галлией, унесшей с собой отважного Гектора Сервадака, создавало фантастический подземный город «углеград» в заброшенных копиях «Черной Индии», бродило по свету с китайцем Кин-фо, пересекало Индию на сказочном паровом слоне, герое романа «Паровой дом». Замыслы превращались в беглые заметки, но теперь Жюль Верн уже не работал во время путешествий. На море он лишь отдыхал и мечтал, зная, что в тишине амьенского кабинета его ждет старая конторка, стопка аккуратно нарезанной бумаги и связка тонко отточенных карандашей.

Но море жило в его воображении, — не синие океаны географических карт, а живые зеленые волны, бьющие в борта корабля. «Море, музыка и свобода — вот все, что я люблю», — сказал он когда-то, и эта любовь ждала от него воплощения.

Весной 1880 года «Сен-Мишель» крейсировал у берегов Норвегии, Ирландии и Шотландии. Писатель работал над новым романом «Зеленый луч». Это было произведение, не похожее на прежние книги Жюль Верна. Его героями были не смелые путешественники, исследователи, инженеры или изобретатели. По сути дела, единственным действующим лицом романа было море.

Трудно даже назвать «Зеленый луч» романом, скорее, это поэма о водной стихии. На его страницах писатель, обычно столь сдержанный, даже скрытный, раскрыл свое сердце и рассказал о своей затаенной любви.

«У моря нет собственного цвета: это только громадное отражение неба. Синее оно? Его синей краской не изобразить. Зеленое? Зеленой не изобразить. Его легче схватить в его ярости, когда оно мрачно, бледно, когда кажется, что небо в нем смешало все облака, которые развесило над

ним... Ах, чем больше я смотрю на этот океан, тем все величественнее он мне представляется. Океан! Одним этим словом сказано все! Океан! Это громада! На недостижимых глубинах он скрывает безграничные луга, рядом с которыми наши луга — пустыня, как говорит Дарвин. Что материка, даже самые обширные, по сравнению с ним! Простые острова, окруженные его водами. Он покрывает четыре пятых земного шара. Путем непрерывного круговращения, словно живое существо, сердце которого бьется на экваторе, он питается парами, которые сам же испускает, он питает ими источники, и они к нему возвращаются реками или непосредственно в виде дождей! Да, океан — это бесконечность, которой не охватить, но которую чувствуешь, по выражению поэта. Бесконечность, подобная тому небесному пространству, которое он отражает в своих водах!»

Быть может, впервые Жюль Верн сам, наяву, следовал за своими героями. Он не совершал воздушных полетов, когда писал «Пять недель на воздушном шаре», не спускался в кратеры вулканов, чтобы увидеть внутренность Земли, не бывал в Арктике, не блуждал в джунглях Африки и Южной Америки и не парил в межпланетных безднах. До сих пор его мечта обгоняла его любимый корабль. Но сейчас каждый залив, каждая бухта, каждый полуостров скалистого шотландского побережья навеки становился бессмертным под его волшебным пером.

На маленьком базальтовом островке Стаффа, одном из группы Гебридских, Жюль Верн спустился в удивительную пещеру «грот фингала». Двадцать лет назад он не захотел ее видеть, теперь она стала для него олицетворением моря.

«Вода, вся облитая светом, не препятствовала видеть дно, состоявшее из оконечностей столбов, имевших от четырех до семи граней, прильнувших друг к другу и образовавших подобие мозаики. На боковых стенах отражалась удивительная игра света и теней. Все это гасло, когда против отверстия пещеры останавливалось облако, подобно газовому занавесу на сцене театра. И наоборот, когда сноп лучей врвался в пещеру и отражался от кристаллов на дне пещеры и потом поднимался длинными лучами к своду, вся пещера начинала сиять и сверкать всеми семью цветами призмы...

«Свет, проникавший снаружи, играл на этих блестящих гранях. Отражаясь в воде внутри пещеры, как в зеркале, он придавал сверкающий блеск этой воде и в то же время доходил до подводных камней и водорослей, которые давали отблески разных цветов, от зеленого и тёмнокрасного до светложелтого; от воды свет отражался, в свою очередь, выступающими участками базальта, которые громоздились неправильными

грудами на своде этого единственного в мире подземелья, где царило какое-то звонкое безмолвие, если только возможно сочетать эти два слова».

...А кругосветное путешествие? Оно все откладывалось. Не напоминало ли это Полю давнюю историю их несостоявшегося бегства?...

В следующем году «Сен-Мишель» посетил Роттердам и Копенгаген. Нет, он не искал новых путей, скорей наоборот: все снова и снова его владелец направлял путь корабля по знакомым маршрутам, казалось, отыскивая в этих водах годы молодости и свои мечты...

В 1884 году Жюль Верн впервые почувствовал себя очень усталым. Нужно было сделать большой перерыв в работе. Прогулка вдоль побережья не казалась уже достаточной, большие моря и заморские страны снова, как в юности, стали манить стареющего писателя.

«Сен-Мишель» отправлялся в плавание более длительное, нежели обычно.

— Вы отправляетесь в Бразилию? — спрашивали любопытные.

— Жюль Верн едет открывать остров Линкольн?

— Вы плывете к истокам Амазонки?

— Ба, — отвечал капитан Олив, не вынимая трубки изо рта, — гораздо дальше! Мы отплываем в Страну мечты...

В это путешествие Жюль Верн пригласил только самых близких людей: Поля и его сына Гастона; Онорина и Мишель присоединились к ним в Оране.

Плавание это ознаменовалось целым рядом триумфов. В Лиссабоне их посетил португальский министр, в Гибралтаре писателя чествовала группа молодых английских офицеров. Тунисский бей прислал за прославленным романистом экипаж, украшенный цветами, губернатор Мальты лорд Симмонс устроил праздник в честь гостей. Перед путешественниками прошли берега Франции, Португалии, Испаний, Марокко, Алжира, Туниса, Италии... На Сицилии они поднимались на вершину Этны, в Неаполе осматривали Везувий и пресловутую Собачью пещеру.

В Чивитта-Веккиа Онорина почувствовала себя нездоровой, и Жюль Верн решил на время расстаться со своим кораблем. Супруги побывали в Риме, где писатель был принят воинственным папой Львом XIII, затем направились во Флоренцию, Милан и Венецию. Венецианцы устроили им встречу, похожую на фантасмагорию. Город был иллюминирован, балконы и карнизы украшены светящимися транспарантами. «Эввива Джулио Верне!» — кричала толпа. Маленькая девочка поднесла герою праздника лавровый венок...

Однако здоровье Онорины все ухудшалось, и муж и жена решили

возвратиться в Амьен по железной дороге. Путешествие было прервано — на время.

...8 февраля 1835 года, в день рождения Жюль Верна, в доме на Лонгевилльском бульваре был устроен костюмированный бал. у входа висела большая афиша: «Гостиница для путешественников вокруг света, разрешается бесплатно пить, есть и танцевать». Хозяин был одет трактирщиком, хозяйка — трактирщицей; они несли огромный котел с вареными овощами и большими ложками раздавали угощение желающим. На галерее был организован уже настоящий великолепный буфет. Гости были одеты китайцами, русскими, неграми, американцами, шотландцами, турками, арабами, испанцами, индийцами... Все народы мира окружали творца «Необыкновенных путешествий»!

Конец века

Ну, а все-таки, как же кругосветное путешествие? Оно было совершено, но... в мечтах. За месяцы последнего плавания по морю Жюль Верн закончил новый роман «Робур Завоеватель».

В этом произведении писатель словно вступил в единоборство с самим собой — тем Жюлем Верном, каким он был четверть века тому назад. Темой новой книги было соревнование воздухоплавания и авиации, столкновение двух систем «легче» и «тяжелее» воздуха.

Казалось бы, что воздух уже был завоеван Жюлем Верном в романе «Пять недель на воздушном шаре». Но ведь с тех пор прошло больше двух десятилетий. Жизнь далеко обогнала мечты писателя, но мечты писателя теперь снова обгоняли жизнь.

Одним из героев нового романа был управляемый аэростат «Вперед». Надаровский «Гигант», — а вспомним, что «Гигант» был прототипом «Виктории», — показался бы перед ним игрушкой: «Велик ли был объем надаровского «Гиганта»? — писал сам Жюль Верн. — Шесть тысяч кубических метров...

Хорошо, сравните теперь его с воздушной машиной Велдонского института, объем которой равнялся сорока тысячам кубических метров, и

вы согласитесь, что было чем гордиться дяде Прюдану и его почтенным коллегам».

И вот этот воздушный великан терпит тяжкое поражение в соревновании с аппаратом тяжелее воздуха, которому Жюль Верн дал название аэронеф — воздушный корабль.

«— С этим кораблем, — говорит Робур Завоеватель, его конструктор и строитель, — с этим кораблем я покорил своей власти седьмую часть света, которая больше Австралии, Океании, Азии, Америки и Европы вместе. С ним я владею тою таинственной Икарией, которую со временем населят многие миллионы икарийцев...»

Что же это за корабль? На языке современной техники мы бы назвали его вертолетом. Впервые мысль о такого рода аппарате была высказана Ломоносовым, предложившим проект «аэродромической машины» для исследования верхних слоев атмосферы. Жюль Верн не знал о работах русского ученого, но он очень точно указал на исходные пункты изобретения своего героя:

«В общем аппарат инженера Робура представляет усовершенствованное сочетание трех систем: системы Коссю, системы Ляланделя и системы Понтон д'Амекура. Но истинным изобретателем аппарата должен, по всей справедливости, все-таки считаться Робур, потому что выбор и применение двигательной силы принадлежат в этом случае всецело ему одному».

Ну, а двигатель? «Двигательную силу для своего аппарата Робур не взял ни у воды, ни у воздуха, ни у какого бы то ни было сжатого газа. Для движения он воспользовался электричеством, тою силою будущего, душою дальнейшего как промышленного, так и технического прогресса...»

Сюжетная схема этого произведения напоминает роман «Двадцать тысяч лье под водой». Как и там, трое похищенных пассажиров насильственно совершают кругосветное путешествие, только в первом случае подводное, а в данном — надземное. Пожалуй, что и «Альбатрос» чем-то напоминает «Наутилус». Но создатель и водитель чудесного корабля не что иное, как только тень капитана Немо.

«Робур Завоеватель» — прекрасный роман. Но он кажется нам еще лучше потому, что мы читали его после того, как познакомились с историей капитана Немо. И мы невольно подменяем один образ другим, без оснований наделяем таинственного инженера титулом «гения воздуха», как с именем капитана «Наутилуса» у нас неразрывно связано представление о гении моря.

Но капитан Немо — великий ученый, исследователь. Немо —

гениальный изобретатель, создатель «Наутилуса». Немо — великий борец за свободу своего народа и за счастье всего человечества. Победенный в неравной борьбе, он удалился на морское дно не потому, что проклял человечество. Нет, и в водной стихии он остался великим гуманистом и борцом.

Если бы Робуру не нужно было похитить президента и секретаря Велдонского воздухоплавательного клуба и совершить вместе с ними кругосветный полет с целью доказать преимущество системы тяжелее воздуха, то какую иную цель избрал бы «Альбатрос», скитаясь в облаках? Только испытание механизмов? Только демонстрацию техники будущего?

Капитан Немо удалился на морское дно не потому, что он проклял человечество. Победенный в неравной борьбе, он остался великим гуманистом. А что побудило Робура расстаться с землей? Неужели только мелкое самолюбие непризнанного изобретателя?

Легкая тень конца века — тень упадка, разочарования и пессимизма — лежит на романе «Робур Завоеватель». По-настоящему он не дописан, словно Жюль Верн не решался доверить бумаге свои заветные мечты. Но даже между строк мы можем прочесть многое из того, что волновало и мучило стареющего писателя.

Прошли те годы, когда он мечтал, что наука, проникшая в тайны природы, техника, созданная руками гениальных одиночек, создадут на земле царство справедливости и свободы. Наивная вера ушла, но иногда стареющего писателя одолевали мучительные сомнения и припадки пессимизма. Не видя движущих сил прогресса, не рожденного развитием науки и техники, а наоборот, определяющего их развитие, не понимая логики классово-борьбы, писатель готов был в иные минуты поссориться со своим веком и обвинить в лени и отсталости все человечество.

И эту горькую обиду на своих современников автор вложил в уста своего героя, выразил свои взгляды в заключительной речи Робура, никак не связанной с сюжетом всего романа:

«Мое изобретение преждевременно. Народы еще не созрели для всеобщего братского союза. Я уезжаю и уношу свою тайну с собою. Но она не будет потеряна для человечества. Оно узнает ее в тот день, когда окажется достаточно развитым умственно, чтобы ею воспользоваться, и достаточно разумным и нравственным, чтобы не употребить ее во зло...»

Робур не хочет стать рабом капитализма, он страшится, что чудесный «Альбатрос» превратится в орудие истребления. Но он ничего не может противопоставить силам зла, и ему остается отправиться в будущее и быть пока единственным обитателем Икарии.

Речь Робура выражает мысли не героя, но автора. Об этом ясно говорит послесловие к роману:

«А теперь вопрос: кто же такой Робур?

Ответ простой: Робур — это будущая наука; быть может, наука завтрашнего дня...

Явится ли когда-нибудь людям снова Робур Завоеватель?

Конечно, и он откроет им свою тайну, которая переменит на Земле весь политический и гражданский строй...»

Мир насилия, угнетения, мелкой корысти был ненавистен Жюлю Верну, и он не хотел отдать ему гениального изобретения Робура. Поэтому создатель «Альбатроса» скитается по пустынной Икарии: он не может ни повести за собой человечество, ни указать ему путь в грядущее. Он может лишь ждать, когда люди сами создадут на Земле новый, освобожденный мир.

Беспокойная мысль о том, что достижения науки и техники могут быть использованы во вред человечеству, становится в эти годы почти навязчивой идеей Жюля Верна. Но он обвиняет в этом не самую науку, не ученых и изобретателей, — он обвиняет капитализм (точнее, отдельных капиталистов, которые в его воображении сливаются в страшный единый образ).

Образы гениальных изобретателей снова появляются в эти годы в романах Жюля Верна. Но теперь они не борцы и строители нового мира, а слуги и рабы капитализма; поэтому они и не могут стать положительными героями как для самого писателя, так и для его читателей. И если это не злодеи, как Шульце, сознательно мечтающие о науке смерти и истребления, то чаще всего лишь жалкие безумцы: образ, часто встречающийся в последних романах Жюля Верна.

В романе «равнение на знамя» гениальный, но не вполне уравновешенный изобретатель взрывчатого вещества чудовищной силы француз Томас Рош попадает в плен к шайке международных пиратов, возглавляемой американцем Кер-Карраджем, владельцем разбойничьего подводного корабля, Рош, не понимая этого, становится их пособником. Но когда он видит французский флот, идущий к острову, где обосновались пираты, когда видит трехцветный флаг своей родины и слышит команду «равнение на знамя!», он взрывает весь остров вместе с собой.

В посмертном романе «Экспедиция Барсака» преступник Киллер с помощью гениального изобретателя Камаре сооружает в Экваториальной Африке чудовищный город смерти. Камаре — верный раб и пленник Киллера, не понимающий этого и живущий только своей наукой. Но когда

он узнает правду, он уничтожает город смерти Блекленд вместе с самим собой.

Француз Зефирен Ксирдаль, гениальный изобретатель, но человек не от мира сего, герой другого посмертного романа — «Охота за метеором», заставляет упасть на землю метеор из чистого золота, носящийся в мировом пространстве. Начинается финансовая паника во всем мире, золото катастрофически падает в цене, обесцениваются акции, разоряются и голодают миллионы людей, и этим пользуется дядя Ксирдаля, крупный банкир, чтобы при помощи биржевых махинаций удесятить свое состояние. Ксирдаль, которого и дальше продолжает эксплуатировать дядя-миллионер, так и не узнает, что, заставляя золотой метеор упасть и потом уничтожая его, он действовал по указке и в интересах капиталиста...

Но чем дальше в будущее уходило от Жюль Верна видение освобожденного мира, тем яростнее Жюль Верн ненавидел капитализм и тем чаще обращал свой взор на запад, на Соединенные Штаты — страну самого свирепого в мире молодого империализма, выросшего из ядовитых семян, увиденных писателем еще в середине XIX века.

Первые романы, посвященные Соединенным Штатам, — «От Земли до Луны» и «Вокруг Луны» — были написаны еще до путешествия писателя в Америку.

Поездка в Америку открыла Жюлю Верну глаза: Соединенные Штаты совсем не были похожи на благословенный край. Но чтобы впечатление это окрепло и стало основой мировоззрения писателя, понадобились события 1870–1871 годов: война и Парижская Коммуна. Горизонт писателя стал шире, а его друзья-коммунары, вернувшиеся после амнистии из-за океана, рассказали ему правду: Соединенные Штаты — это страна свирепого капитализма, жестокого порабощения человека человеком, где существуют те же противоречия между трудом и капиталом, богатством и нищетой, что и в Европе, только еще более резкие. Писатель увидел, что идеалы времен Линкольна и Джона Брауна, имена которых были ему так дороги, забыты. Он увидел, что расовая вражда в Америке не только не прекратилась после гражданской войны, но даже обострилась, и что расправа судом Линча с неграми — обычное бытовое явление.

И чем горячее была его мечта о «настоящей демократической стране», тем более страстным было его разоблачение империализма, в какой бы стране он ни восторжествовал.

Неоднократно возвращался Жюль Верн к теме Америки. В романах «Север против Юга», «Пятнадцатилетний капитан» он смело поднял голос против расовой дискриминации, против свирепых преследований негров в

Соединенных Штатах. Этой жестокой действительности он противопоставил коммуны белых и негров в своем утопическом романе «Таинственный остров» и утопический город-коммуна Франсевиль в романе «Пятьсот миллионов бегумы», унаследовавший все лучшее, что было создано человечеством — всеми народами земного шара.

8 февраля 1885 года, в день своего рождения, среди поздравлений, полученных со всех концов света, писатель нашел письмо от американского газетного короля Гордона Беннета. Издатель и редактор одной из самых больших газет Соединенных Штатов, «Нью-Йорк геральд», предлагал всемирно прославленному писателю написать рассказ специально для американских читателей. Он просил рассказать о будущем Америки, описать ее такой, какой она будет через тысячу лет.

«Нью-Йорк геральд» в те годы была крупнейшей газетой мира, но отнюдь не лучшей. Однако крикливый тон и дешевые сенсации делали ее любимым чтением улицы, что и нужно было издателю: она была рупором капитализма, голосом королей «Большого бизнеса», глашатаем еще молодого тогда, но уже яростного империализма.

Ее создателем был Гордон Беннет-старший, основавший первую в мире газетную династию. Когда-то он был сам своим собственным репортером, корректором, автором редакционных статей, бухгалтером, адвокатом и часто сам организовывал продажу газет. Но он очень скоро стал миллионером, так как создал «великий» принцип газетной сенсации: «Если собака кусает человека, то это происшествие; если же человек кусает собаку, тогда это сенсация».

Гордон Беннет никогда не плелся в хвосте событий — он сам их создавал. В конце шестидесятых годов весь мир был обеспокоен судьбой знаменитого путешественника доктора Ливингстона, вышедшего в 1866 году из Занзибара для исследования Центральной Африки и пропавшего без вести. И Гордон Беннет решил создать на этом материале сенсацию.

Газетный король вызвал к себе своего репортера Стенли и без дальнейших размышлений назначил его начальником экспедиции по спасению доктора Ливингстона. Но он нисколько не собирался спасать знаменитого путешественника всерьез. Вместо того чтобы отправиться прямо в Африку, Стенли получил приказание выехать к Суэцкому каналу и затем плыть вверх по Нилу, чтобы увидеться с Бекером, который к этому времени должен был пройти весь Нил, от истоков до устья. Далее Стенли поручалось составить путеводитель по нижнему Египту, посетить Иерусалим, Константинополь и Крым, пересечь Кавказ, Персию и Индию. По дороге Стенли должен был составить описание Багдада и развалин

Персеполя. На это должно было уйти не меньше пятнадцати месяцев.

«Затем, когда вы побываете в Индии, — сказал в заключение газетный король, — вы можете отправиться на поиски Ливингстона. Возможно, по дороге вы услышите о том, что Ливингстон сам приближается к Занзибару. Если нет, идите вглубь Африки и найдите его. Выжмите из него все новости, какие сможете, относительно его открытий. Если он умер, соберите доказательства его смерти. Все».

Таким был Гордон Беннет, основатель династии. В 1872 году ему наследовал Джеймс Гордон Беннет Второй — еще более циничный и предприимчивый. И он решил, что сенсацией будет рассказ всемирно известного писателя Жюль Верна о завтрашнем дне Америки.

Не сразу Жюль Верн откликнулся на это предложение. Только через два года писатель послал свой рассказ Гордону Беннету, но так и не дождался его появления: видимо, произведение французского романиста не пришлось по вкусу газетному королю. Лишь в 1889 году в строгом и мало распространенном американском журнале «форум» появилась эта сатирическая шутка, озаглавленная «В XXIX веке. Один день американского журналиста в 2889 году».

Вместо лучезарного мира всеобщего братства, о котором мечтал он сам, Жюль Верн показал читателям тусклые и убогие мечты американца-обывателя, грядущее, как оно представляется мещанам из Нью-Йорка, если можно так выразиться, своеобразную «утопию для миллионеров». Но, конечно, как и во многих произведениях Жюль Верна, значение рассказа гораздо шире: это сатира не только на будущее Соединенных Штатов — это карикатура на капитализм.

Действие рассказа происходит в Центрополисе, столице Американской империи доллара, раскинувшейся на двух континентах и диктующей свою волю заморским странам. Соединенным Штатам будущего противостоят лишь могучая Россия да великий возрожденный Китай. Англия, аннексированная Америкой, давно уже стала одним из ее штатов. В Западной Европе, управляемой из Центрополиса, лишь Франция влачит жалкое, полунезависимое существование.

Главный герой романа — Френсис Беннет, отдаленный потомок знаменитой династии, сверхмиллиардер, главный редактор и владелец газеты «Всемирный герольд», фактически он управляет всем капиталистическим полушарием. Его комфорту, его прихотям, его обогащению служит половина человечества и чудесная техника будущего.

Фототелефон, позволяющий видеть собеседника, связывает Беннета с (его женой, «профессиональной красавицей», уехавшей через

Атлантический тоннель в Париж покупать модную шляпку. Машины одевают газетного короля, умывают и причесывают его в механической туалетной комнате, движущийся тротуар доставляет его в кабинет. Счетно-аналитическая машина позволяет мгновенно подсчитывать доходы; светящиеся надписи на облаках рекламируют его газету; аэроплан, движущийся со скоростью шестисот километров в час, везет миллиардера на Ниагарскую гидростанцию, где на его заводах заряжаются аккумуляторы. Врач меняет ему больной желудок на новый. И ванна, наполненная горячей водой, при одном лишь прикосновении к кнопке въезжает в комнату, чтобы освободить избалованного комфортом владельца полумира от необходимости куда-то итти.

И на фоне этой фантастической, наполовину серьезной, наполовину шуточной техники особенно убого выглядят литература, искусство, наука этой капиталистической утопии.

«В одном углу редакции находились различные аппараты, с помощью которых сотни писателей, находящиеся на содержании газеты «Всемирный герольд», под наблюдением надсмотрщика читали главы своих новых романов возбужденной публике».

«Часть реклам публиковалась по совершенно новому способу, купленному за три доллара у бедняка-изобретателя, умершего впоследствии от голода. Это были огромные, отражающиеся на облаках афиши... Но в этот день механики сидели со сложенными руками у прожекторов.

— К сожалению, прекрасная погода, — заметил Беннет, — и воздушные публикации невыносимы. Что делать? Если бы речь шла о дожде, то его можно было бы изготовить. Но ведь нам нужен не дождь, а облака.

— Да, хорошие белые облака, — ответил главный механик.

— В таком случае, Семюель, обратитесь в научную редакцию, в метеорологический отдел, и предложите от моего имени усиленно заняться вопросом производства искусственных облаков. Нельзя же в самом деле быть в зависимости от погоды».

Самодовольству Френсиса Беннета нет пределов. И ему кажется, что никогда не будет конца этому раю богачей, что ничто в мире не меняется, — лишь республиканская и демократическая партии, обе субсидируемые Уолл-стритом, попеременно становятся у власти.

— Что есть интересного с Марса? — спрашивает он астронома.

— Как же! революция в Центральной империи. Победа реакционных либералов над республиканскими консерваторами.

— То же, что и у нас... — самодовольно заключает Беннет.

Прошло более двадцати пяти лет со дня путешествия Жюль Верна в Америку. За это время он видел много стран. Но теперь с путешествиями было покончено: он был стар, хром и начал слепнуть. Но чем дальше уходил от него внешний мир, тем зорче становилось внутреннее зрение писателя, тем острее он видел не только борющиеся силы мира, но и различал противоречия внутри того самого капитализма, который казался монолитным и незыблемым большинству его современников.

В 1895 году Жюль Верн написал один из наиболее политически острых своих романов — «Самоходный остров».

С одной стороны, это было воспоминание о путешествии на знаменитом «Грейт Истерне», уже давно проданном к тому времени на слом, с другой — сатирическая картина будущего, аллегория паразитического капитализма завтрашнего дня.

Действие романа относится к тому времени, когда, по словам писателя, «Соединенные Штаты удвоили число звезд на своем национальном флаге. Они в то время находились в полной силе своего коммерческого и промышленного могущества, чему очень способствовало присоединение к Соединенным Штатам Канады, Мексики, Гватемалы, Гондураса, Никарагуа и Коста-рики, вплоть до Панамского канала...»

Эти Соединенные Штаты XX века, живущие на чужой счет, скупают в Европе и вывозят за океан картины, статуи, целые замки, скупают европейских актеров и писателей, музыкантов и художников, ученых и изобретателей. Подлинным воплощением этой страны-спрута является самоходный остров Стандарт Айленд, населенный королями промышленности и биржи, подлинными повелителями капиталистического мира.

Остров этот, длиной в семь и шириной в пять километров, целиком построенный из металла, имеет водоизмещение в 259 миллионов тонн. Могучие фабрики энергии приводят в движение его циклопические моторы мощностью в шесть миллионов лошадиных сил, что дает самоходному острову скорость до восьми узлов.

На этом искусственном острове, покрытом слоем чернозема, имеются луга, парки и огороды, течет река Серпентайн, падает самодельный дождь и светит алюминиевая луна. В центре острова расположен город с чудесными домами из алюминия — этого металла будущего, — пластмасс и стеклянных пустотелых кирпичей. На острове устроены движущиеся тротуары и круговая электрическая железная дорога. По целой сети труб и проводов в дома подается горячая и холодная вода, свет, холод, пар,

электричество и точное время. На острове выходят две газеты — два бульварных листка, дающих пищу не только для ума, но и для желудка: они печатаются шоколадными чернилами на съедобной бумаге. Город носит гордое имя — Миллиард-сити — и населен исключительно миллиардерами. Это подлинный рай богачей, у которых наиболее частое по употреблению и любимое слово «миллион». Где-то там, на материках, бьют нефтяные источники, работают фабрики и заводы, фермеры возделывают землю, рыбаки ловят рыбу, но никто из людей труда не допускается на остров. Здесь живут одни лишь «повелители мира», погруженные в вечную праздность.

Но этот безмятежный покой лишь кажущийся. В недрах кучки капиталистов зреют внутренние противоречия: одни хотят использовать самоходный остров для перевозки коммерческих грузов, другие — как пловучий курорт. Промышленники борются с финансистами, и католики косо смотрят на протестантов. Наконец всеобщее недовольство друг другом вырывается наружу. Правая сторона острова открыто поднимает мятеж против левой, причем одну партию возглавляет банкир Нат Коверлей, другую — нефтяной король Джемс Такердон. Могучие моторы пущены в противоположные стороны, и металлический остров, представляющий чудо техники XX века, гибнет, разорванный на части своими собственными машинами.

Так больше полувека назад Жюль Верн хотел верить в обреченность капитализма, показал уродливость мещанской мечты о будущем, воплощенной в образе «идеального города» Миллиард-сити.

Погруженный в безысходную тьму своего рабочего кабинета, Жюль Верн не видел путей к достижению того светлого идеала человеческого братства, о котором он мечтал всю жизнь. Оторванный от реального борющегося мира, он не видел тех сил, которые могли бы сломить ненавистный ему капитализм. Но он страстно верил в эту грядущую победу и своими уже незрячими глазами видел смутные очертания блистающего мира грядущего.

Вечерние сумерки

9 марта 1886 года прославленный писатель Жюль Верн возвращался к себе домой по тихим улицам Амьена после заседания Амьенской академии.

За четырнадцать лет пребывания в стенах академии Жюль Верн не пропустил ни одного заседания, которые происходили два раза в неделю. Обычно они заканчивались в пять часов, но в этот день доклад затянулся, и уже темнело, когда писатель-академик свернул с Лонгевилльского бульвара на тихую улицу Шарля Дюбуа.

Его красивое, правильное лицо было спокойно. Широкий и высокий лоб, рано поседевшая борода придавали ему величественный вид. Глаза, светлые, как море, были словно подернуты дымкой; казалось, что они смотрят куда-то вдаль, за горизонт, на неоткрытые страны, видные лишь ему одному.

Темная фигура человека, прячущегося за выступом дома, не вывела писателя из задумчивости. Но когда он вынул ключ, чтобы открыть дверь, раздался выстрел. Вспышка и осколок, отлетевший от косяка, заставили Жюля Верна обернуться. Вторая пуля обожгла ему ногу, но, не чувствуя боли, он бросился на человека с пистолетом. Двое людей, схватив друг друга, покатались по земле...

Когда писатель открыл глаза, он увидел себя в своей постели. Лицо Онорины, залитое слезами, склонилось над ним. Позади виднелась неуклюжая фигура доктора Леноэля. Левая нога мучительно ныла, голова кружилась от большой дозы морфия, раненый попытался что-то сказать, но почувствовал себя слишком слабым. Глаза его закрылись.

Утром Онорина, едва сдерживая слезы, сообщила, что покушавшийся — Гастон Берн, сын Поля, единственного брата писателя. Блестящий молодой человек, атташе министерства иностранных дел, был любимцем дяди. Но с некоторых пор им овладела странная мания. «Я должен принести дяде Жюлю славу, которой он заслуживает, — бормотал Гастон. — Теперь-то он будет замечен, теперь французская академия изберет его своим членом. Он станет сенатором, а со временем президентом французской республики!» Сейчас Гастон в полиции...

— Бедный мальчик, — прошептал раненый. — Пусть доктор Леноэль подтвердит, что он душевнобольной. Нужно поместить его в больницу, установить за ним врачебное наблюдение. Поль извещен? Глаза больного закрылись.

Потянулись неразличимые дни, недели, месяцы Писатель лежал на своей узкой кровати в кабинете — молчаливый, инертный, оторванный от любимой работы. Бюсты Шекспира и Мольера, стоящие на камине, бесстрастно взирали на него. Ночь не приносила облегчения: ритмическое пыхтенье поездов, идущих на север, заставляло вспоминать о других городах и странах, бессонница отнимала последние силы. «Ничего, — утешали больного врачи, — правда, вы будете хромать всю жизнь, так как пуля застряла в кости и извлечь ее невозможно, — ведь мы не можем видеть сквозь человеческое тело. Но все же ногу можно не ампутировать...»

Несчастье никогда не приходит одно. Почти неделю Онорина не смела сказать мужу, что получено известие из Монте-Карло о смерти его друга и издателя Жюля Этселя. Медленный паралич уже давно приковал старого соратника Жюля Верна к постели. Неизбежный конец наступил 17 марта.

Прошло несколько месяцев, и письмо из родного Нанта принесло новое трагическое известие — сообщение о смерти матери Жюля Верна. Она умерла во сне, восьмидесяти шести лет, в своем большом доме на улице Жан-Жака руссо, где она прожила больше половины жизни.

Полукалека, опираясь на плечо жены, сразу постаревший, писатель выехал из Амьена на другой день. Родимый дом, который он оставил тридцать восемь лет назад, был пуст. Жюль Верн переходил из комнаты в комнату, и каждый предмет будил его воспоминания. И когда он, наконец,

повернул ключ от входной двери старого дома, он понял, что еще одна глава его жизни окончилась...

Кругосветное путешествие? Нет, даже мечту о нем придется оставить навсегда: ведь проклятая пуля засела в кости, где-то ниже колена, и мешает ходить.

— Я болен той же болезнью, что лорд Байрон и Талейран, — невесело шутил старый писатель.

А «Сен-Мишель»? Он стоял на якоре где-то на Луаре, и дым больше не шел из его высокой трубы. Нет, «капитан Берн» больше никогда не ступит на его палубу и не отдаст приказа ставить паруса...

Корабль прослужил своему хозяину десять долгих лет. Его хочет купить король черногорский? Ну что ж, он мне теперь не нужен... Нет, я больше никогда не поеду в Париж. Еще одна всемирная выставка? Башня мсье Эйфеля? Пустое! Воздух, которым мы здесь дышим, право же, здоровее парижского! Он благотворно действует на нервы, и голова всегда остается свежей...

Легенда о путешественнике, никогда не покидавшем Амьен, казалось, стала действительностью. Это был Робур, потерявший крылья, капитан Немо, бросивший якорь навсегда!

Привычки его оставались неизменными, только он вставал все раньше и все позже засиживался за работой. Но неизменно каждый день, ровно в двенадцать часов, какова бы ни была погода, старый мсье Берн, которого знали все в Амьене, выходил на прогулку. Он шел медленно, сильно хромя, опираясь на крепкую палку с золотым набалдашником — тоже своего рода достопримечательность. Ее прислала больному писателю в подарок группа английских школьников, поклонников его «Необыкновенных путешествий», вырезавших на ней свои имена. «Мы очень счастливы, что можем послать вам эту палку с подписями, которые докажут вам, каким уважением вы пользуетесь со стороны многих тысяч мальчиков Великобритании, — писали они в сопроводительном письме. — у нас, конечно, никогда не бывает денег в кармане, вы это знаете. Но наш подарок не должен быть оценен по его стоимости. Мы знаем, что вы оцените его как результат большого количества участников...»

Одетый во все черное, в старомодной шляпе провинциального нотариуса, седой, как лунь, похожий, по его собственным словам, на «полярного медведя, вставшего на задние лапы», — таким изобразил Жюль Верн молодой французский художник Анри Деларозьер в своем альбоме «Амьенские силуэты». Только розетка ордена Почетного легиона выделяет его в толпе. Похож ли этот «силуэт» на того легендарного «капитана

Верна», образ которого сложился в фантазии миллионов читателей? Похож ли он на того Жюль Верна, который, войдя в приемную министра иностранных дел, был встречен любезными словами секретаря:

— Садитесь, пожалуйста, мсье Берн. После стольких путешествий вы, наверное, очень устали?

Да, он устал: ведь уже тридцать лет делятся его «необыкновенные путешествия», а он стар и очень болен. Днем ноет никогда не заживающая рана в ноге, ночью продолжает мучить бессонница. Часто до рассвета горит лампа в окне башни, где расположена его комната. «Мсье Берн занимается, — говорят запоздалые прохожие, — он работает над новой книгой». Но писатель всего лишь составляет кроссворды и сочиняет головоломки — их уже накопилось свыше двух тысяч, целая книга! И все чаще он — в который раз! — подходит к полке, где стоят любимые книги его детства: «Мюнхгаузен», все «робинзоны», начиная с Крузо и кончая «швейцарским Робинзоном» Висса, три тома рассказов Эдгара По, собрания сочинений Фенимора Купера... Но, постояв минуту, он снова отходит к письменному столу: ведь он слепнет и может читать лишь два-три часа в день, да и то только при солнечном свете!

Все реже Жюль Верн встречается с людьми; он почти не принимает посетителей и уже не посещает ни Промышленного общества, ни Амьенской академии. Только ежедневная прогулка связывает его с внешним миром. Он стал молчалив, вместе со зрением слабела и память. Он даже не помнил всех своих книг. «Сейчас я заканчиваю как будто бы свой сотый том», — писал он в одном письме 1902 года.

Что могло так резко изменить жизнь писателя, который только во время путешествий создавал свои образы, только на море становился самим собой? Неужели только этот нелепый случай — выстрел в темноте — оглушил его навсегда и навеки лишил крыльев?

И люди снова начинали верить в старую легенду, давно забытую, а теперь всплывшую в обновленном виде: Жюль Верн давно умер, его застрелил его собственный племянник. А предприимчивый издатель Этсель, используя популярное имя, все продолжает из года в год выпускать в свет новые и новые романы под маркой «Жюль Верн»...

Но он был жив, этот старый литературный волк и капитан Жюль Верн. Париж снова увидел его в ноябре 1896 года.

Он был хром и очень стар — на пороге семидесятого года, один глаз совсем ничего не видел, но он шел твердо, крепко опираясь на палку, решительно сжав губы, рядом с ним шагал молодой, но уже знаменитый адвокат Раймон Пуанкаре.

Париж знал, что было причиной приезда знаменитого писателя. Предстоял громкий судебный процесс: «Тюрпен — против Верна. Обвинение в клевете».

Незадолго перед этим вышел в свет очередной том из серии «Необыкновенные путешествия» — «Равнение на знамя». В нем рассказывалась история несчастного молодого ученого Томаса Роша, изобретателя необычайно взрывчатого препарата «фульгуратор роша», одной щепоткой которого можно было уничтожить целый город.

Эжень Тюрпен, гениальный изобретатель мелинита, разорившийся, опустившийся, озлобленный отказом французского правительства приобрести секрет нового взрывчатого вещества, жаждал мстить за свои неудачи всему миру. И решив, что Жюль Верн изобразил в своем романе именно его, он бросил вызов старому писателю.

Жюль Верн знал каждый камень в своем любимом городе, но в этом новом Париже, где он не был десять лет, все было иным.

В старом доме на Рю Жакоб по-прежнему жил его издатель Этсель, но это был не его старый и умный друг Жюль, а гораздо более деловой и богатый Этсель-сын. Не было уже ни Гарсе, ни Сен-Клера Девилля — друзей юности, ставших героями его романов. Великий Лессепс, человек, создавший крупнейшее инженерное сооружение XIX века, соединивший два океана, оказался замешанным в грязную спекуляцию с акциями Панамского канала, знаменитую «панаму». Сам Жюль Греви, президент Третьей республики, известный во времена империи как стойкий патриот, был уличен в торговле орденами и вынужден выйти в отставку в 1887 году.

Что случилось с Францией? Что стало со всем миром? Почему 1855 — 1886 годы легли таким мрачным рубежом не только в жизни Жюля Верна, но и в истории Европы и всего земного шара?

Ушла в прошлое героическая география его юности и зрелых лет, когда в неисследованных дебрях Черного материка смелые путешественники искали истоки Нила, доктор Ливингстон открывал целые страны, не известные Европе, когда удивительный Миклухо-Маклай совершал экспедиции в каменный век, к людоедам Новой Гвинеи.

Да, география стала иной, она превратилась в политическую науку.

В 1885 году англичанин Стенли, бывший репортер Гордона Беннета, когда-то нашедший Ливингстона, ныне сэр Генри Мортон Стенли, основал «Интернациональное африканское общество» для эксплуатации Центральной Африки. В том же году Италия завладела абиссинским городом Массауа, а Германия, Великобритания и Голландия, несмотря на протест Миклухо-Маклая, написанный от имени туземцев, произвели

раздел Новой Гвинеи. Сам земной шар, казалось, уменьшился: путь, на который смелому и неутомимому Филеасу Фоггу понадобилось 80 дней, девочка Нелли Блай, репортер нью-йоркской газеты «Солнце», проделала сначала в 70, а затем — в 66 дней!

А мечты? Они воплощались в жизнь, но не так, как о том когда-то думал писатель. Подводные лодки, наследники династии «Наутилусов», уже строились во всех странах, но не для исследований тайн моря или поисков погибших сокровищ, похороненных в пучине океана, а для страшных молчаливых подводных битв. Скоро, наверное, и воздух станет местом сражений, а огненные снаряды, пущенные каким-нибудь новым герром Шульце, полетят в незащищенные города...

Все это иной раз могло казаться писателю подтверждением его пессимизма.

Процесс «Тюрпен — против Верна» слушался при закрытых дверях, и в газеты ничего не просочилось из того, что происходило в судебном зале. Но разве могли парижане ждать другого исхода, чем торжество писателя?

Жюль Верн не знал никого в Париже, но весь Париж знал его.

Так вот каков он! Наконец-то французы могли воочию увидеть Жюля Верна, раньше он был скромн, теперь он стал равнодушным и не скрывался больше в затейливом мираже легенд.

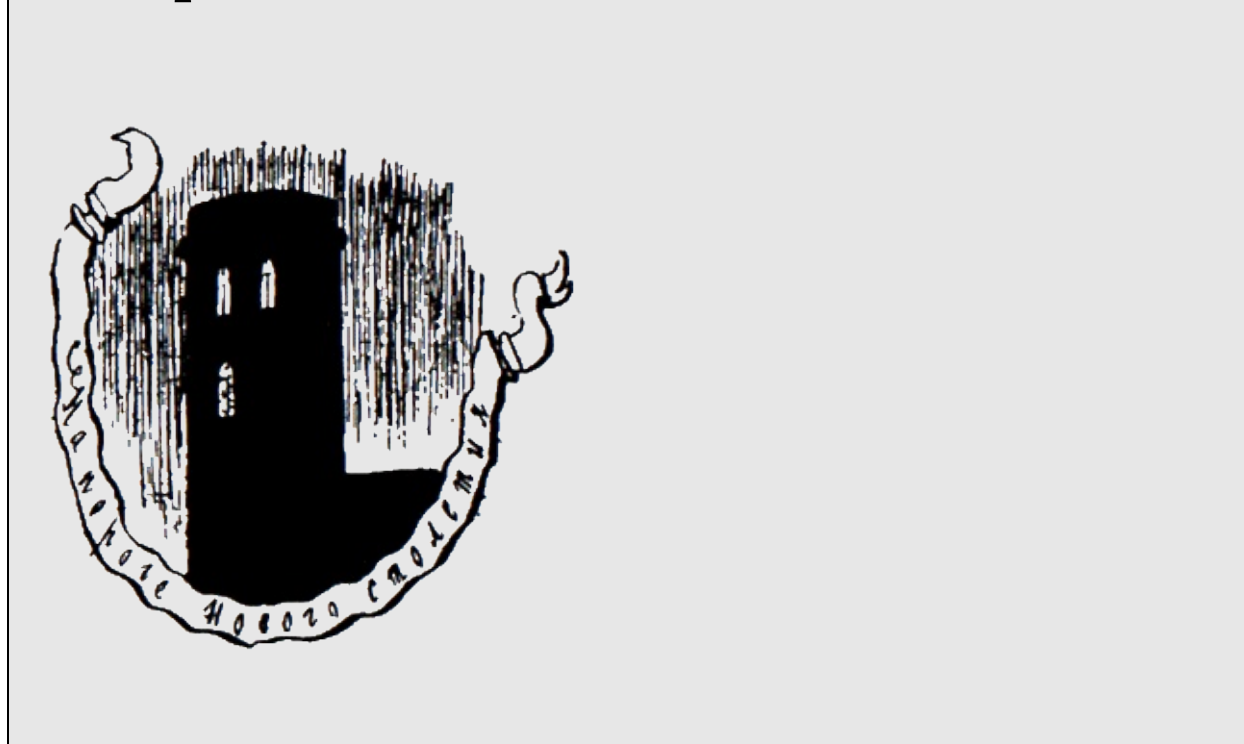
Живой, остроумный бульвардье, завсегда́тай больших бульваров, завзятый театрал, парижанин до мозга костей, гражданин «города-светоча» — таким помнили Жюля сверстники юности.

Страстный путешественник, влюбленный в море, отважный «капитан Верн», гражданин земного шара и всей вселенной — таким предстал он глазам Франции в расцвете своей писательской славы.

Советник городского управления, член местной академии, добродушный провинциал и домосед, живая достопримечательность и почетный гражданин пикардийской столицы — таким знали его жители Амьена.

И, однако, Жюль Верн всегда и везде был одинаковым, каким мы и сейчас видим писателя в его произведениях, — путешественник по пространству и времени, поэт науки, страстный борец за свободу всего человечества.

На пороге нового столетия

В 1899 году, в последний год XIX столетия, Жюль Верн получил извещение, что его брат Поль умер в Париже в возрасте семидесяти лет. Вместе с веком уходил последний сверстник старого писателя. Вокруг шумело новое поколение, гремел новый прекрасный и яростный мир, которого он, так далеко заглянувший в будущее, не мог понять.

Это был новый век, идущий на смену девятнадцатому — его веку! Но Жюль Верн не мог увидеть лица этого гиганта: старый путешественник по пространству и времени был слеп.

Слепота давно подкрадывалась к нему. Она отняла у него море, путешествия, далекие прогулки, книги... Теперь она хотела заслонить от него образы нового мира завтрашнего дня.

Каким будет этот тревожный двадцатый век? Неужели и он будет заполнен страшными битвами между трудом и капиталом, уничтожением целых народов, виновных лишь в том, что они обитают не в Америке или Европе, а в Черной Африке, Южной Америке или Океании? Неужели мирным городам будущего, подобным Франсевиллю его мечты, будут угрожать бомбы еще более страшные, чем космические снаряды короля Стального города?

Да, казалось, логика жизни вела по этому пути, а не по дороге без терний и крутых подъемов, о которой когда-то мечтал молодой Жюль Верн. Многим писателям его века, пытавшимся заглянуть в будущее, грядущее представлялось мрачным и тревожным.

Немецкий писатель Курт Лассвиц написал много книг. В нашумевшем романе «На двух планетах» он рассказал о военном столкновении Земли и Марса, в повести «В тумане тысячелетий» повел читателя в глубины юрской эпохи. В книге «Картины будущего», вышедшей в 1879 году, он попытался набросать хотя бы смутные очертания далеких грядущих дней.

Пятьсот лет для нашей цивилизации очень большой срок. Но как скудно воображение немецкого писателя, как неглубоко проникает его взгляд сквозь темную завесу будущего!

Вся земля настолько заселена, что дома приходится делать на столбах, а тротуары — на галереях. Воздухоплавание заменило все виды транспорта. Люди питаются химическими пилюлями. И, наконец, как высшее достижение человеческого гения, изобретен самопишущий телеграф...

Но это только первый шаг в будущее, который делает Курт Лассвиц. Второй шаг — через двадцать столетий, сразу в тридцать девятый век.

Исчезли старые материки и показались из воды новые, особенно у Северного полюса.

Появилась новая арктическая раса.

Дети ежедневно два-три часа подвергаются электризации той части мозга, которая требует развития. В этом заключается народное просвещение.

Каждый по достижении совершеннолетия получает воздушный велосипед с мотором, работающим на жидком кислороде.

Основной способ связи людей — «психокинат» — передача мыслей на расстояние.

Охладив внутренность Земли, люди проложили сквозь земной шар тоннели.

Изобретен диафот — жидкость, которая делает натертое ею тело невидимым.

И все это нагромождение фантастических подробностей служит лишь фоном для банального сюжета: похищенная героиня натерта диафотом, и ее безрезультатно ищут во всех концах и глубоких пещерах земного шара...

Еще более безрадостным представлял себе грядущий век американский писатель Вильям Делиль Гейа в книге «Сто лет спустя», вышедшей в свет в 1881 году.

...В 2180 году профессор Патрик Макферсон знакомит слушателей с историей человечества.

Двадцатый век, по его рассказам, был заполнен чудовищной войной между Россией и Германией. Постепенно в эту битву была втянута вся Европа. Применялись новые средства войны: подземный миноносец, электрическая граната. Итоги войны, продолжавшейся двадцать лет, были: десять миллионов убитых, разорение многих стран, голод во всем мире.

Спасителем человечества стал «Союз объединенных наций», взявший на себя управление миром.

Но далеко не все народы были признаны равноправными. Аристократию человечества образовали белые народы (с одним лишь исключением, сделанным для японцев), а остальные были объявлены «низшими расами» и взяты под опеку Объединенных наций.

Наступил золотой век. Люди построили железную дорогу через Урал и Сибирь, залили водой Сахару и овладели воздухом. Население Земли достигло 128 миллиардов человек.

Величайшим в истории человечества было открытие базилической силы — основного вида мировой энергии, скрытой в недрах вещества. Это позволило людям овладеть подводным миром и внутренностью Земли.

Подводные корабли, движущиеся со скоростью полтора узла, снабженные электрическими лампами, опустились на океанское дно. Люди в костюмах, насыщенных базилической энергией, возделывают плантации водорослей. Построены подводные города под прозрачными куполами. Столица Атлантического океана Кракенбург, с населением в сто тысяч человек, построена из кораллов, алюминия, бронзы и жемчужных раковин.

Снабженный базилической энергией снаряд, имеющий форму трубы с остриями на конце, построенный из жароупорного материала, имея на борту пассажиров, углубляется в землю. Его цель — использовать жар Земли для получения электричества, магнетизма и теплоты.

Люди овладели центром планеты и заселили внутренность земного шара...

Но... желтая и черная расы оказались неспособными к развитию. На полях Монголии вспыхнула война, которую китайцы и японцы объявили белым. И совет Объединенных наций постановил: истребить желтых, за исключением нескольких миллионов смешанных, которым разрешить вымереть постепенно. Негров же, не принимавших участия в восстании, превентивно уничтожить — всех, до последнего человека...

Как чужд был этот мир Жюльо Верну — мир, полный смерти, уничтожения и расовой ненависти! Нет, он не мог признать этих писателей

и их книги своими соратниками. Они даже не были его подлинными сверстниками, потому что по своим идеям он обогнал их на целое столетие. Но линия, ими начатая, продолжается поныне редующим отрядом писателей-реакционеров, глашатаев бессмертного, по их мнению, капитализма, и уходит в мутную тьму растрения, безумия и смерти.

Словно гора, освещенная утренним солнцем, Жюль Верн высится над этим страшным болотом, дышащим ядовитыми испарениями. И все же он не мог не дышать воздухом эпохи, не мог не вдыхать этого яда. Поэтому тени усталости и творческого бессилия иногда ложатся на некоторые его поздние книги, написанные в душном одиночестве его кабинета.

Даже в своей башне, отрезанной от всего мира, Жюль Верн чувствовал, что окружающий его мир расколот, что он мучительно борется сам с собой; Но у незрячих глаз старого писателя уже не было остроты того активного зрения, которое в прежние годы вело его вперед. Поэтому так мучительно читать иные его произведения с их болезненно искаженной перспективой, с их холодным старческим пессимизмом.

Порой кажется даже, что писателю уже трудно находить темы. Вот «Путь во Францию» — вялое и беспомощное продолжение «Швейцарского Робинзона», вот «Два года каникул» — еще одна робинзонада, вряд ли достойная автора «Таинственного острова», вот «Ледяной сфинкс» — продолжение неоконченных «Приключений Артура Гордона Пима» Эдгара По, «Миссис Браникан» — воспоминание о мадам Самбен, его первой учительнице, мечтавшей отправиться на поиски своего мужа, пропавшего без вести...

Некоторые произведения, написанные в вечной тьме его кабинета, всего лишь зашифрованные воспоминания о прошлом. Таковы «Братья Кип», где дружба двух братьев была для писателя лишь слепком дружбы Жюля и Поля Верн, которую они пронесли через всю жизнь...

Подлинный ужас грядущего открылся перед старым Жюлем Верном, когда он прочел романы молодого и талантливого английского писателя Герберта Уэллса. Невидимка, который использует свое гениальное изобретение лишь для мелких краж; машина времени, которая уносит героя в далекое грядущее, где царит еще более жестокое классовое угнетение; спящий, просыпающийся через два столетия, чтобы увидеть те же битвы, только более грандиозные, между трудом и капиталом; жалкие стяжатели, отправляющиеся на Луну за золотом... Где же здесь герой грядущих дней — борец за свободу, труженик, творец?

И, однако, книги Уэллса оказали сильное влияние на последние романы уже слепого Жюля Верна: «Тайна Вильгельма Шторица», где

гениальный ученый, овладевший тайной невидимости, объявляется преступником, а его изобретение — достойным уничтожения, и последнее произведение, вышедшее уже посмертно, «Вечный Адам». Новый всемирный потоп в начале XXI века полностью уничтожает всю цивилизацию, и человечество должно снова начать бесконечный путь вверх, чтобы снова быть ввергнутым в первобытное состояние... Это был еще один жестокий припадок пессимизма, который, казалось, невозможно было преодолеть.

Он все дольше просиживал за письменным столом; раньше можно было откладывать работу, путешествовать, жить для себя и семьи, теперь его жизнь принадлежала человечеству.

Сколько идей ждало осуществления, сколько мыслей нужно было закрепить на бумаге! Он уже не успевал обрабатывать свои произведения, брался одновременно за несколько романов, бросал их, чтобы начать новый. Никогда он так не торопился, но ведь нужно было проложить на карте будущего трансасиатский путь — от Красноводска до Пекина, построить плавающий остров — память о детских мечтах на острове Фейдо, создать корабль для путешествий по земле, воде, под водой и в воздухе. А там, дальше, планы гигантской переделки природы: превращение Сахары во внутреннее африканское море, выпрямление земной оси и, наконец, последняя и самая полная победа над природой: власть над энергией.

Жалкое и величественное зрелище представлял этот слепой и дряхлый старик, работающий в своей уединенной башне. Но чем более смутным и далеким становился для него светлый и шумный мир, лежащий за стенами его кабинета, тем ярче были его мечты о будущем человечества.

Чаще всего он диктовал своим внукам, иногда же писал и сам, при помощи особого транспаранта, позволявшего ему ощутить расположение строк.

Эти карандашные записи, сделанные дрожащей, старческой рукой, до сих пор полностью не расшифрованы.

В начале 1905 года вышла, как всегда, точно в срок очередная книга «Необыкновенных путешествий». Гигантский план сооружения идущего из Средиземного моря канала и превращения Сахары в огромное внутреннее африканское море мог бы воспламенить воображение молодого Жюль Верна. Но роман «Вторжение моря» был написан торопливо, неверной старческой рукой. В день выхода книги писателю исполнилось 77 лет.

Он лежал, вытянувшись на своей узкой кровати, а рядом с ним стоял стол, заваленный неоконченными рукописями. На полу тихо посапывал

старый, облезлый ньюфаундленд фолле. «Диабет», — определил доктор Леноэль, но сам Жюль Верн знал, что его болезнь называется: конец жизни.

20 марта, впервые после нескольких дней молчания, Жюль вдруг открыл свои незрячие глаза и позвал Онорину:

— Дай мне, пожалуйста, первое издание моей книги «Двадцать тысяч лье под водой»...

Правая сторона тела больного была уже парализована, и он взял книгу левой рукой. Слабая, кривая улыбка поползла по его лицу, когда он ощутил твердый переплет, но в пальцах уже не хватило силы удержать тяжелую книгу.

В этот день из Парижа приехали Мишель с сыновьями и дочери Онорины с детьми. Вся семья собралась в доме умирающего.

24 марта утром веки больного вдруг дрогнули.

— Онорина, Мишель, Валентина, Сюзанна, здесь ли вы? — явственно произнес он.

Каждый из присутствующих ответил по очереди. Наступило молчание.

Глаза Жюля Верна закрылись, чтобы никогда больше не раскрываться.

Часы пробили восемь часов утра.

На письменном столе лежала незаконченная рукопись. Неразборчивые строки, набросанные торопливой и дрожащей рукой слепого, налезали друг на друга. Только через пять лет друг писателя Шарль Лемир расшифровал эти беглые записи.

Восемь романов и книга рассказов, опубликованные после смерти, показали, что лжива еще одна легенда «жюльверновского цикла». Они раскрыли нам полно, как никогда, подлинное лицо писателя. Неверным оказалось мнение об упадке его таланта о полной победе пессимизма. О нет! Неукротимый дух его был полон жизни, а незрячие глаза видели далеко и ясно. И смерть человека Жюля Верна значила очень мало — ведь продолжалась его третья жизнь, которой пока еще не видно конца.

Наследство

Смерть остановила перо писателя, но нам остались в наследство сто томов, написанных его рукой, и несколько миллионов его читателей. Многие тысячи людей, прочтя романы Жюль Верна, клялись построить второй «Наутилус», мечтали о завоевании воздуха, влюблялись в мир электричества. Большинство из них со временем забывало юношеские мечты, но были среди них люди, сделавшие воплощение идей Жюль Верна программой своей жизни.

Многие ученые, изобретатели, путешественники и политические борцы с гордостью утверждали, что знаменитый французский писатель помог им выбрать профессию и путь в жизни и научил любить свободу и все человечество.

Десятилетнему мальчику Саймону Леку попала в руки книга «Двадцать тысяч лье под водой». Она определила всю дальнейшую жизнь и работу знаменитого конструктора подводных лодок, который не устал повторять: «Жюль Верн был главным распорядителем моей жизни».

«Он научил меня никогда не сомневаться в конечной победе», — сказал Сантос-Дюмон, один из первых авиаторов и конструкторов дирижаблей.

«Жюль Верн оказал решающее влияние на выбор моих исследований», — признался Эдуард Белин, изобретатель бильдаппарата.

«Я мог бы, устроив сообщение между проволоками, погруженными на разных глубинах, получить электричество от разности температур», — сказал капитан Немо. Из этой фразы родились исследования Клода и Бушери по использованию теплоты морей для добывания энергии.

«Альбатрос» вдохновил Хуана де ля Сиерва на постройку первого автожира в век безраздельного господства аэропланов.

По следам Жюля Верна шли Норбер Кастере, исследователь пещер, Губерт Вилкинс, сделавший попытку проникнуть на подводной лодке «Наутилус» к полюсу, Вильям Биб, побывавший в области вечной океанской тьмы на глубине километра. Они не скрывали этого, они гордились своим вождем. «Мной предводительствовал Жюль Верн», — сказал адмирал Берд, летавший над обоими полюсами.

Передовые люди России очень скоро заметили и полюбили Жюля Верна. В России традиция утопического и социально-фантастического романа была очень давней. И первая книга Жюля Верна, переведенная на русский язык, попала на удивительно подготовленную почву: почти одновременно появился роман Чернышевского «Что делать?», которым зачитывалась молодежь, и картины утопического мира будущего, нарисованные в этом романе, в сознании читателей лежали рядом с мечтами французского писателя. Не случайно поэтому первая же рецензия на книгу «Пять недель на воздушном шаре», появившаяся в некрасовском «Современнике» и высоко оценившая творчество французского писателя, принадлежала перу М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Высоко ценил его творчество Лев Толстой, «романы Жюля Верна превосходны, — говорил он. — Я их читал совсем взрослым и все-таки помню, они меня восхищали. В построении интригующей, захватывающей фабулы он удивительный мастер. А послушали бы вы, с каким восторгом отзывается о нем Тургенев! Я прямо не помню, чтобы он кем-нибудь еще так восхищался, как Жюлем Верном».

А недавно мы узнали Льва Толстого и как иллюстратора Жюля Верна. В его бумагах была обнаружена целая серия его собственноручных рисунков, сделанных им для своих детей.

А. М. Горький, обсуждая план издательства «Всемирная литература», назвал Жюля Верна классиком и настаивал на том, чтобы его произведения издавались так, как издают классиков: без переделок, переработок и сокращений.

Очень любил и высоко ставил Жюля Верна Д. И. Менделеев. Он

называл французского писателя «научным гением» и постоянно перечитывал его книги. На смертном одре Менделеев просил читать ему «Приключения капитана Гаттераса». Впадая в забытие и снова приходя в себя, он говорил: «Что же вы не читаете, я слушаю...»

Подлинными наследниками лучших идей Жюль Верна признавали себя многие русские ученые, изобретатели, путешественники, инженеры. Единственной беллетристической книгой в библиотеке Н. Е. Жуковского был роман «Робур Завоеватель». К. Э. Циолковский говорил, что Жюль Верн пробудил его мысль и заставил ее работать в нужном направлении. В. А. Обручев сделал замечательное признание, что чтение книг Жюль Верна оказало огромное влияние на выбор им профессии геолога и географа-путешественника и что до сих пор Мاستон с крючком вместо руки, благородный Гаттерас и таинственный Немо с прежней силой очарования владеют его воображением.

Наследство Жюль Верна далеко еще не исчерпано, и его с гордостью принимают все свободолюбивые люди мира.

Несмотря на то, что прошло полвека со дня смерти писателя, мы еще мало знаем его творчество, еще не расшифровали до конца глубокий смысл многих его произведений, которые еще недавно, подобно Жюлю Этселю, многие критики и литературоведы считали лишь детским чтением, где «развлечение» соединено «с пользой».

Еще совсем не прочитан по-настоящему поздний Жюль Верн, особенно его посмертные романы. А это важно, для того чтобы развеять еще один миф.

В 1908 году, уже после смерти Жюль Верна, вышел в свет роман «Дунайский лоцман». Герой его, болгарский патриот Сергей Ладко, скрывается от полиции, которая преследует его как участника освободительной борьбы народа против угнетателей. Переодетый Сергей Ладко, на одном пароходе с преследующим его полицейским, совершает путешествие по Дунаю — от истоков до устья, чтобы вновь встать во главе отряда повстанцев.

Значит, до самого конца жизни старый писатель верил в то, что только борьба за свою свободу даст народам полное освобождение, что нет места в будущем национальному угнетению.

В том же 1908 году был опубликован другой его посмертный роман — «Охота за метеором». В нем Жюль Верн далеко заглянул в будущее, опираясь на великие открытия конца XIX и начала XX века — радиоактивности, рентгеновых лучей, распада атомов, давления света. Словно сквозь мутное стекло, он увидел наш день — зарю атомного века.

«Энергия наполняет вселенную, — писал он в начале 1905 года, — и вечно колеблется между двумя пределами: безусловным равновесием, достигаемым только при однородном рассеянии энергии в пространство, и безусловным сосредоточением ее в материи, которая в этом случае была бы окружена абсолютной пустотой. Так как пространство бесконечно, то оба эти предела одинаково недостижимы. Вследствие этого энергия мира находится в состоянии вечного движения... Вещество же вечно уничтожается и вечно восстанавливается. Каждое такое изменение сопровождается излучением энергии и исчезновением соответствующей массы...

«Уничтожение материи не обследовано, не выяснено, но тем не менее оно существует. Звук, теплота, электричество, свет косвенно подтверждают это. Все они — лишь следствие освобожденной энергии, рожденной внутриатомными силами.

Установивши все это, стоит лишь освободить небольшое количество энергии, содержащееся внутри вещества, и направить ее в избранную точку в пространстве. Тогда мы получим возможность...»

Мы получили эту возможность, которую великий мечтатель видел в своем воображении, только через сорок лет после его смерти.

Значит, до самых последних дней жизни писатель ясно видел перспективы науки и верил в ее могущество. Но он понимал, что управляют миром не гениальные изобретатели, подобные Зефирену Ксирдалю, герою романа, но те, кто подчинил себе мир насилем, и что только свободная наука в руках освобожденного человечества может дать народам власть над природой и счастье.

В бумагах Жюль Верна остался неотделанный роман «Экспедиция Барсака». Один из его героев, преступник Киллер, с помощью изобретателя Камаре строит в сердце Черной Африки город смерти Блекленд. Вывезенных из Европы рабочих и насильственно завербованных негров Киллер превращает в своих рабов. Гениальные изобретения Камаре — самолеты с моторами, работающими на жидком кислороде, воздушные торпеды, управляемые на расстоянии, циклоскопы, позволяющие видеть одновременно все окрестности черного города, — человеконенавистник Киллер превращает в орудия истребления и угнетения. Жестокою властью диктатора сбрасывает лишь всеобщее восстание населения Блекленда, объединившегося с членами экспедиции Барсака, прибывшей из Европы.

Значит, до конца жизни Жюль Верн верил, что настанет день, когда могущественная техника будущего будет вырвана из рук угнетателей и что это сделает восставший народ. Он верил, что погибнут «черные города»

капитализма — Штальштадт, Миллиард-сити и Блекленд!

В 1909 году появился роман «Крушение «Джонатана». В нем Жюль Верн рассказал о судьбе группы переселенцев, потерпевших кораблекрушение и выброшенных на пустынный берег. Организовав нечто вроде утопической колонии, основанной на добром согласии всех, поселенцы пытаются начать новую жизнь. Но большинство их не люди труда, слишком сильны в них пережитки капитализма, нет в колонии материальной основы для создания нового общества. И постепенно глава колонии, герой романа, живший до этого утопическими идеалами, вынужден, против своих прежних убеждений, создавать аппарат принуждения — законы, полицию, правительство. Нет мирного пути к будущему — такова скрытая идея романа.

В конце книги глава колонии, в какой-то степени аллегорически повторяющий внутренний путь развития самого Жюль Верна, перечисляет имена тех, кто указал ему жизненный путь и определил его мировоззрение. Это Сен-Симон, Оуен, Фурье и Карл Маркс...

Так, уже посмертно, Жюль Верн раскрыл нам еще одну сторону своего мировоззрения.

Видел ли Жюль Верн своими незрячими глазами зори нового века? Неужели не взволновали его сердце события 1904–1905 годов в России? До тех пор, пока не будет открыт доступ к архиву Жюль Верна, находящемуся в Тулоне, во владении внука писателя, мы можем только догадываться, только сопоставлять.

...Последние годы жизни, после вторичного тюремного заключения, неукротимая Луиза Мишель, подобно буре, носилась по всей Франции. Она посетила так много городов, что сейчас невозможно установить, побывала ли она в Амьене. Она выступала перед рабочими с лекциями «Овладение миром» — о всеобщей стачке и «Антимилитаризм и русская революция» — в последний год жизни. «Где бы ни начался бой между старым и новым миром, все равно: я буду там. Пусть это будет в Риме, в Берлине, Москве, где бы то ни было. Я пойду туда, и конечно, многие другие пойдут...»

Она умерла 10 января 1905 года, не дожив до всеобщей стачки в России, восстания на «Потемкине», военных и крестьянских волнений. Но незадолго до смерти она говорила своему другу Жиро:

«Вы увидите, в стране Горького и Кропоткина произойдут грандиозные события. Я чувствую, как поднимается, растет революция, которая сметет царя, всех великих князей и славянскую бюрократию и разрушит этот огромный «мертвый дом». Всего будет удивительней то, что в Москве, Петербурге, Кронштадте, Севастополе солдаты будут заодно с

народом...»

Элизе Реклю провел почти всю свою жизнь после Коммуны на чужбине. Он отказался воспользоваться амнистией 1879 года, которая не касалась каторжников Новой Каледонии. «Как я могу воспользоваться милостью правительства, — писал он, — когда лучшие друзья, покрытые вечным позором, изнывают на каторге, под палящими лучами тропического солнца! Как я могу изменить им, когда их судьба тесно связана с моей, когда всякое оскорбление, пущенное по их адресу, глубоко ранит и мое сердце...»

Великий географ вернулся на родину только в 1889 году — в год юбилея французской революции, но через пять лет, под угрозой судебного преследования, снова вынужден был покинуть Францию. Но он до конца дней продолжал верить в великую очистительную социальную революцию, и все чаще взгляд его обращался на восток. «Русская революция, — говорил он, — подобно французской, составит одну из великих эпох человечества».

В феврале 1905 года «Общество друзей русского народа», во главе которого стоял знаменитый писатель Анатоль Франс, пригласило старого географа в Париж, на митинг в защиту русской революции. Элизе Реклю, попав в столицу французского народа, был бесконечно взволнован — ведь он был в великом городе борьбы и революции! Увидев переполненный зал, он не мог говорить, и его речь была прочитана с трибуны, рядом с которой он сидел почти без сил:

«Мы ожидаем от наших русских братьев, что в день своего собственного освобождения они помогут также освободиться и миллионам людей побежденных и угнетенных народностей, с которыми они объединятся федеральной связью, обеспечивающей всякой человеческой личности, к какой бы расе она ни принадлежала, полную свободу...»

Элизе Реклю умер 4 июля 1905 года, не дожив до декабрьских дней в Москве. Но его мысль была ясной и смелой до самого конца. Он уже лежал на смертном одре, не открывая глаз, но требовал, чтобы ему читали газетные сообщения о восстании на «Потемкине». Его последние слова были полны веры в грядущую победу: «революция идет! революция приближается!»

...Хочется верить, что до конца жизни в глубине сердца Жюль Верн, хотя бы мысленно, был со своими друзьями...

Тайна Жюль Верна

Ну что ж, книга закончена, как закончена жизнь ее героя, и можно было бы поставить точку. Но ведь осталась нераскрытой главная тайна Жюль Верна: успех его и в наши дни, его бессмертие.

Попытаемся же еще раз подытожить все нами найденное, еще раз обернуться и окинуть одним общим взглядом обыкновенную жизнь этого необыкновенного человека.

Еще при жизни стареющего писателя многие его фантастические проекты стали уходить в прошлое и действительность стала перерастать его мечты.

Первая в мире электрическая подводная лодка русского изобретателя Джевецкого на деле доказала всему миру преимущества нового, небывалого до тех пор вида энергии. Бельгийский рабочий Грамм построил первые в мире динамомашину и электромотор. Профессор Московского университета Жуковский уже создал теорию полета, и юные, еще неуклюжие, воздушные корабли тяжелее воздуха — русских, французских, английских и американских авиаконструкторов — уже делали первые попытки взлететь к небу. Созданный гением Александра Столетова фотоэлемент открывал дорогу новому веку — веку телемеханики и

автоматики. Петербургский профессор Попов не только передавал телеграммы без проводов, но и намечал пути для радиолокации при помощи электромагнитных волн. И в далекой Калуге Константин Эдуардович Циолковский уже проектировал первые в мире межпланетные корабли...

И тем не менее книги Жюль Верна продолжали владеть тысячами и десятками тысяч умов и сердец. Больше того, его слава все возрастала, и целый дождь писем, пролетевших множество зеленых лье и синих миль, падал на специальный стол его кабинета, расположенного в уединенной башне.

После смерти писателя прошло почти полвека. Свыше столетия отделяет нас от дня опубликования его первого произведения. Над обоими полюсами проносятся огромные воздушные корабли, ввысь взлетают сверкающие вертолеты, в темные пучины океана спускаются подводные лодки и батисферы, почти за пределы земного тяготения вылетают гигантские ракеты, но уже не тысячи, а миллионы читателей все с тем же волнением раскрывают книги Жюль Верна, чтобы следовать по ледяной пустыне к полюсу за капитаном Гаттерасом, лететь вокруг земного шара на «Альбатросе» инженера Робура, бродить по подводным лесам вместе с капитаном Немо и стоять рядом с Мишелем Арданом в гигантском алюминиевом ядре, летящем в межпланетном пространстве.

Читателей книг Жюль Верна влекли к ним — и продолжают увлекать и в наши дни — не «Наутилус», потому что подводные лодки существовали и до него, не «Альбатрос» — ведь в эту эпоху все, кто интересовался техникой, знали и проект аэродромической машины Ломоносова, чертежи геликоптеров Коссю, Лаланделя и Понтон дАмекура, и даже не межпланетный корабль пушечного клуба, — в старых книгах, которые сам Жюль Верн читал в детстве, можно было прочитать, по крайней мере, о двух десятках путешествий на Луну и другие планеты. Молодых читателей больше всего влекли к себе те, кто создал все эти чудесные машины и вдохнул в них жизнь, люди, полные веры в науку и безграничное могущество человека, не выдуманные идеальные, положительные герои, но живые люди, которым можно и должно было подражать!

Своей долгой жизнью книги Жюль Верна обязаны не только литературному таланту. Нет, это победа созданного им нового литературного жанра, торжество новых героев, воплотивших в себе многие черты человека завтрашнего дня.

Греческое слово «география» буквально значит: описание Земли. Сто томов сочинений Жюль Верна — это тоже география, но ожившая,

одухотворенная обаятельными героями, которые идут по земному шару, не как каталогизаторы или собиратели коллекций, но как открыватели и завоеватели вселенной, которую они отдают во владение освобожденному человечеству. И эта география никогда не устареет, как бы ни изменилось лицо Земли за истекшие годы, как никогда не устареет история подвигов человеческого гения.

Мы любим живой и легкий язык французского писателя, полный юмора, блестящих сравнений и чудесных лирических отступлений. Мы никогда не устаем следить за необычайными приключениями его героев — находчивых, бесстрашных и благородных. И каждый раз, закрывая его книгу, мы чувствуем, что он вдохнул в нас оптимизм и веру в беспредельное могущество человека.

Мы любим Жюль Верна за то, что он был первым, кто открыл читателям поэзию науки, романтику и героику научных подвигов, кто повел читателей в творческую лабораторию ученого, изобретателя, кто позвал людей завоевывать будущее.

Патриот, считающий Францию вождем мирового прогресса, Жюль Верн в то же время был чужд национальной и расовой ограниченности. Ему мало было Франции и Европы, — ему нужен был весь земной шар, чтобы показать могущество и труд человека любой национальности, с любым цветом кожи. Охотник готтентот Мокум, рабыня Зерма, негр Геркулес, австралийский туземец Толине, индианка Ауда, турок Керабан, действующие лица романа «Треволнения одного китайца» — все они стоят наравне с европейцами и американцами. А индеец Немо и негр Наб поставлены даже выше: один — как великий борец за свободу, другой — как участник утопической коммуны на Таинственном острове. И мы любим Жюль Верна за его гуманизм, за его патриотизм и интернационализм.

Но больше всего мы любим Жюль Верна за то, что он широко распахнул дверь в литературу науке, технике и новым героям.

В литературе и раньше существовали книги, герои которых летали на управляемых воздушных кораблях, путешествовали в глубинах Земли, плавали на чудесных подводных лодках и посещали другие планеты. Но вся эта фантастика была не более чем игрой ума, чистым вымыслом, не опирающимся на реальные завоевания науки и техники. Жюль Верн первый создал реалистическую фантастику, вырастающую из успехов науки и завоеваний техники его времени, смело воплощая в живые художественные образы не мечту-сказку, но мечту научную и техническую, реальную мечту своего века. Вот почему его книги были первыми подлинными научно-фантастическими произведениями.

Красоту природы и искусства он дополнил новой красотой. Он открыл читателям поэзию науки, красоту и романтику творческого труда. То, что казалось другим серым, обыденным, слишком отвлеченным, он заставил стать необыкновенным, засверкать всеми красками, показал полным блеска и движения, романтика обыкновенного — вот постоянный, вечно меняющийся и всегда прекрасный пейзаж его «необыкновенных путешествий».

Но что важнее всего — в центре внимания писателя, в каждом его произведении не научно-техническая идея или конструкция, но человек — их носитель и создатель. И сюжет каждого романа рождается не из саморазвития технической идеи, но из целей и стремлений героев.

На смену герою аристократу, герою мещанину, герою, не видящему, куда применить свои способности и силы, в произведениях Жюль Верна в литературу пришел новый герой — инженер, изобретатель, борец за свободу угнетенного человечества. Сцена, где он действует, — не узкий домашний круг, не светский салон или придворное общество, но его мастерская, его лаборатория — воздушная, подземная, подводная, пусть даже межпланетная, и открываемый им заново огромный великолепный мир. Дело его жизни — вдохновенный творческий труд.

В нашей памяти живут и долго еще будут жить в памяти многих поколений гений моря, великий ученый и революционер Немо, Гленарван и его спутники, колонисты острова Линкольна во главе с инженером Сайресом Смитом, подлинным воплощением науки, делающей человека всемогущим, смелый разведчик Марсель Брукман, капитан Гаттерас, доктор Клаубонни, профессор Лиденброк, инженер Робур, ученый-географ Паганель, профессор Аронакс, Мишель Ардан — все эти герои, порой чудаковатые, люди, лишённые страха, полные веры в человеческое могущество и в науку, которая для них поистине является волшебным философским камнем, открывающим им дорогу в запретные, казалось бы, миры: подводный, подземный, заоблачный и межпланетный!

Пусть образы этих героев по своей жизненности уступают героям великих писателей-реалистов XIX века. Но это хотя и схематическая, но все же попытка создать людей завтрашнего дня. Это то новое, что внес в литературу Жюль Верн. Новое в момент появления всегда бывает гораздо более слабым, чем старое, — и в природе и в общественной жизни. Но оно принадлежит будущему и поэтому непобедимо.

В своих романах Жюль Верн обращался преимущественно к молодежи и людям будущего, которые, как он верил, будут читать его произведения. Эти будущие поколения он хотел научить любить свободу и верить в

грядущую победу освобожденного человечества над силами зла и косной природой. Ушли в прошлое фантастические проекты Жюль Верна, и действительность переросла его мечты. Но живы и по сей день его герои, и до сих пор они волнуют молодых читателей.

Он поднял к солнцу и свету и заставил идти вперед многие сотни, если не тысячи людей, которые стали строителями нового мира, пролагателями неведомых до того путей в науке, смелыми изобретателями, инженерами-творцами, просто вдохновенными тружениками.

Жюль Верн не был ни великим писателем, ни гениальным ученым, ни каким-то пророком будущего. Жюль Верн указал путь не науке, не технике, не литературе, но людям. Его наследство не научные идеи, не только литературные образы, но главное — великая и непобедимая армия его читателей.

Это наследство — самое дорогое из всех дел писателя. И оно не истощается — и не истощится никогда, потому что с каждым днем оно становится все больше, и мы ценим его все дороже.

Жюль Верн был и остается великим воспитателем, и в этом его сила, слава и бессмертие.

Уже были названы те, кто с гордостью признавал ту роль, которую сыграл Жюль Верн в формировании их мировоззрения, в выборе ими профессии. А сколько их, еще не названных и безыменных, великих и малых, чье творческое воображение было впервые разбужено книгами Жюль Верна! Скольким он указал, и еще укажет, путь в науке и в жизни — не потому, что он лучше видел дорогу к цели, но потому, что он верил в победу. Он еще не собран и даже весь еще не взошел, этот великий посев в умах стремящегося вперед человечества!

Юноши, девушки, дети, открывая книги Жюль Верна, входят, как сквозь широко распахнутую дверь, в великолепный мир, полный красок, движения и жизни. В его чистых, прозрачных далях они видят сразу все страны света и все человечество, борющееся с силами зла и всегда их побеждающее, завоевывающее подземные, подводные, заоблачные и надзвездные края, неудержимо стремящиеся вперед, в великолепный мир будущего!

...На могиле Жюль Верна стоит простой памятник: высеченная из мрамора фигура знаменитого писателя поднимает гробовую плиту и жадно протягивает правую руку вверх — к солнцу и свету.

«К вечной молодости», — гласит лаконичная надпись.

Библиография

1. СОЧИНЕНИЯ ЖЮЛЯ ВЕРНА

А. Серия научно-фантастических романов под общим названием «Необыкновенные путешествия. Известные и воображаемые миры». (С указанием года выхода отдельным изданием.)

1. 1863. Cinq semaines en ballon (Пять недель на воздушном шаре).
2. 1864. Voyage au centre de la terre (Путешествие к центру Земли).
3. 1865. De la terre a la lune (От Земли до Луны).
4. 1866. Aventures du capitaine Hatteras (Приключения капитана Гаттераса).
5. 1867–1868. Les enfants du capitaine Grant (Дети капитана Гранта).
6. 1869–1870. Vingt mille lieues sous les mers (Двадцать тысяч лье под водой).
7. 1870. Autour de la lune (Вокруг Луны).
8. 1871. Une ville flottante (Плавающий город).
9. 1872. Aventures de trois Russes et de trois Anglais (Приключения трех русских и трех англичан).
10. 1873. Le pays des fourrures (Страна мехов).
11. 1873. Le tour du monde en 80 jours (Вокруг света в восемьдесят дней).
12. 1874. Le docteur Oх; (Maotre Zacharias; Un hivernage dans les glaces; Un drame dans les airs (Доктор Оке; Мастер Захариус; Зимовка во льдах; Драма в воздухе).
13. 1874. L 'ole mystérieuse (Таинственный остров).
14. 1875. Le Chancellor (Ченслор).
15. 1876. Michel Strogoff (Михаил Строгов).
16. 1877. Hector Servadac (Гектор Сервадак).
17. 1877. Les Indes noires (Черная Индия).
18. 1878. Un capitaine de quinze ans (Пятнадцатилетний капитан).
19. 1879. Les cinq cents m'liions de la bégume (Пятьсот миллионов бегумы).
20. 1879. Les tribulations d'un chinois en Chine (Треволнения одного китайца в Китае).
21. 1880. La maison a vapeur (Паровойé дом).

22. 1881. La jangade (Жангада).
23. 1882. L'école des Robinsons (Школа Робинзонов).
24. 1882. Le rayon vert (Зеленый луч).
25. 1883. Kéran le têtû (Упрямец Керабан).
26. 1884. L'archipel en feu (Архипелаг в огне).
27. 1884. L'étoile du Sud (Южная звезда).
28. 1885. Mathias Sandorff (Матис Сандорф).
29. 1885. L'épave du Cynthia (Обломки Цинтии).
30. 1886. Un billet de loterie (Le № 9672) (Лотерейный билет).
31. 1886. Robur le Conquérant (Робур Завоеватель).
32. 1887. Le chemin de France (Путь во Францию).
33. 1887. Nord contre Sud (Север против Юга).
34. 1888. Deux ans de vacances (Два года каникул).
35. 1889. Famille sans nom (Семья без имени).
36. 1889. Sens dessus dessous (Вверх дном).
37. 1890. César Cascabel (Сезар Каскабель).
38. 1891. Mistress Branican (Миссис Браникан).
39. 1892. Le château des Carpathes (Замок в Карпатах).
40. 1892. Claudius Bombarnac (Клодиус Бомбарнак).
41. 1893. P'tit bonhomme (Малыш).
42. 1894. Les merveilleuses aventures de maître Antifer (Удивительные приключения мэтра Антифера).
43. 1895. L'île à hélice (Самоходный остров).
44. 1896. Clovis Dardentor (Кловис Дардантор).
45. 1896. Face au drapeau (Равнение на знамя).
46. 1897. Le sphinx des glaces (Ледяной сфинкс).
47. 1898. Le superbe Orénoque (Великолепное Ориноко).
48. 1899. Le testament d'un excentrique (Завещание чудака).
49. 1900. Les histoires de Jean-Marie Cabidulen (Рассказы Жана-Мари Кабидулена).
50. 1901. Seconde patrie (Вторая родина).
51. 1931. Le village aérien (Воздушная деревня).
52. 1902. Les frères Kip (Братья Кип).
53. 1903. Bourses de voyages (Путешественники-стипендиаты).
54. 1904. Maître du monde (Властелин мира).
55. 1904. Un drame de Livonie (Драма в Ливонии).
56. 1905. L'invasion de la mer (Вторжение моря).
57. 1905. Le phare du bout du monde (Маяк на краю света).
58. 1906. Le volcan d'or (Золотой вулкан).

59. 1907. L 'agence Thompson et C'e (Агентство «Томпсон и компания»).
60. 1908. La chasse au météore (Охота за метеором).
61. 1908. Le pilote du Danube (Дунайский лоцман).
62. 1909. Les naufragés du «Jonathan» (Крушение «Джонатана»).
63. 1910. Hier et demain (Вчера и завтра).

В сборник вошли повести и рассказы: Frlft Flacc (Фритт-Флакк), Gil Braltar (Жиль Бралтар), An XXIX siècle. La journée d'un journaliste américain en 2889. (В XXIX веке. Один день американского журналиста в 2889 г.), Le humbug (Вздор), L'éternel Adam (Вечный Адам).

64. 1910. Le secret de William Storitz (Тайна Вильгельма Шторица).

65. 1910. L'étonnante aventure de la mission Barsac (Экспедиция Барсака).

К «Необыкновенным путешествиям» относятся, кроме романов, рассказы и повести, собранные в сборниках № 12 и 63, а также публиковавшиеся в журналах:

1851. Les premiers navires de la marine mexicaine (Первые корабли мексиканского флота).

1852. Martin Paz (Мартин Пас).

1865. Les forceurs de blocus (Нарушитель блокады).

1879. Les révoltés de la «Bounty» (Мятежники с «Боунти»).

Б. Собрания сочинений Жюль Верна на русском языке

1. Полное собрание сочинений. Тт. 1 — 88. СПб, изд. П. П. Сойкина, 1906–1907.

2. Полное собрание сочинений. Серия 1, тт. 1–6 (издание не закончено). М., изд. И. Д. Сытина, 1917.

3. Собрание сочинений. Серия 1, тт. 1 — 12, серия II, тт. 1 — 12. М. — Л., изд-во «Земля и фабрика», 1928–1930.

4. Собрание сочинений в двенадцати томах. М., Гослитиздат, 1954–1956 (издание продолжается, вышли тт. 1–6).

II. ГЛАВНЫЕ РАБОТЫ О ЖЮЛЕ ВЕРНЕ:

1. C h. Lemire, Jules Verne L'homme, l'écrivain, le voyageur, le citoyen. Son oeuvre, sa mémoire, ses monuments. Paris, 1908.

2. M. Popp, Julius Verne und sein Werk. Wien-Leipzig, 1909.

3. M. Allotte de la Fuye, Jules Verne, sa vie, son oeuvre. Paris, 1928 (sec. йд. 1953).

4. E. Marc uc ci, Oiuilio Verne e la sua opera. Milano, 1930.
5. A. Jacobson et A. Antoni. Des antipations de Jules Verne aux réalisations d'aujourd'hui, Paris, 1936.
6. K. Allott, Jules Verne. London, 1940.
7. G. Waltz, Jules Verne. New York, 1943.
8. К. Андреев, Вступительная статья к собранию сочинений Жюль Верна в двенадцати томах. Москва, 1954.
9. Специальный номер журнала «L'Europe», посвященный юбилею Жюль Верна («L'Europe» № 112–113, avril — mai. Paris, 1955).

В нем статьи: P. Abraham, G. Ziegler, C. Andréev, P. Gamarra, H. Psichari, R. de la Fuye, P. Sichel, G. Sadoul, J. Bouissounouse, F. Alphantery, G. Fournier, S. Tenand, E. Vazsonyi.

10. Е. П. Брандис, Жюль Верн. Ленинград, 1956.

Более полную библиографию сочинений Жюль Верна и литературы о нем можно найти в указателе, составленном Е. П. Брандисом и М. Х. Лазаревым (Всесоюзная Государственная библиотека иностранной литературы. Писатели зарубежных стран. Жюль Верн. Биобиблиографический указатель к пятидесятилетию со дня смерти». Москва, 1955).

INFO

Андреев Кирилл Константинович
ТРИ ЖИЗНИ ЖЮЛЯ ВЕРНА

Редактор *Н. Филиппова*
Художник *С. Пожарский*
Худож. редактор *В. Бродский*
Техн. редактор *Г. Морозова*

A11191. Подп. ж печати 9/X1 1956 г.
Бумага 84 x 108 1/32 = 4,875 бум. л.
15,99 печ. л. Уч. — изд. л. 14,28
Заказ 1369 Тираж 90 000 экз.
Цена 5 р. 80 к.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия».
Москва, А-55, Сущевская, 21.